ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

А. А. Свиридов

Батальоны вступают в бой

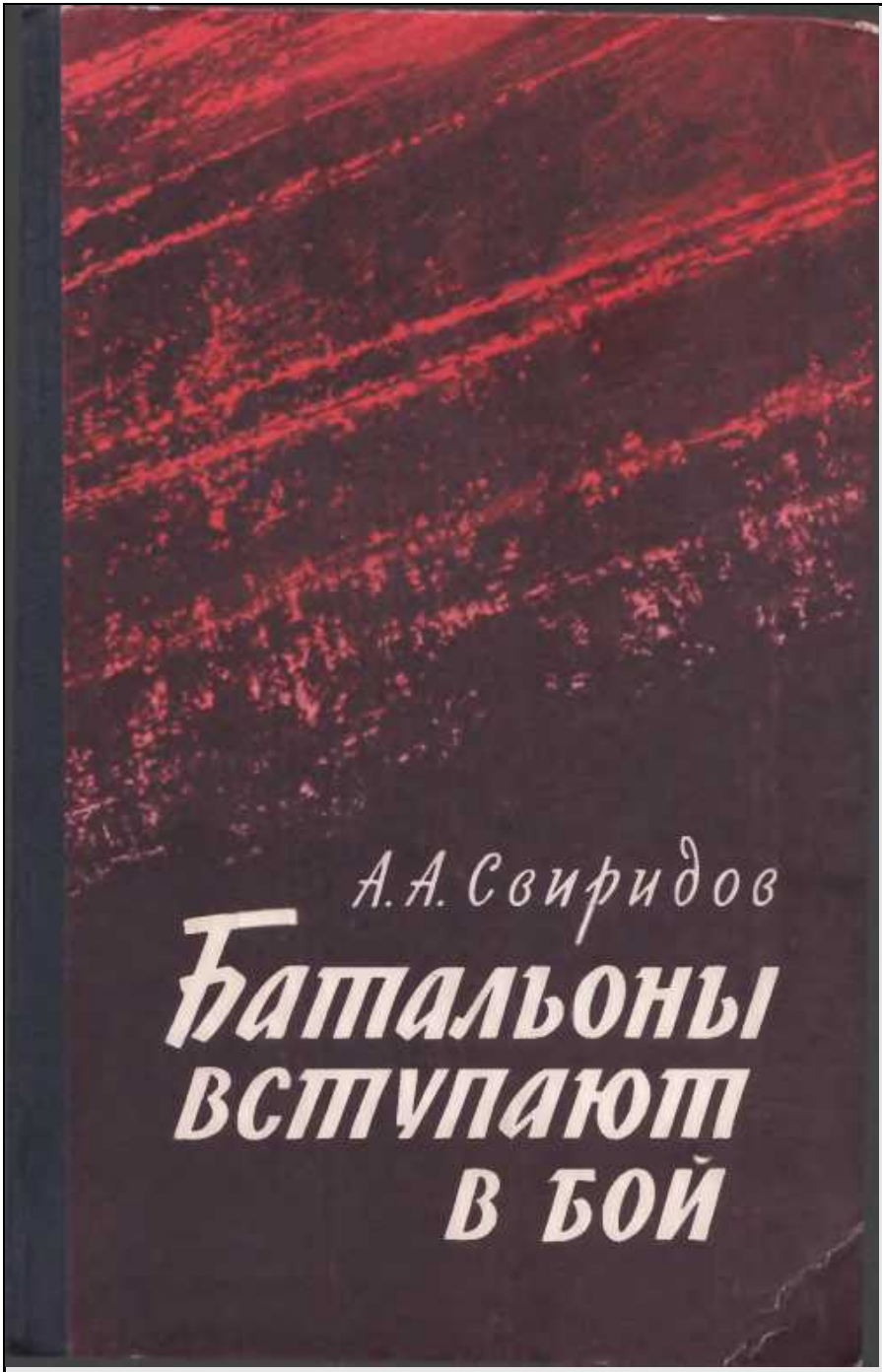
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Главные герои книги — солдаты, сержанты, офицеры — участники Великой Отечественной войны. Автор настолько хорошо знает этих людей, так ярко и объемно воссоздает их образы, что они встают перед нами как живые. Читателям наверняка запомнятся и полюбятся очень разные по характеру солдаты братья Кругловы, по-житейски мудрый командир снайперского пулеметного расчета Иванов, врожденные разведчики младший лейтенант Калинкин и старшина Дубинда, скромный, самоотверженно трудолюбивый начальник штаба части Алехин и многие другие. Особый интерес представляют страницы, посвященные пока еще слабо отраженным в литературе оборонительным боям 18-й армии на государственной границе. Книга подкупает своей искренностью и объективностью.

- Александр Свиридов
  -
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая

Александр Свиридов
БАТАЛЬОНЫ ВСТУПАЮТ В БОЙ


А. А. Свиридов
Батальоны вступают в бой

Александр Андреевич
СВИРИДОВ

Глава первая
СУРОВЫЙ РАССВЕТ

После обеда, когда лес, в котором мы располагались, казалось, совсем поник от палящего зноя, столь характерного для бессарабского лета, в мою палатку вошел дежурный в новом снаряжении и весело доложил:

— Товарищ капитан, принимайте подарки…

На реке Прут наша дивизия сменила пограничников. Покидая государственный рубеж, они передали нам укрепленный берег и оставили не совсем обычные сувениры — ореховые удочки, разбитый пулемет и старую овчарку, которая отслужила свой срок и теперь, седая, с прогнутой спиной и заметно осевшая на ноги, смотрела на курносого бойца в зеленой фуражке с последней надеждой.

А тот, вручая лейтенанту Булаху потертый поводок, предупредил, что у Леры должен быть один хозяин… Он сказал:

— И пусть зайдет ко мне. У каждой собаки свои повадки.

Он опустился на колени и, лаская овчарку, заговорил с ней, словно она понимала каждое его слово:

— Не серчай, пришло время разлуки. Тебе пора на пенсию, а мне домой, на родной завод. Жить буду в общежитии, так что сама понимаешь… Тебе здесь лучше будет. И ты, старушка, тут еще пригодишься. Ну… прощай!

Воин мог бы долго рассказывать, сколько ночей просидел он вместе с Лерой в секрете, сколько раз она спасала ему жизнь, как зализывала рану на руке. Но к чему лишние слова?

Опираясь на передние лапы, Лера сидела перед пограничником, заострив уши и все еще на что-то надеясь. А он быстро встал и, не оглядываясь, поспешил к воротам лагеря, точно боялся, что собака бросится за ним.

Да, они расстались просто. Но от этой простоты у меня пересохло в горле, и я, молча наблюдая за Лерой, думал: «Надо найти для нее подходящего хозяина».

Лейтенант Булах, к сожалению, не мог ее взять. У него был конь Донбасс. Красавец! Весь белоснежный, грива волнистая, ноздри и глаза черные. Булах безумно любил его. Возиться еще и с Лерой ему было недосуг. Он ведь все-таки начальник штаба

отдельного разведывательного батальона!

Решил посоветоваться с Андреем Курдюковым, моим коноводом. Он явился в начищенных сапожках, в кавалерийской фуражке, лихо сдвинутой набекрень. Докладывая, взмахом ладони задел свой огненный чуб:

— Товарищ комбат, по вашему приказанию…

Я прервал его и показал на Леру. Рассказ о пограничной собаке Андрей выслушал равнодушно. Я знал, что у него в кармане всегда имелся сахар для его Жулика и моего Рассвета, и попросил угостить животное. Но Лера даже и носом не повела. Она все еще смотрела в сторону лагерных ворот.

— Чуешь, Курдюков?

Коновод на минутку задумался, потом, тряхнув кудрями, сказал:

— Иванов! Он же охотник! Вот кому доверить…

Иванов служил в комендантском взводе. Он часто охранял штаб батальона. Мы с ним не раз беседовали по душам. Его любимая тема — север, лыжи, ружье и собаки. Казалось, что он-то должен без всякой просьбы пригреть старую овчарку. Однако мы с Андреем ошиблись.

Оказывается, Иванов любил не всех собак, а только охотничьих. Его заинтересовала не пограничная собака, а разбитый пулемет. Он взялся починить его.

— «Максим» при охране штаба ой как пригодится…

И по тому, как этот приземистый, широкогрудый боец взялся за ручки пулемета, я почувствовал, что ему нельзя отказать в просьбе. Но кому же передать поводок?

К счастью, новый хозяин сам нашелся. Он присел на корточки перед Лерой, поднял с земли кусок сахару, положил его на свой утиный нос и строго сам себе приказал:

— Нельзя! Тубо!

Овчарка с удивлением посмотрела на маленького бойца в помятой пилотке. Его конопатое лицо, с открытой голубизной в глазах, дышало добротой и детским озорством. Он ловко носом подбросил вверх рафинад и крикнул:

— Можно! Пиль!

И Лера, показав нам черную пасть, схватила гостинец.

Вопрос был решен. Мне, кстати, вспомнилась одна история, связанная с этим дрессировщиком.

В состав нашего батальона входил кавалерийский эскадрон. Все лошади хорошо выполняли команды. Только один вороной Герман никого не слушался, когда ему приказывали лечь на землю.

Мы уже решили списать его в обоз. Но в это время помощник

повара Семен Бердникович принес мне обед и стал слезно проситься в эскадрон. Я, говорит, в Белоруссии на конном заводе работал. С малых лет поил и купал лошадей…

Я не возражал, но поставил условие «Положишь Германа — конь твой!» Бердникович охотно согласился. И через неделю, на удивление всему эскадрону, Герман послушно лег перед ним. Так Семен стал кавалеристом…

— Бердникович, — поинтересовался я, — а чем будешь кормить овчарку?

— Так я ж на кухне свой человек! — засмеялся он и, задорно подмигнув собаке, строго скомандовал: — Лера, взять ногу!

И Лера послушно пошла за ним.

А вскоре «старушка» действительно оправдала свой хлеб.

Жена командира роты Вера Тихонова выписалась из больницы. Я попросил Курдюкова нарвать для нее букет цветов. В районе Сырой балки росли чудесные болгарские розы.

Бродя там, Андрей обратил внимание на двух усачей с мешками за спиной. Они шли в балку. Обычно местные крестьяне ходили туда за глиной. А эти, наоборот, что-то с собой несли.

Курдюков заподозрил неладное: последовал за ними. Незнакомцы, заметив человека в военной форме, как сквозь землю провалились. Андрей не стал тратить время на поиски: быстро вернулся в лагерь и, передав мне цветы, рассказал о виденном.

Его информация меня насторожила. Пограничники, сдавая нам государственный рубеж, предупредили, что противоположный берег Прута забит румынскими войсками: «Смотрите в оба!» А вчера зарубежное радио сообщило, будто на румынскую границу прибыли четыре немецкие дивизии. Что это: маневры или стратегическое развертывание вооруженных сил?

Любая граница требует бдительности. А западная сорок первого года особенно беспокоила нас. Я немедленно организовал поиск.

И через пятнадцать минут Лера уже взяла след. За ней, вытирая потные лица, почти бежали Семен Бердникович, Андрей Курдюков и Николай Иванов. Собака сначала привела красноармейцев в балку, где неизвестные спрятали взрывчатку, а потом настигла и самих диверсантов. Возможно, вооруженные нарушители границы решились бы оказать сопротивление, но опытная овчарка опередила их. Она подкралась к ним незаметно и так рявкнула, что они побоялись даже руками шевельнуть.

При этом, как рассказал Андрей, «старуха» совершенно переродилась: щетина на спине вздыбилась, отчего Лера стала казаться выше. А главное, откуда у нее взялись проворство и

сила? Она, как молодая, перепрыгивала через камни. А взгляд ее прямо гипнотизировал. Она так люто смотрела на арестованных, что они даже во время допроса косились на овчарку.

Один из диверсантов плохо, но все же говорил по- русски. Он много лет жил в Бессарабии. Его каменный дом и обширный участок с виноградником достался молдавским колхозникам. Офицер войсковой разведки 3-й румынской армии, которая занимала правый берег Прута, сказал ему: «Если хочешь вернуть свой дом и виноградник, помоги нам в одном деле…»

Диверсанты подтвердили, что к ним, в Румынию, прибыли германские соединения и что солдаты их прямо говорят о «неизбежной драке с русскими». Диверсантам поручили на советском берегу создать склад взрывчатки и в момент вторжения парализовать железнодорожную ветку Черновицы — Липканы: не дать русским быстро подвести резервы, сорвать маневры и эвакуацию материальных ценностей.

Нам думалось, что после этого тревожного сигнала сверху последуют соответствующие приказы и распоряжения. Но их не было.

В эти дни в дивизионном клубе армейский лектор-международник авторитетно заявил:

— Гитлер боится Красной Армии и на всякий случай страхуется — сосредоточивает войска на восточной границе. — Он эффектно вскинул руку: — Страх, а не сила по ту сторону кордона!

Эти слова успокоили нас. И случай с диверсантами нами рассматривался как обычное происшествие на границе.

По-прежнему, не меняя ритма, мы продолжали укреплять рубеж, нести охрану его и совершенствовать боевую выучку. А на той стороне, по всему было видно, к чему-то усиленно готовились. С западного берега Прута доносились подстегивающие выкрики, лязг гусениц, шум моторов.

2

В ночь на 12 июня с румынского берега к нам приплыл молдаванин. Стоя перед нами, он дрожал. И дрожал не потому, что промок: ночь была на редкость теплая…

Замполит Василий Шугаев, всегда чуткий, доброжелательный, сейчас смотрел на перебежчика прищурившись. Старший политрук явно не верил ему. Ночного гостя задержали разведчики, находившиеся в секрете. Еще не известно, куда бы он пошел, если б не попался. Может, лазутчик?

— Обыскать, — шепнул старший политрук и кивнул на пухлый брючный карман молдаванина.

Я медлил. Один неосторожный шаг — и перебежчик может не сказать нам всего, что знает. Возможно, он и дрожит потому, что опасается: поверят или не поверят?

Приветливо улыбаюсь, а сам мучительно думаю: «Враг или друг?»

Сначала говорил он торопко, сбивчиво, подергивая бровями. Раскурив предложенную папиросу, внимательно взглянул в мои глаза, и речь его стала спокойнее.

Молдаванин Маркауцы учился в одесской школе. Дружил с русскими ребятами, полюбил Пушкина, Гоголя и до сих пор читает их произведения на русском языке. Слушая его, я невольно подумал: «Именно таких, побывавших в Советском Союзе, знающих русский язык, и засылает к нам иностранная разведка».

Яркая автомобильная лампочка освещала палатку, стол и чистый лист бумаги. Я не записывал, боясь нарушить непринужденность нашей беседы…

— Да вы садитесь, согрейтесь чайком, — подал я термос.

Он поблагодарил, опустился на угол табурета и, принимая кружку с чаем, первый раз улыбнулся:

— Обещал жене не расставаться с кольцом… — Он вытащил из кармана брюк мокрый носовой платок, завязанный узлом.

Блеснуло толстое обручальное кольцо. Подозрительный карман перестал быть подозрительным. И все же думалось: «А что, если актерствует?»

Замполит, сидя за столом, толкнул меня ногой, давая понять, что к нам залетела редкая заморская птаха.

И все же хотелось верить перебежчику. Его рассказ не противоречил нашим наблюдениям за правым берегом Прута. Оттуда доносился не только рокот танков, но и плач румынской деревни: крестьян выселяли подальше от границы. Трудно было поверить, что наши «мирные» соседи готовились к большим маневрам, о чем сообщила зарубежная печать. Этак «маневрируя», Гитлер захватил Австрию, Чехословакию, Польшу, Францию, Югославию и Грецию. Конечно, русский каравай сразу не проглотишь: можно подавиться. Но чем черт не шутит!

В бухарестском ресторане Маркауцы слышал, как пьяный немецкий офицер просвещал румынского: «Русские абсолютно не готовы к защите. Мы похороним их молниеносно. А вам на закуску — Одессу».

Пришелец чувствовал, что один из нас не верит ему. Он демонстративно обращался только ко мне:

— Прошу вас, капитан, не надо моей фамилии в печати.

Там, — он указал в сторону границы, — моя семья. Фашисты расстреляют всех, если узнают…

— Понимаю! — ответил я.

Маркауцы — железнодорожник. Исколесил Румынию, сопровождал цистерны с бензином в Польшу, знал, куда идут военные эшелоны, расположение армейских складов, места скопления войск. График доставки горючего воинским частям позволил ему определить день вторжения на русскую землю…

— Это произойдет 21 июня!

На миг представилась картина внезапного удара, и меня охватил холодок. Внезапность — большой козырь в любой битве. Замысел Гитлера коварный. Мой собеседник говорил о том же:

— Гитлер бандит! Не верьте ему! Ударит в спину! Предупредите Москву. Немедленно предупредите!..

Выходило, что Гитлер заключил с нами пакт о ненападении ради внезапного нападения.

Поблагодарив молдаванина за благородный поступок, я, не теряя времени, отвез его в штаб дивизии.

Оттуда через некоторое время пришел приказ: в случае провокации — ответного огня не открывать.

Приказ этот выполнялся строго. Немецкий разведчик летал вдоль границы и нагло фотографировал наши укрепления. А советские зенитки и самолеты не мешали ему вести воздушную разведку.

Многие из нас только пожимали плечами. Не стану кривить душой, я тоже в какой-то мере смирился с обстановкой благодушия, хотя не без тревоги ожидал 21 июня.

Обычно на воскресенье я уезжал к семье в Хотин. Но в субботу 21 июня не поехал. Наблюдательные посты и дозоры сообщали о передвижении войск на противоположном берегу. Это беспокоило…

Наш отдельный разведывательный батальон, которым я командовал, располагался по самой границе. Мотострелковая рота лейтенанта Романенко находилась в полевых сооружениях, танковая рота лейтенанта Тихонова укрылась в роще восточнее погранзаставы, кавалерийский эскадрон соседствовал с нею. Бронерота была в тылу.

Решил побывать в подразделениях. Направился к кавалеристам. Командир эскадрона старший лейтенант Коробко после доклада попросил разрешения послать разведку на ту сторону реки.

— Погоди, не торопись. Придет твое время. А пока наблюдай и прислушивайся.

Я знал, что эта форма разведки не по нутру Коробко, но

приказал больше ничего не предпринимать.

— Проведи меня к твоим секретам. Кто на левом фланге?

— Командир отделения Сысоев, с ним бойцы Бердникович и Иванов.

— Пойдем к ним.

Красноармейцы располагались в хорошо замаскированных окопах. Высокий, стройный командир отделения Сысоев доложил:

— Секрет номер два, старший — командир отделения Сысоев. В секторе наблюдения за последние три часа появилась новая цель — группа пехоты в составе 20 человек, окапывается…

— Где? — спросил я.

— А вон, левее бугра, что в двухстахпятидесяти метрах от берега.

Наклонившись к бойнице, я увидел солдат в форме мышиного цвета, орудовавших лопатками.

— Продолжайте наблюдение и обо всем докладывайте, — сказал я Сысоеву.

Взглянув в сторону Бердниковича, который лежал рядом с Ивановым и зорко всматривался в противоположный берег Прута, я заметил, что лицо его было строже обычного, исчезла беззаботность.

— Как дела, товарищ Бердникович?

— Хорошо, товарищ капитан, — тихо ответил он.

— Как Герман?

— Второй день не вижу, у коноводов он, соскучился по нему.

— О коне позаботятся, — успокоил я его.

Вечер провел с бойцами. Вместе с ними смотрел картину «Трактористы». Фильм не без веселых сцен. Но мне было не до смеха: на экране тарахтели колхозные машины, а мне чудилось, что за моей спиной рокочут вражеские танки.

Из кино возвращался вместе с Шугаевым. Шли молча и слушали последние известия по радио. Голос московского диктора сообщал вести с полей и заводов. Старший политрук многозначительно заметил;

— Ну вот, Александр Андреевич, и двадцать первое укатило. Бессараб-то провел!..

Пришлось промолчать. Ночью не раз просыпался, вслушивался. По дорожке возле штаба мерно вышагивал часовой. Время близилось к рассвету. Вдруг всполошилась листва на деревьях, налетел ветер, и палатку заполнил густой, сварливый гул самолетов. Они шли из Румынии. И опять надежда: «Может, провокация?»

Нет, это не провокация! С противоположного берега ударили пушки. Сначала снаряды рвались на укрепленной полосе, затем

задели и наш лагерь.

Я рванулся к телефону. Связи нет! Фашисты бомбили спящие города. Дым и зарево взвились над Черповицами, Хотином, Каменец-Подольском.

Как же быть? Открыть ответный огонь — нарушение приказа. А «юнкерсы», отбомбившись, снизились и из пулеметов обстреляли нас.

Ни артналет, ни удар авиации не вызвали среди личного состава батальона паники — многие бойцы и командиры участвовали в прорыве линии Маннергейма и получили хорошую боевую закалку. Но всех тяготила паша пассивность. Среди разведчиков уже были убитые и раненые. Это заставило меня действовать. Я послал Курдюкова в штаб дивизии. Эскадрон вывел в район укрытия, мотострелковую роту привел в боевую готовность, а танкам приказал открыть огонь по фашистам.

Так началась для меня и моих сослуживцев Великая Отечественная война.

И тогда, и много лет спустя я не раз вспоминал Маркауцы. Обидно, что мне не удалось ближе познакомиться с железнодорожником из Румынии. Я не успел даже записать его имени, а дивизионный архив первых месяцев войны погиб.

Хочется сказать доброе слово не только о Маркауцы. Все, кто своевременно сообщал нам об опасности, заслуживают этого. Ведь эти люди не военные разведчики, выполняющие свой служебный долг. Ими руководила гуманная идея — предупредить народ, которому грозит внезапное нападение, помочь сорвать коварные планы агрессора. Ради человечности и человечества они рисковали своей жизнью, родными, а подчас и родиной.

3

Поздно вечером позвонили от полковника А. Н. Червинского. Командир 164-й стрелковой дивизии вызывал к себе. Я ехал и гадал зачем.

С первого дня войны солдаты Антонеску пытались прорвать нашу оборону вдоль Прута, но безуспешно. К концу недели их активность спала, и на границе воцарилось относительное затишье. Даже не верилось, что на главном направлении немцы продвигаются по тридцать километров в день.

Мы понимали, что покой на участке нашей армии временный.

Штабные землянки дивизии располагались на восточной окраине деревни Доликяны. Я ожидал встретить у Червинского командиров полков, но он сидел за картой один. Чем-то

озадаченный, полковник машинально включил электрический свет, хотя вечерняя зорька за окном еще не потухла.

Мне бросилась в глаза резкая перемена во внешности комдива. Невысокий, жилистый, подвижной и быстрый на слово, он на этот раз вяло протянул руку и как-то безучастно предложил сесть.

— Как настроение у бойцов?

Его вопрос окрылил меня. Все мы, советские воины, готовились бить врага только на его земле. Я верил, что наша дивизия в конце концов перейдет к активным действиям. У меня даже голос зазвенел:

— Готовы выполнить любое задание!

— Это хорошо, капитан. А вот населению не помогаешь. Только что новоселицкие женщины…

Он не договорил. Его отвлек телефонный звонок. Полковник взял трубку:

— Червинский…

Но по мере того как он слушал, на его лице опять заметной тенью легли бессонные ночи. Вдруг он резко крикнул в трубку:

— У тебя не разведчики, а… Повтори поиск! Всё!

Повернувшись спиной к телефону, комдив продолжал с раздражением:

— Ситуация! На Южном фронте немцы и румыны сосредоточили двадцать четыре дивизии и пятнадцать бригад. Где они нанесут главный удар? Нужен «язык». И такой, чтобы кое-что знал. А разведчики таскают каких-то кретинов.

Полковник бросил сердитый взгляд на телефонный аппарат. У меня мелькнула догадка: «„Язык“! Вот зачем вызвал».

Но командир дивизии вернулся к прерванному разговору:

— Да… Так вот, новоселицкие женщины жаловались: ни хлеба, ни продуктов у них, А за порядок в Новоселицах отвечаешь ты…

Некогда мне было в разгар военных событий заниматься житейскими делами. Однако приказ есть приказ. В тот же вечер вместе с Курдюковым отправились мы в Новоселицы. Местечко, особенно район станции, румыны каждый день обстреливали из тяжелых орудий. Но сейчас на улицах было тихо и безлюдно.

Нашли пекарню. Дверь нам открыл сторож с огромным рыжим котом на плече. Он поведал: начальство улепетнуло, кладовщик ключи с собой забрал, печи вторую ночь холодные…

— Хотели бабы сами склад открыть, да не тут-то было: не дверь, а броня, что на крейсере. Был у нас такой случай на флоте…

Случай, возможно, интересный когда-то произошел, но

слушать было некогда. Я извинился и попросил старика показать, где склад с мукой. Старик оказался прав: толстая железная дверь была закрыта на висячий и внутренний замки.

— Вот бы сюда Иванова! — заметил коновод. — Николай любой замок отомкнет…

Я послал Андрея за Ивановым, а сам решил обойти постройку. Длинное глухое здание, из серого камня, с двумя вентиляторами, под красной кирпичной крышей. К нему примыкал низкий забор, за которым светились окна приземистой мазанки.

Во всем городе ни огонечка — всюду маскировка, а тут два светящихся окна и даже без занавесок. Я постучался. Случай свел меня с братьями-железнодорожниками. Они только что вернулись из трудного рейса. Севернее Львова к их товарному поезду привязались немецкие самолеты, потом обстреливали танки. И все же они угнали паровоз, под обстрелом отцепив разбитые вагоны.

Старший брат, машинист, обрадовался моему приходу и попросился к нам добровольцем:

— Не подведу.

Он был краток и решителен. А младший, помощник машиниста, по-бабьи отговаривал брата:

— Куда лезешь, Паша?! Все это зря! У немца всего больше — и на небе и на земле. Он прет без удержу! Нам скоро крышка!

Хотелось осадить паникера, разъяснить ему, что успехи гитлеровцев временные, но в данный момент было не до разговоров.

— Вы, случайно, не знаете, — обратился я к братьям, — кладовщика соседней пекарни?

— Мамалыгу? Как не знать! Рядом живет…

— Он что, эвакуировался вместе с семьей?

— Может, и сбежал, — пожал плечами старший брат, — только кто-то из них остался. Сейчас мы проходили, так за оградой собака лаяла: кто-то же ее кормит.

— Факт, кормит! — подхватил младший брат. — Я Мамалыгу знаю! Он не только дом — окурок на землю не бросит. В коробочку откладывает. Да и зачем ему бежать? От кого бежать? До Советской власти он тут работал агентом фирмы румынских вин. А кто вам сказал, что он удрал?

Моя ссылка на сторожа пекарни заставила братьев призадуматься. Старик, бывший моряк Черноморского флота, пользовался доверием Кругловых. Павел заявил:

— Ну раз дед сказал, значит, Мамалыга в самом деле снялся с якоря.

— Снялся! А куда? И надолго ли? — Младший брат вытер мокрые руки и подошел ко мне: — А зачем он вам?

История с ключами и закрытым складом еще больше растревожила братьев. Они уже слышали от сослуживцев о том, что в городе нет хлеба. Но не знали причины. Несмотря на смертельную усталость, Павел первым предложил свои услуги:

— Подкараулить надо. Он, поди, ночью придет…

— Факт, придет! — поддержал младший и поднял палец: — Но Тайфун учует нас и лаем предупредит его. Пса бы под буфер…

Задачу решил Курдюков. Он вернулся не только со своим другом, но и прихватил на всякий случай Леру.

И достаточно было Андрею устроить засаду возле дома Мамалыги, как собака поняла, что надо кого-то взять.

Курдюков и братья Кругловы засели в разных местах, но все против ветра. Так что Тайфун полаял, поворчал и притих. Около трех часов ночи Лера, лежавшая возле Курдюкова, поднялась и бесшумно зашагала в темноту. Андрей ничего не слышал, но догадался, что хозяин возвращается домой со стороны ручья, задворками.

Схватка была короткой. Когда Павел электрическим фонариком осветил сопевшего Мамалыгу, он уже лежал на земле, прикрыв голову руками.

Рядом, за каменным забором, остервенело лаял Тайфун. Он рвался на помощь хозяину, но не мог преодолеть ограду. Недалеко от Мамалыги в траве нашли макет со свежим мясом.

Лера, по словам Мамалыги, сбила его в тот момент, когда он хотел перебросить сверток через забор. А о том, что во время падения успел отшвырнуть парабеллум в крапиву, промолчал. Однако Лера отыскала и оружие.

Мамалыга оказался резидентом румынской разведки. Рослый, с волевым подбородком и смелым взглядом, он своим заявлением удивил нас.

— Одно из двух, — сказал шпион, — если вы сейчас разделите мясо поровну между двумя собаками, то я охотно буду отвечать на все вопросы; если же оставите моего пса голодным, ничего не отвечу даже под пистолетом.

Его просьбу выполнили. Он отдал ключи от склада с мукой и без сопротивления последовал в особый отдел дивизии. Я не присутствовал при его допросе: мне нужно было наладить работу булочных и магазинов. После комдив поблагодарил за поимку Мамалыги и дал понять, что агент с успехом заменил «языка», так как только-только вернулся с правого берега Прута.

Братья-железнодорожники вскоре были зачислены в разведбатальон и прошли со мной почти всю войну. Но об этом

дальше…

4

Начиная с 1 июля противник не раз пытался форсировать Прут. Особенно упорно он рвался на мост возле железнодорожной станции Липканы.

Мост! Мы сохранили его для наступления, а теперь никак не можем подорвать. Вражеские пулеметы и минометы не подпускают к нему. Но и румыны не в силах проскочить через него. Они уже потеряли два танка и больше взвода солдат.

Сегодня неприятель при поддержке авиации снова бросился на мост. Стрелковый батальон старшего лейтенанта Петрова отбил все атаки. Поняв, что переправой ему не овладеть, враг перенес артиллерийский огонь на Новоселицы.

Этот участок оборонял 144-й отдельный разведывательный батальон. Я и мой заместитель капитан Иван Сосин понимали, что теперь румыны попытаются прорваться через наши боевые порядки.

Перед нами карта. Государственная граница, от которой мы ни на шаг не отступили, на юге проходила по реке Прут, а севернее — по суше. Сосин показал на «пятачок»:

— Вот тут надо ожидать. — Его карандаш вывел стрелку. — По суше проще и танкам и пехоте. А нам трудней: за нашей спиной река. Если они переправу уничтожат, то сбросят нас в воду…

Заместитель рассуждал правильно: форсировать реку труднее, чем действовать на суше. Но та же река, за нашей спиной, может стать преградой для отступления — и наши бойцы будут обороняться до штыковой атаки. А русского штыка боятся все…

На «пятачок» я послал замполита Шугаева. Его задача — поднять дух красноармейцев, укрепить их решимость стоять насмерть. А Сосину приказал подтянуть танки к Кривому колену, не сомневаясь в том, что комдив одобрит мою инициативу.

Так оно и вышло. Полковник Червинский уже получил сведения о том, что противник обстреливает наш правый берег. Комдив не отменил моего приказа, хотя напомнил, что 144-й батальон — особый. Он состоял из танковой и мотострелковой рот, кавэскадрона и роты бронемашин с пушками. По тому времени это была ударная сила соединения. И конечно, ее нужно было приберегать.

Из штаба дивизии я возвращался с Курдюковым. Он,

разумеется, не знал сути нашего разговора с комдивом, однако вставил реплику очень кстати:

— Я б на месте мамалыжников рванул по воде…

— Почему? — заинтересовался я.

— А потому, что на войне все хитрят. — Он махнул рукой в сторону реки. — Меня ждут на «пятачке», а я б через плес, где пошире да поглубже, где меня никто не ждет. И вдарил бы!..

Он смачно причмокнул и, приподнимаясь в седле, обратился ко мне:

— Товарищ комбат, разрешите нам с Ивановым засесть у плеса…

Я дал Курдюкову свое согласие, а сам подумал, что враг вряд ли полезет в воду, да еще там, где глубоко и широко.

Это соображение подтвердил замполит Шугаев. Он только что вернулся из боевого охранения и сообщил, что напротив нашего «пятачка» противник сосредоточивает танки.

Весь вечер румынская артиллерия методически обрабатывала наш передний край, отрезанный рекой. И капитан Сссин уверенно повторил свой прогноз. Плотный, с крупной головой и басистым голосом, он вообще излагал свои мысли весомо, убедительно:

— Ручаюсь, на рассвете дадут артналет, бомбанут, а потом бросят танки с пехотой. Нам нужно подтянуть…

Он не договорил: в это время грохот дивизионной артиллерии заглушил не только его голос, но и залпы пушек нашего батальона. Комдив Червинский сдержал свое слово: организовал нам поддержку. Мне вспомнились его слова: «Учти, капитан, двенадцать дней войны, а вся линия обороны семнадцатого корпуса нигде, ни в одном месте не прорвана. И если это случится на участке нашей дивизии, да еще на месте обороны твоего батальона, подведешь не только себя — весь фронт. Понял?»

К десяти часам вечера артиллерийская дуэль закончилась, наступила тревожная тишина. Я перенес КП батальона ближе к опасному месту и, как только стемнело, переправился через Прут…

Этот участок границы, отрезанный рекой, основательно укрепили минами, проволокой, дотами и системой траншей еще пограничники. Здесь оборону держала мотострелковая рота лейтенанта П. Романенко. Недавно в районе Герцы, где румыны пытались прорваться, она действовала смело, решительно и отбила все атаки. Я был уверен, что и теперь бойцы Романенко не подведут.

Встретив меня, Романенко глазами поискал Курдюкова. Обычно меня сопровождал коновод. Сейчас Андрей остался на

левом берегу Прута. Высокий белокурый лейтенант доложил мне, что артобстрел не принес большой беды.

— Двое легкораненых и небольшие разрушения…

Вот развороченный блиндаж. Еще вчера он казался недоступным. Чистая, полная луна рассветила исковерканный стол. На его крайней доске длинная лесенка зарубок. Ими Романенко отмечал, сколько и за какой период противник выпускает снарядов.

Идем по ходу сообщения. Его восстановили. В «лисьей поре» спит красноармеец. Спит в обнимку с винтовкой. Его почерневшее лицо с провалившимися щеками мало похоже на живое. Найдет ли он силы в себе снова выдержать обстрел, бомбежку и мужественно встретить вражеский танк?

Лейтенант Романенко, словно прочитав мою мысль, уверенно заметил:

— Под Герцами он первым бросил связку гранат под гусеницы.

В боевом охранении красноармейцы не спали. Они, дымя цигарками, беседовали о рыбной ловле. Но горка гранат говорила о том, что бойцы прекрасно знают о предстоящем бое. Они готовы отбить любую атаку. Здесь уже побывал политрук Шугаев.

Луна еще маячила над рекой, когда я пришел к танкистам. Командир роты лейтенант А. Тихонов проверял боевую готовность машин. Как всегда с улыбкой, он заверил меня, что враг «дальше Прута не допрет!».

Казалось, все сделано. А твердой уверенности в том, что мы точно разгадали замысел противника, не было. Не хватало «языка». Дивизионные разведчики вернулись с пустыми руками. Они проходили мимо моего КП и сообщили, что напротив «пятачка» земля гудит под ногами — идет активная подготовка к штурму границы.

И как ни странно, информация разведчиков еще больше смутила меня. Уж больно демонстративно противник действовал: на этом участке даже не взлетали осветительные ракеты. Мне невольно вспомнились раскосые глаза с хитринкой. Не прав ли Курдюков?

Оставив на КП начальника штаба, я быстро зашагал в сторону большого плеса. Густой туман как дымовая завеса прикрывал Прут. Восток готовился к встрече солнца. Не успел я взглянуть на часы, как впереди меня, на стыке двух батальонов, одна за другой разорвались гранаты.

Картина прояснилась не сразу. Первое, что подумалось: наши бойцы глушат рыбу. Но вот из речного тумана донеслись крики, стоны, ругань, всплески воды. И весь этот шум забила длинная

очередь станкового пулемета. Он строчил с нашего берега. По четкому ритму можно было безошибочно определить, кто лежал за ним. Еще во времена советско-финской кампании Николай Иванов в совершенстве овладел искусством снайпера-пулеметчика.

Противоположный берег поспешно огрызнулся пулеметным огнем. Но из наших никто не пострадал. Пулеметчиков прикрывал толстый накат из бревен. Иванов, в каске, глухим баском доложил мне:

— Товарищ капитан, ваше приказание выполнено…

— Какое приказание?

— То самое, что передал Курдюков: «Быть начеку!» — Он кивнул в сторону реки: — Угостили от всей души! Курдюков и братья Кругловы гранатами, а я прошил очередью…

Павел Круглов, вчерашний машинист, как всегда, был краток:

— Курдюков все тут решил…

В это время наша артиллерия обложила снарядами правый берег реки напротив плеса. Видимо, Сосин смекнул, что враг обхитрил нас, и поспешил исправить ошибку.

Когда огонь утих, Миша Круглов прижал дымящий конец цигарки к подошве сапога и скороговоркой рассказал мне, что тут произошло.

— Мы с братом, — он кивнул на Павла, — спали в окопе. Нас разбудил Курдюков. Сунул нам гранаты и шепнул: «За мной». Мы скатились к реке. Сам — в куст, а нас — в другой. И только притихли — слышим: шлеп, шлеп по воде весло. Осторожно. Кругом туман — ничего не видно. Вдруг, как в сказке, из-за белой завесы мокрый разбойник с ножом в зубах. И только босой ногой на сушу — Курдюков его гранатой по черепу. Тот и рылом в песок. Мы с Павлом за шиворот его — и в лозняк. А лодки уже близко. Курдюков первым бросил гранату, а мы за ним. А тут сверху и наш пулемет…

Михаил глазами показал на Иванова и, словно после тяжелой работы, вздохнул:

— Вот и все, товарищ комбат!

— А где Курдюков?

— «Языка» поволок. — Младший Круглов кивнул в сторону старого командного пункта.

Я поблагодарил Иванова, Кругловых и пошел в указанном направлении. На КП застал не совсем обычную картину. Коновод промывал окровавленную голову румына. Увидев меня, Андрей, как бы оправдываясь, заметил:

— Боюсь, не дотянет до штаба…

Он в самом деле не дотянул. Все же кое-что мы успели

выудить. Очнувшись, раненый заявил, что знает русский язык. Знал он, правда, лишь отдельные слова. Все же главное мы поняли.

Курдюков оказался прав. Противник пошел на хитрость. И шум танков, и артподготовка против нашего «пятачка» — все это лишь демонстрация. Маскируясь туманом, немецкий десант рассчитывал быстро преодолеть на надувных лодках плес и захватить на нашем берегу плацдарм…

Правда, как потом стало известно, основной удар гитлеровцы планировали левее нашей дивизии, на участке соседней армии. Но и частный успех германское командование, конечно, не преминуло бы использовать.

В ту ночь я по-новому глядел на Курдюкова. Обычно коновод не страдал скромностью. Шустрый, энергичный, отличный наездник, он особенно любил блеснуть мастерством джигита перед девушками. А тут на мой вопрос, кто потопил десантников, ответил;

— Братья Кругловы и Николай Иванов.

— А разве ты не участвовал?

— Гранаты поднес…

Он скромничал, чтобы выделить своих товарищей. Я убедился, что Андрей умел дружить и что он не случайно вовлек новичков в ночную засаду. Они будут его друзьями.

Его смекалка, хитрость послужили для меня полезным уроком.

Глава вторая
ОТХОД

1

5 июля на рассвете Курдюков распахнул дверь землянки и предупредил меня:

— Товарищ капитан, комдив идет! Полковник Червинский приехал к нам в батальон без предварительного звонка. Так он поступал только при особых обстоятельствах.

Я выскочил на площадку, белесую от росы, и приготовился доложить о положении в своей части, но командир дивизии приподнял руку:

— Знаю, товарищ Свиридов, у вас все в порядке. Речь о другом…

Он вошел в землянку и попросил меня плотнее закрыть дверь:

— Я только что из корпуса…

И по тому, как он сбавил голос, я почувствовал, что Червинский привез тревожные вести…

— Обстановка чрезвычайно усложнилась. Севернее нас прорвались румыны и венгры, а южнее — немцы. Будем отходить, — его рука легла мне на плечо. — Мы свое дело сделали: противника не пропустили. Теперь надо скрытно уйти отсюда. Твоя задача — прикрыть главные силы.

Он изложил план действий батальона, пожелал успеха. Направляясь к выходу, улыбнулся:

— До скорой встречи в Каменец-Подольске…

Как только стемнело, первыми тронулись в путь тыловые части нашей 164-й дивизии. Затем штаб. За ним потянулись артиллерия и пехота. С позиций они снимались тихо, незаметно.

Следует отметить, что Южный фронт отличался своей организованностью, боеспособностью. Если почти на всех участках западной границы первый удар на себя приняли незначительные отряды пограничников, а полевые войска только выдвигались в приграничную зону, то на юге до начала войны границу охраняли соединения и части 18-й и 9-й армий. И здесь врагу долго не удавалось добиться успеха. Отход наших войск проходил спокойно, от одного рубежа к другому. Неприятель, хотя и имел тут значительный перевес в силах, все же продвигался гораздо медленнее, чем на центральном и северном направлениях.

На всем участке, где раньше оборону держали три наших полка, теперь остались всего три роты. Они пускали противнику пыль в глаза довольно-таки ловко.

Лишь утром 6 июля в двадцати километрах от Прута мы увидели румынские тапки. Они ползли осторожно, присматриваясь к каждому кустику, холмику.

Батальон оседлал развилку дорог, где три шоссе, идущих из Черновиц, Новоселиц и поселка Боян, сливались в одно — Хотинское. По какой бы дороге ни шел противник, ему не миновать нас.

Мы встретили его губительным огнем. Тогда гитлеровцы начали обходить нас с флангов. Пришлось отвести подразделение на западную окраину Хотина и, учитывая тактику врага, по-иному организовать заслон на подступах к городу. Вскоре к нам прибыл начальник оперативного отдела дивизии капитан Матвеев и передал приказ комдива; «Любыми средствами прикрыть переправу до 23.00». Другими словами, мы должны не допустить противника к Днестру, задержать его продвижение на три часа.

Матвеев сообщил, что мост через реку уже разбит, действуют пока лишь два понтонных моста: по одному переправляется 96-я горнострелковая дивизия, а по другому — наша 164-я.

Северную окраину Хотина оборонял арьергард горнострелковой дивизии, а западную часть города и его южную окраину — 144-й отдельный разведбатальон. Ближайший путь к переправе со стороны неприятеля лежал через южную окраину Хотина. Здесь-то я и расположил танковую роту и кавэскадрон.

Командиру мотострелковой роты лейтенанту Романенко было приказано стоять насмерть в районе старинной крепости. Недалеко от этого места была его квартира. Конечно, ему хотелось забежать домой, узнать что-нибудь о семье. Возможно, она тоже застряла на берегу, возле переправы. Но обстановка не позволяла сделать это. Бросив взгляд на древнюю постройку, Романенко не без грусти заметил:

— Смотрите, мечеть-то разбомбили!

Уничтожена была не только мечеть в Хотинской крепости, разрушен весь старый город с его архитектурными памятниками. А сколько разбито жилых домов, больниц, школ! Я понимал душевное состояние Романенко: мои жена и сын тоже находились в центре города.

Самая сложная задача выпала на долю лейтенанта В. Кухаря. Его машины с пушками должны были поддержать любое подразделение, если оно окажется в тяжелом положении. На помощь Кухарю я направил своего заместителя капитана Сосина.

Мой КП — почта. Это один из немногих пока уцелевших домов, ближе всех расположенный к боевым порядкам подразделения. В оперативном зале все разбросано: письма, марки, почтовая бумага. На проводе висит телефонная трубка. Я тревожно перевел взгляд на стенные часы: «Продержимся ли?..»

Шуршание бумаг заставило меня оглянуться. Начальник штаба батальона старший лейтенант Дмитрий Мартыненко, не терпевший непорядка, подбирал с пола неотправленные корреспонденции. Он был спокоен и по- хозяйски озабочен.

А я, признаться, испытывал волнение. Меня неотвязно преследовала все та же мысль: «Устоим ли?»

Дело в том, что вся моя военная учеба проходила в основном под девизом: только наступать! Отход считался позором, и этому нас не учили. Теперь, когда довелось отступать, опыта-то никакого и не было. Пришлось постигать эту премудрость под жестокими ударами врага.

Романенко и Коробко донесли, что уже заняли рубежи прикрытия. Тихонов пока молчал. Все ли у него ладно? Неужели бензин не подвезли?

Оставив начальника штаба на КП, я помчался на броневике на юго-западную окраину города. Не проехал и квартала, как заглох мотор.

— Догонишь меня, — указал я маршрут водителю и пошел пешком.

Проходя мимо своего дома, не утерпел и на минутку заскочил в открытую дверь.

Одна минута! А сколько чувств, мыслей! Я не знал, куда эвакуировалась жена, и надеялся найти записку. В коридоре под ноги попала грузовая машина сынишки. Видимо, Герик хотел взять игрушку с собой, а мать не разрешила.

Вот моя комната. На стенах портреты родных. В письменном столе выдвинут ящик. В нем, как и думал, записка жены. Беру листок и на ходу читаю: «Саша, милый! Мы с Гериком поехали в Донбасс, к твоей сестре…»

Увидимся ли с вами, родные мои, доведется ли?

Кроме записки жены прихватил книжку моего родного брата — комиссара гражданской войны. Не хотелось, чтобы фашисты сожгли ее. Да и память о брате дорога! Об этой книжке и о ее авторе я еще расскажу.

В конце улицы Ленина, совершенно разбитой, меня догнал броневик. Дальше поехал на нем. Рота Тихонова вела бой. Выйти на указанный рубеж она не успела. В бинокль я видел обширное зеленое поле, по которому надвигалась длинная цепочка вражеских танков. А за ними — пехота.

Неприятельских машин я насчитал тридцать, а своих шестнадцать. Перевес небольшой, но сила огня разная. У нас были амфибии, предназначенные для разведки. Эта облегченная, высокой проходимости машина не имела пушки, а была вооружена лишь двумя крупнокалиберными пулеметами.

По рации на помощь Тихонову я вызвал из своего резерва взвод БА-10. На каждой бронемашине имелось по двадцать снарядов.

Поддержка пришла своевременно. Три БА-10 с ходу прямой наводкой начали бить по неприятелю. Четыре танка обезвредили. Тихоновские амфибии тем временем тридцатью двумя пулеметами отсекли пехоту и заставили ее залечь.

Машины противника попятились. Отходили они осторожно, боясь подавить своих солдат. Этим воспользовались наши артиллеристы и подбили еще одну бронированную махину.

Увлеченный боем, я не заметил, как два фашистских танка с автоматчиками огородами обошли деревню Каплевку и устремились в сторону переправы. Такой маневр врага Тихонов предвидел и на всякий случай оставил в кустах на берегу реки Т-37.

Командир экипажа комсорг Борис Гудков, находясь в засаде, внезапным пулеметным огнем смел автоматчиков с брони. Они кинулись в заросли и нарвались на сабли кавалеристов.

Танки противника развернули пушки. Метким огнем Гудков забил смотровую щель одной башни. Но другое орудие подожгло амфибию. Однако Гудков свое дело сделал: он не только задержал вражеские машины, но и рассеял десант, дал возможность артиллеристам первым открыть стрельбу.

Когда с танками было покончено, мы бросились к Гудкову. Он с трудом открыл люк. Борис был весь в крови, в горящем комбинезоне…

— Цела? — прохрипел он, не поднимая глаз: — Пе-е-репра-ава?..

И больше ни слова.

Я знал Бориса. С ним познакомились еще на петрозаводском направлении, в дни финской кампании. Знал как любознательного, веселого, дружелюбного человека… И вот не стало его. Я никак не мог поверить этому, не мог… Мы перенесли его в броневик. Мне все еще казалось, что он только обессилел, наглотался дыму… Свежий воздух возвратит ему сознание обязательно.

Мы не сразу попрощались с ним, не могли…

Наша последняя зенитка заглохла. Над переправой низко кружили вражеские самолеты, обстреливая берег. А ведь там дети, женщины, старики…

Не добившись успеха на этом участке, противник пошел в обход города с севера. Но там наши соседи встретили его таким огнем, что он отскочил назад. К этому времени подошли основные силы гитлеровцев. Они, сковывая нас на флангах, собрали мощный кулак для лобовой атаки. Оккупанты явно спешили, стремились ворваться в Хотин до наступления темноты.

Рота Романенко занимала выгодный рубеж, обосновавшись в каменных домах на западной окраине. Стрелков поддерживал взвод БА-10. Неприятель тоже подтянул танки и артиллерию.

Снова вспыхнул бой. Минут через сорок должна закончиться переправа наших отходящих подразделений.

Теперь мы не сомневались, что задание комдива выполним. Но удержаться надо было изо всех сил. Особенно тяжело приходилось бойцам лейтенанта Романенко. Они вместе со взводом БА-10 стояли насмерть. Их окружил румынский полк. Танки врага перекрыли все улицы, и все наши попытки выручить товарищей закончились безрезультатно.

В одиннадцать часов вечера мы начали пятиться к реке. Я заехал на КП за начальником штаба. Старший лейтенант Мартыненко, быстро собрав документы, выскочил из помещения. Когда мы добрались с ним до Днестра, саперы уже развели понтонные лодки. В условленном месте меня ожидал ординарец Курдюков. Он, держа под уздцы пару коней, доложил мне, что бронерота успела проскочить по настилу, а кавалеристы и амфибии махнули вплавь.

Из района, где дралась рота Романенко, с десятью красноармейцами вырвался капитан Сосин. Он рассказал, что рация у Романенко разбита снарядом и он не смог с нами связаться. Отрезанные от своих, воины во главе с командиром бились до последнего вздоха. Об их подвиге мы потом сообщили в дивизию. А сейчас оставили на берегу подожженный броневик как факел славы героям.

На лошадях и вплавь под покровом темноты преодолели

Днестр. Зарево горящего города отражалось в воде. То тут, то там от мин и снарядов вырастали фонтаны.

Быстрое течение сносило всадников. Кони тревожно всхрапывали, широко раздували ноздри, отфыркивались. Доносились отрывистые возгласы конников. Рядом с нами, держась за хвост своего Германа, плыл Семен Бердникович. За ним, навострив уши, следовала Лера.

Но вот и восточный берег. Сосин, Курдюков и я вышли на твердь, оглянулись на горящий Хотин. Там, на западной окраине, все еще слышались выстрелы. «Может, выскочит кто, — с надеждой подумал я. — Хотя бы взвод, отделение… или даже один боец».

Мы стояли в прибрежных кустах. Где-то рядом послышались знакомые голоса. Они принадлежали братьям Кругловым. Младший слезно уговаривал старшего:

— Вернемся домой, Паша, а? Вернемся… Все равно ведь догонят… Пропадем!

Павел раздвинул куст и указал на речку;

— Возвращайся!

Круглов-младший некоторое время колебался, возможно боялся выстрела в спину, потом стремительно бросился в воду и поплыл. Когда уже был на приличном расстоянии, неожиданно повернул назад. Мокрый, подошел к Павлу и виновато опустил голову. Ни слова не говоря, оба пошли вслед за своим подразделением.

Путь держали к Каменец-Подольску. Меня одолевали невеселые мысли. Отступление, понесенные потери, господство противника в воздухе и на земле — все это действовало удручающе. И в то же время перед глазами вставали мужественный танкист Гудков, самоотверженные красноармейцы во главе с Романенко, организованные колонны отходящих войск.

«Нет, не надолго мы уходим, — убеждал я себя, — не надолго…»

2

Не успела 164-я дивизия занять Каменец-Подольский укрепленный район, как для нас снова создалась реальная угроза окружения. 9 июля на правом фланге немецкие войска, тесня 12-ю армию, захватили железную дорогу Проскуров — Каменец-Подольск и тем самым отрезали единственную ветку, идущую из каменец-подольского тупика.

В тот же день венгерский армейский корпус нащупал слабый

стык между 12-й и 18-й армиями и ворвался в районный городок Оринин, расположенный всего в двадцати километрах севернее Каменец-Подольска.

А южнее нас того же числа на левом фланге нашей армии немецкие дивизии форсировали Днестр и завладели городом Могилев-Подольский. Правда, 3-я румынская армия не очень-то активничала. Румыны воевали с прохладцей. Их слабость немецкое командование хитро использовало; оно ставило на фланги свои войска, а в центре румынские. Гитлеровцы вырывались вперед, а солдаты Антонеску, как правило, отставали. Получался «мешок».

Командующий Южным фронтом генерал армии И. В. Тюленев разгадал маневр противника и своевременно приказал сровнять образовавшийся выступ. А его же приказ от 8 июля предусматривал на случай отхода из Каменец-Подольска вывоз материальных ценностей. А если нельзя эвакуировать, то уничтожать.

Для разрушения местной железнодорожной станции комдив Червинский приказал командирам частей выделить в помощь саперам бывших железнодорожников, Я, понятно, наметил братьев Кругловых.

Замполит батальона Шугаев и мой заместитель Сосин не возражали против старшего Круглова, но из-за младшего между нами разгорелся спор. Конечно, они не могли отменить распоряжение. Но, как товарищи, атаковали меня с двух сторон.

Старший политрук Шугаев еще на границе стал пристально присматриваться к младшему Круглову. И когда я через отдел кадров добивался зачисления добровольцев в часть, Шугаев заявил мне:

— Не промахнись, комбат. Младший — нытик. Он может опозорить нас…

Теперь, когда Михаил Круглов в самом деле пытался сбежать, замполит, всегда осторожный, тихий, прямо накинулся на меня:

— Его, дезертира, надо судить! Или на комиссию! Психу сразу «белый билет», и пусть копает окопы с женщинами!

— Правильно! — подхватил Сосин. — Ты, Александр Андреевич, учти: задание ответственное, железнодорожное хозяйство большое, все разбредутся, даже братья будут действовать врозь. И этот хлюпик, паникер при первом же обстреле удерет домой…

Я задумался. Михаил Круглов действительно производил впечатление неврастеника: высокий, худой, он подергивал плечами, потирал ладони и ходил, как больной, долго пролежавший в постели. И вместе с тем что- то меня в нем

подкупало. Михаил смотрел в глаза прямо, ничего не таил, высказывался смело, живо откликался на просьбы товарищей и быстро сходился с людьми. Особенно поражала его привязанность к старшему брату. А главное, он дважды делом доказал, что вместе с Павлом способен на героизм: спасал паровоз, ловил Мамалыгу и отбивал ночную атаку десантников.

К сожалению, у меня не было времени раздумывать. Я спешил в штаб дивизии. Шугаев, подавая мне на подпись политдонесение, предупредил, что он, как политрук, не имеет права скрыть попытку к дезертирству…

А Сосин добавил:

— Особый отдел сначала прочешет твоего подшефного, а потом тебя. Быть неприятности!

Правду сказать, я тоже не очень-то хотел брать Михаила в батальон, но старший брат поручился за него: «Миша не трус, он просто пока не верит в нашу силу». Павел просил меня не разлучать их. Кругловы вместе росли в детдоме, вместе закончили железнодорожный техникум, приехали в Бессарабию. Потом на пару ездили на паровозе и теперь оба стали добровольцами.

Павлу я дал слово, что не разлучу братьев. И сейчас мне было, конечно, неудобно направить младшего на окопные работы. После раздумий я окончательно утвердился в решении послать Кругловых на задание вместе.

Примчался Сеня Бердникович и со слезами на глазах доложил:

— Товарищ комбат, шальным осколком убило Леру…

Замполит стал утешать пария, и Бердникович несколько успокоился.

В штаб дивизии я ехал с плохим настроением. Предстояло огорчить начальство. Хотинскую переправу мы прикрыли слишком большой ценой: батальон потерял роту Романенко и взвод БА-10…

Все ли я сделал, чтобы спасти их? Найти оправдание проще, чем признать себя виновным. В Хотине мы взаимодействовали с другими арьергардами, но я не обратился к ним за помощью. Больше того, на правом берегу, ожидая переправы, бездействовали два полка соседней дивизии. Но и эта возможность не была использована.

Мне казалось, что полковник Червинский не случайно вызвал меня сегодня, а не вчера, сразу же после переправы. Видимо, за сутки он расследовал обстоятельства гибели стрелков и танкистов.

Шоссе, по которому мы ехали, было забито отходящими

войсками. Раскаленное солнце допекало не хуже авиации противника. И, как назло, ни ветерка, ни тучки. К закату, правда, немного спала жарища, зато пыль над дорогой стояла, как мука на мельнице. На зубах скрипел песок, першило в горле.

Кругом зеленели арбузы. Раньше топтать бахчу не разрешалось, а теперь все равно. Меньше врагу достанется.

Обидно, чертовски обидно, что вся эта лавина войск с пушками, минометами, танками не наступала. А отступая, не успевала уничтожать ценности. По ту сторону Днестра до самого Прута остались огромные поля кукурузы, пшеницы, винограда, склады с провизией, магазины, полные товаров. Не успели разрушить и мастерские, заводы, железную дорогу. А сколько в Хотине наших квартир со всем имуществом!

Об этом заговорил со мной и полковник Червинский.

— Хватит преподносить врагу подарки, — промолвил он, направляясь к опушке леса, где меж кустов чернела «эмка». — Довольно! — Немного помолчав, спросил: — Нашлись у тебя железнодорожники?

— Имеются, товарищ полковник. Двое. Братья Кругловы…

— Это не они помогли нам с «языком»?

— Они самые, — ответил я и достал из планшетки политдонесение. Мысленно представил, как сейчас омрачится лицо комдива: потеря целой роты — первая крупная потеря дивизии. Краска прилила к моему лицу.

Полковник заметил, что со мной творится что-то неладное и вопросительно взглянул на лист, вырванный из школьной тетради.

— Письмо от жены? Что-нибудь случилось?

— Нет, товарищ полковник, донесение…

Комдив пробежал глазами по строчкам и решил, что нашел корень моего смущения.

— Да, понимаю, если не вернется — пятно на всю дивизию. У нас пока не было ни одного дезертира… А вот Романенко, — Червинский потряс листком, — молодец! Всей роте слава! Ни один не дрогнул. Вот так надо воевать. Жертвуя собой, они обеспечили нам отход. Пример для всей армии!..

Он говорил, что на войне не без жертв, а я думал о том, что героическую роту можно было спасти. Другое дело, что я не имел еще достаточного опыта в организации взаимодействия. Но комдив спешил в штаб корпуса и дал понять, что сейчас не имеет возможности заниматься анализом действий батальона.

В политотделе я встретил редактора дивизионной газеты. Черный, с орлиным носом, он как ястреб налетел на донесение. Капитан плохо видел знаки различия и часто первым

приветствовал младших командиров, зато он хорошо ориентировался в написанном и умел быстро находить нужный для газеты материал.

— О роте Романенко и Гудкове дадим на первой полосе! А вот этого паникера, — редактор тряхнул очками, — надо раздраконить.

Мне пришлось подробно рассказать историю братьев-добровольцев. Капитан заявил, что если младший Круглов в новом задании проявит малейшую трусость, то его не спасут никакие героические дела в прошлом…

И представьте мое состояние, когда в назначенное место вернулись все саперы, все бойцы, бывшие железнодорожники, кроме Кругловых. Правда, минеры доложили, что Кругловы, рискуя жизнью, пустили под откос товарный поезд, а сами на ходу выпрыгнули из паровоза. Затем старший Круглов повел минеров в депо, а младший — на водокачку. Но тут произошло то, чего никогда заранее не предугадаешь. Вражеский разведчик, очевидно, доложил, что русские на станции взрывают полотно, опрокидывают вагоны, паровозы, минируют подходы, устанавливают орудия. На бойцов тотчас же обрушился сильнейший удар артиллерии и авиации.

Тяжелые снаряды и бомбы завершили работу наших саперов. К счастью, щели, вырытые персоналом станции, спасли жизнь отряду.

Когда обстрел и бомбежка закончились, в воздух взлетела наша зеленая ракета — условный сигнал для сбора. Двое не явились. Старший группы лейтенант Е. Жуков решил, что они погибли, и выделил пять минут на поиски их. Однако это ничего не дало. Не внесла ясности и вторая ракета. Начало темнеть, и пришло время возвращаться в часть.

Слушая доклад лейтенанта Жукова, я смотрел на его большие усы, лихо закрученные кверху, и думал: «Вот ведь не из трусливых и мастер своего дела, а не сообразил оставить там кого-нибудь хотя бы на час — узнать, что же все-таки с Кругловыми».

Наша дивизия находилась на марше. В темноте, в движении трудно было найти комдива Червинского, да и времени не было на поиски. Нужно успеть на злополучную станцию, пока там нет противника. И я, надеясь на выносливость своего коня, решил вернуться в Каменец-Подольск без разрешения комдива.

Капитан Сосин, принимая батальон, по-дружески сказал:

— Александр, во-первых, ночью ты рискуешь попасть в засаду — один не езжай; во-вторых, в темноте никого не разыщешь— подожди рассвета.

— А я думаю, — подключился Шугаев, — и рассвет ничего не даст. Пустая затея…

Я все понял, о чем не договорил политрук. Шугаев почему-то к любому человеку подходил с одной меркой: не враг ли народа.

Моя ночная вылазка ничего не дала. А с восходом солнца на улицах Каменец-Подольска затрещали автоматы, и к станции уже нельзя было пробиться. Курдюков, с простреленным рукавом гимнастерки, догнал меня на окраине:

— Товарищ комбат, считайте Кругловых пропавшими без вести!

Кто-то из работников особого отдела дивизии довел до сведения Червинского, что старший политрук Шугаев вовремя предупреждал комбата о неблагонадежности бойца Михаила Круглова, а капитан Свиридов проявил политическую близорукость…

Я не сомневался, что особисты узнали о нашем споре с Шугаевым не от него. Василий отличался некоторой недоверчивостью, подозрительностью, но свои взгляды отстаивал открыто, принципиально, не таил злобы.

Не знаю, чем бы кончилось это «дело», если бы Кругловы действительно пропали бесследно. Но они нашлись. На другой день, когда мы вечером расположились на привал у реки Ушица, возле дорожного моста неизвестный шофер остановил грузовую машину. Он вышел из кабины с пустым ведром, следом за ним осторожно спустился высокий, жилистый боец, на руках которого, как мне показалось, был раненый…

— Кругловы! — сорвался с места Курдюков и, махая пилоткой, кинулся к машине: — Сюда, Миша, сюда!

Но Михаил даже не оглянулся. Он ничего не слышал. Вчера его оглушила бомба, а Павла воздушная волна так отбросила, что он вот уже сутки не приходит в сознание.

Младший брат мягко, как мать ребенка, опустил старшего на сочную траву и, заметив перед собой человеческую тень, быстро вскинул голову. Он ничего не сказал, но глаза, улыбка лучше всяких слов открыли нам его душевную радость.

Я очень пожалел, что в эту минуту рядом с нами не оказалось моего товарища Васи Шугаева.

3

После очередного жаркого боя, когда противник откатился за насыпь железнодорожного полотна Жмеринка — Могилев-Подольский, и откатился, по всем приметам, на всю ночь, я

приказал расставить дозоры и разрешил батальону отвести душу: искупаться в Немии — небольшом притоке Днестра.

Поздний вечер и прибрежные кусты обещали нам отдых без воздушной тревоги. И все же мы с Шугаевым, раздеваясь, посматривали на сине-розовым купол.

Удивительно, небо чистое, а кругом ни одной подозрительной точки. Но то, что я увидел на берегу, меня еще больше удивило.

На помятой траве рядом со своим «максимом» сидел пулеметчик Иванов. Он курил и с завистью смотрел на своих товарищей: одни из них поили и мыли лошадей, а другие с криком и хохотом бросались в воду. Все с наслаждением смывали с себя пыль и копоть дневного боя.

А что с Ивановым? Уж не заболел ли?

Все мы под южным солнцем изнемогали от жары. А Иванов, коренной северянин, чувствовал себя здесь как белый медведь в крымском зверинце. Обычно Николай не пропускал ни одного водоема, колодца и даже городской ванны, чтобы не искупаться или хотя бы облиться. Были случаи, когда он с моста бросался в речку, а потом, весь мокрый, догонял взвод. За это его не раз наказывали, стыдили, но он оставался самим собой.

И вот глазам не верю: все купаются, стирают, а Николай Иванович даже лица не освежил.

С гимнастеркой в руке я подхожу к нему. Но меня опередил Курдюков:

— Палтус, ты что… мамалыгой объелся?

Иванова еще во время конфликта с финнами бойцы прозвали Палтусом. Однажды возле костра он, малоразговорчивый, произнес пятиминутную речь и так расхвалил мурманскую чудо-рыбу, которая жарится в собственном жиру, почти не имеет костей и сама тает во рту, что все слушатели облизнулись. А главное, диковинное название рыбы в какой-то мере совпало со странным характером Иванова. Так и приклеилось к нему это прозвище.

Иванов воспринимал его без протеста, видимо, название любимой рыбы воскрешало в его памяти суровые северные пейзажи, дом, кубрик, где по вечерам рыбаки и охотники рассказывали редкие случаи из своей богатой приключениями жизни.

А вот выражение «мамалыгой объелся» ему не понравилось. Иванов хмуро повел бровями и буркнул:

— Я не обжора!

На мой вопрос, почему не купаешься, последовал ответ:

— Не могу, товарищ комбат.

— Что так?!

— Да так… Сам себя наказал.

— За что же?

— Есть за что, — уклончиво ответил он и запыхтел цигаркой.

Иванов сразу оказался под обстрелом многих любопытных глаз. Михаил Круглов, к которому вернулся слух, сказал, что пулеметчик, видимо, прошлый раз, пока купался, проворонил свое белье. Другой боец высказал предположение насчет телесной крапивницы. А Шугаев посоветовал ему:

— Освежись, на баню не рассчитывай…

Командир имеет право приказать бойцу искупаться.

Но я оставил Николая Ивановича в покое. И не только потому, что ценил его как снайпера-пулеметчика. Мне припомнился случай, который произошел с ним во время советско-финской кампании. В ту суровую зиму он вдруг лишил себя самого необходимого отдыха между боями — сна. Я вмешался:

— Почему не спишь?

— Не спится, товарищ капитан.

Пытаюсь узнать причину:

— Худые вести из дому?

— Да нет, дома все в порядке.

Две ночи он добровольно топил печурку, а на третью исчез. Я, конечно, забил тревогу, думал, может быть, утащили его финны, как у соседей часового. Но оказалось, что Иванов сам выследил «кукушку», которая порядком беспокоила нас. Он сказал:

— Пять дней назад этот гад чуть не загнал меня в землю.

И вот Николай Иванович приволок раненого вражеского стрелка. Пришлось и похвалить его и наказать.

Теперь Иванов, видимо, в чем-то маху дал и, пока не исправит свою ошибку — не искупается. А соблазн для него был велик. Отходя, мы пересекли пять притоков Днестра и подошли к берегам Южного Буга. Правда, нам было не до купанья. Ежедневные бои изнуряли нас до того, что мы мечтали лишь о том, куда бы голову приткнуть на часок.

За Иванова я был спокоен. Свою надежность в бою он доказал еще во время прорыва линии Маннергейма. Да и все «старики» воевали достойно. Хуже дело обстояло с новым пополнением.

Новобранцев довелось обучать военному делу, когда Красная Армия отступала, когда начались перебои в снабжении, когда день ото дня все больше нарушалось взаимодействие, когда наша дивизия получала приказы не из штаба 17-го корпуса, который где-то заблудился, а из 18-й армии, а то и прямо от фронта.

Воспитание молодых бойцов — дело многих. Мне помогали Сосин, Шугаев, красноармейцы — ветераны части, такие, как Андрей Курдюков и особенно Николай Иванов.

Иванов попросил перевести его в самый слабый взвод вновь сформированной роты. Его второй номер погиб в недавнем бою, и Иванов вскоре подготовил себе помощника из новичков.

Затем он подобрал на поле боя исковерканный пулемет, починил его в автолетучке бронероты и обучил искусству пулеметчика еще двоих ребят из своего отделения. Сам Николай владел оружием в совершенстве.

Как-то он подобрал в кустах брошенный миномет вместе с ящиками мин и, конечно, вооружил им свое отделение. Маленькая боевая единица в составе всего восьми человек во главе с бывалым воином превратилась в грозную силу.

Этому примеру последовали и другие отделения роты. Николай Иванович всем внушал, что солдат, бросивший оружие, — предатель:

— Потому как он уже смирился с поражением, да еще снабжает врага оружием, помогает ему. Нет, мы с этими винтовками, пулеметами, минометами еще погоним врага назад.

Я заметил, что тот воин, который сумел себя перевоспитать, умеет и других повести за собой. Видел я и то, что Иванов по-прежнему не купается. Ясно было, что он пока не достиг поставленной перед собой цели.

Однажды, это было в районе Первомайска, командир роты разрешил Иванову обратиться ко мне с одним «наболевшим вопросом». И я сразу смекнул, что речь пойдет о том, что заставило знатного пулеметчика самого себя наказать.

— Так вот, товарищ комбат, — начал он смущенно, — признаюсь: мой напарник убит из нашего же «максима»…

— Как из нашего?! — удивился я. — Под свой огонь попал?

— Нет. Фашист стрелял из «максима». Наш-то, отечественный, лучше ихнего. Вот враг и приспособил…

По звуку пулеметной стрельбы Иванов безошибочно определял систему оружия.

— Разве этакое можно терпеть: из нашего пулемета нас же и бьют!

Иванов оглянулся и доверительно зашептал:

— Вот я придумал, как вернуть «максима» домой…

Николай Иванович посвятил меня в свой план. Он продумал его основательно. Я внес одну лишь незначительную поправку. Иванов подкараулил и сбил финскую «кукушку» в зимних условиях, можно сказать в своей родной стихии. Тут же придется действовать не но мягкому снегу, не на лыжах, а на земле,

засушенной солнцем, когда под ногами хрустит даже нескошенная трава. Поэтому я дал указание совершить налет без обуви, босыми.

В те дни противник не огораживался проволокой и минами. Успешное продвижение так вскружило фашистам голову, что, забыв об осторожности, они спали на посту. Этим и воспользовался Иванов. Только через час двадцать минут в стане неприятеля обнаружили пустое пулеметное гнездо и два трупа. Тревожно взметнулись ракеты, затрещали автоматы, а русских, как говорится, и след простыл.

Группа Иванова вернулась без потерь и с трофеем. «Максима» хотел бы заполучить каждый взвод. Но я прочел в глазах Иванова законное желание: кто добыл — тому и отдать. И вот в мотострелковой роте появилось отделение с тремя пулеметами и одним ротным минометом.

Капитан Сосин опасался, что подобный эксперимент закончится плачевно: противник одной миной или одним снарядом накроет сразу всю огневую группу. Однако первый же бой показал обратное: заняв выгодные позиции, пулеметчики, взаимодействуя с минометчиками, били противника и на дальнем и на близком расстоянии, надежно прикрыв отход своей роты. А когда вражеская пехота вызвала на помощь танки, красноармейцы погрузились в машину, которая была замаскирована в кустах, и быстро оторвались от наступающих.

Только после этого боя командир отделения Иванов позволил себе искупаться в Южном Буге, с высокого берега которого хорошо был виден Первомайск.

Первомайск! Сколько в этом слове солнечного, весеннего, революционного! Иванов решил, что город назвали в честь подпольной маевки, и твердо заявил:

— Дальше не пойду!

Он выразил наше общее желание. Мы почему-то верили, что в Первомайске нас ждут резервы, новая техника и укрепленный рубеж. Каждый из нас мечтал о передышке, но об этом вслух не говорили. Июль — месяц непрерывных боев — измотал нас основательно.

Иванов, как и все мы, не знал, что немецкое командование именно в районе Первомайска наметило добиться решающего успеха на юге — наконец-то зажать русских в «клещи» и разгромить 18-ю армию.

Нам пришлось опять своими силами отбивать одну атаку за другой. Здесь Иванов был тяжело ранен.

Гитлеровские военачальники снова просчитались: они не сумели окружить наши соединения.

Отход продолжался. Фашисты стремились не допустить нас к Днепру, где строились укрепления.

Угроза окружения преследовала нас днем и ночью. И в этой чрезвычайно тяжелой обстановке люди во всей полноте раскрывали свои характеры.

Есть военные, которые, кажется, и родились разведчиками. Еще на румынской границе младший лейтенант Калинкин первым узнавал все новости по дивизии. Если телефонист ответит: «Хозяина нет на месте», то Калинкин добавит: «Он в штабе корпуса». Позвонишь туда — точно. Калинкин обладал феноменальным чутьем времени. Бывало, разбудят его и, держа в руке часы, спросят: «Калинкин, ты не проспал дежурство?» Он, не поднимая головы и не открывая глаз, вежливо отвечает: «Еще пятнадцать минут».

Когда мы впервые вошли в Буковину, Калинкин так освоил карту, что на местности ориентировался безошибочно.

Всегда краснощекий, бодрый и во всем точный, он был любимцем эскадрона. Да и все в батальоне считали его самым толковым разведчиком. Поэтому, когда потребовалось выделить делегата связи в штаб дивизии, я, не задумываясь, назвал Калинкина.

Благодаря ему мы раньше многих узнавали, что нас ждет на пути. Так, при подходе к Первомайску Калинкин сообщил:

— Товарищ комбат, первомайские казармы пустые, резервов нема. Командование считает, что батальон один справится с неприятелем. Ей-богу, при таком доверии легче воевать! Резервы фронта под Уманью. Их туда бросили. И они там — вот молодцы! — нанесли знатный контрудар. Город забит беженцами. На улицах появились «окруженцы» — представители Юго-Западного фронта. Говорят, при желании из любого кольца можно вырваться. Наши бойцы слушают да на ус наматывают. Мне сдается, товарищ комбат, это на пользу: не так страшен «мешок», если у тебя клинок острый! Встретил на вокзале и летчика с подвязанной рукой. Его «фанеру» спалили под Тирасполем. Там четвертая румынская пробила оборону нашей девятой армии. А тут, ближе к нам, жмет немецкая одиннадцатая. Это южный клин. С севера к Первомайску рвется танковая группа. Вырисовываются «клещи». Только нас не зажать!..

Я подумал, что в районе Первомайска созданы укрепления, которые помогут нам зацепиться. Но Калин- кип не подтвердил:

— Никакой линии, никакого рубежа до самого Днепра!

В беспрерывных боях соединения и части 18-й армии были основательно потрепаны. Противник не раз пытался зажать ее в «клещи», но она все же сумела отойти за Днепр и занять

подготовленный рубеж.

4

На левом берегу Днепра 164-я стрелковая дивизия не только держала оборону, но и разгромила румынскую бригаду. В этой операции я командовал уже полком. Перемещение произошло неожиданно.

К Днепру мы отходили с боями. В районе Софиевки младший лейтенант Калинкин прискакал ко мне на КП и, не слезая со своего серого Дрозда, передал приказ комдива Червинского:

— Товарищ комбат, срочно сдайте батальон капитану Сосину. — А тише добавил: — Вас… на полк…

Пошел прощаться с боевыми товарищами. Назначение не особенно обрадовало. Мне казалось, что я еще не созрел для этой должности.

Василий Шугаев так посмотрел на меня из-под своих мохнатых бровей, словно я по своей инициативе покидал батальон. Но это было мое истолкование его взгляда. На деле же он просто растерялся от неожиданности и все, что в этот момент нахлынуло на него, выразил одним жестом: протянул фигурную трубку, им самим сделанную.

В тверской деревне еще в детстве он резал ложки, миски, игрушки. В подарок умелец вложил все свое искусство: чубук — вылитая танкетка с дымящимся стволом. Эта трубка воскрешала в памяти пройденный по военным дорогам путь. Я крепко пожал Шугаеву руку:

— Ничего, Василий, в одной дивизии — не раз увидимся…

Несмотря на его сложный и не всегда понятный характер, я искренне дорожил его дружбой: в тяжелую минуту он не раз протягивал руку помощи. Рослый, жилистый Шугаев легко переносил фронтовые тяготы. Один его вид предельной невозмутимости успокаивал окружающих.

В этом отношении Сосин был не столь выдержанным: быстро раздражался, покрикивал, не стесняясь в выборе слов. Теперь, сдавая ему батальон, я, откровенно, опасался, что капитан задергает людей. Он, видимо, почувствовал это и, зная свою слабость, поспешил заверить:

— Без вас, Александр Андреевич, придется самому подтягиваться.

В это время противник пошел в очередную атаку. Сосин кинулся к телефону. Слушая его волевой голос, я вспомнил 1939 год, когда мы с ним не раз ходили по финским тылам. Он не

боялся опасности. И я был уверен, что разведбат по-прежнему будет действовать смело, решительно.

Эскадрон не принимал участия в отражении атаки. Я направился в это подразделение. Ленинградская кавалерийская школа, в которой довелось учиться, привила мне любовь к лошадям, и она сохранилась во мне до сих пор. Командир эскадрона старший лейтенант Коробко встретил меня неожиданно холодно. Всегда приветливый, запевала, весельчак, он нахохлился и не без досады проговорил:

— Те-эк, значит, забираете Калинкина?

Со мной уходил не только Калинкин, а и Курдюков. Я бы рад был увести и весь разведбатальон. Но это выходило за рамки моей власти.

Командир танковой роты Тихонов решил проводить меня. Танкисты только что отбили атаку автоматчиков. Тихонов, прокопченный, потный, восседал на приземистой, дышащей жаром амфибии, а мы — Калинкин, Курдюков и я — на конях. Следом за нами, метрах в пяти, с автоматом за спиной, вел под уздцы хромого Германа Сеня Бердникович. Двигались мы вдоль обгорелого берега Ингула. В спину нам светило вечернее солнце.

У переправы стали прощаться. Тихонов вытащил из люка танка свою заветную флягу с винтовой пробкой, жестяные кружки и банку рыбных консервов. Сеня своей долей «горючего» промыл ранку на ноге Германа, а мы молча выпили, думая каждый о своем.

Затем я крепко, по-дружески обнял Бердникович а, Тихонова и тронул коня. Не навек же расстаемся…

Не успели наши кони вступить на левый берег, как из прибрежных кустов раздался знакомый голос:

— Товарищ комбат! Товарищ капитан! Зайдите…

Из орешника выскочил в белом халате Михаил Круглов. Мы все ввалились в широкую палатку с большим красным крестом на зеленом полотнище…

— Ну, герои, приветствую вас!..

Возле окна друг против друга лежали на приподнятых носилках Иванов и старший Круглов. Они обрадовались гостям. Павел поднялся. После тяжелой контузии он еще опирался на палку, однако сотрясение мозга, к счастью, прошло без последствий.

— Через денек-два вернусь. Отлежался. — Он вздохнул полной грудью и глазами показал на брата: — Спасибо Мише…

Михаил зарделся, что девица. Он стал убеждать меня взять их, братьев, в полк. Оказывается, Калинкин уже проинформировал младшего Круглова.

Иванов еще не вставал. Его забинтованная голова грузно лежала на подушке. Николая хотели эвакуировать в госпиталь. Но он категорически отказался: «Мозги целы, а дырку быстро затянет».

Беседовали недолго. Я унес в душе теплое чувство человеческой привязанности, боевого товарищества и твердую уверенность, что таких людей фашисты ни за что не одолеют.

5

371-й стрелковый полк я принял на ходу отступающим к Днепру. С личным составом батальонов по-настоящему познакомился лишь на новом рубеже. К нашему приходу левый берег реки был уже укреплен. И снова перед нами «рыцари Антонеску». Воевали они хуже немцев, однако к этому времени порядком обнаглели. Особенно после их успеха под Тирасполем.

Разведчики полка, которым я командовал, привели румынского ефрейтора с черными нахальными глазищами.

Информация пленного оказалась очень кстати. Мы узнали, что на противоположном берегу Горностаевку занимает румынская бригада. Она первой начнет форсировать Днепр. Ефрейтор подробно рассказал, где располагаются подразделения, какова их численность, чем вооружены. Командир дивизии решил опередить противника и разгромить его.

Командующий 18-й армией одобрил предложенный план.

На подготовку вылазки отводились одни сутки.

Вечером ко мне явились Калинкин и Курдюков «с великой просьбой»:

— Товарищ капитан, разрешите и нам… на тот берег?

Я хоть и рисковал остаться без самых проверенных своих помощников, все же не стал возражать. Уж больно Андрей подкупил меня:

— Мы все пятились, пятились, а тут такой случай…

Андрей Курдюков — мудрый воин. Он, в отличие от многих «храбрецов», никогда не подставлял голову под пули, не вылезал на бруствер без нужды. И в то же время коновод выполнял опасные задания смело. Его любимая поговорка: береженого и враг бережет.

У более опытного бойца он не стеснялся поучиться. Еще на границе Андрей всегда радовался, когда я навещал своего друга подполковника Ковалева. Тогда Федор Андреевич командовал полком, который занимал оборону рядом с моим батальоном.

Ковалев получил первый орден еще во время финской войны.

У него за плечами не одно сражение. И Курдюков любил расспрашивать подполковника о поучительных военных историях, о солдатской смекалке, находчивости.

Как стемнело, первыми начали действовать полковые разведчики. Их возглавил младший лейтенант Калинкин. Курдюков вошел в эту группу как рядовой автоматчик, однако скоро стал первым помощником Калинкина. Андрей искусно сооружал плоты. Чтобы в темноте своего не принять за врага, он предложил к поясным ремням привязать белые лоскуты. Его способ подавать сигналы трассирующими пулями оказался наиболее простым и понятным. Это по его совету Калинкин провел накануне репетицию ночного налета на вражеский населенный пункт.

Опытом своим Курдюков делился охотно, с шуточками, прибауточками. Между делом рассказывал анекдоты. Где Андрей — там смех, хорошее настроение. И дело спорилось.

Как-то был случай. Одно из наших подразделений поднялось в контратаку. Противник встретил его сильным огнем. Несколько молодых бойцов бросились в воронку и залегли. На призывы «Вперед!» они не реагировали. Тогда к ним подполз Курдюков и весело: «Ребята, что сгрудились, как котята? Одна граната вас прошьет, как вату. А ну, за мной вон в ту траншею крой!»

И ребята пошли за Курдюковым.

Андрей родился под свист и гиканье махновской банды. Она ворвалась в село. Мать Андрюшки испугалась за мужа, красного командира, которого только что, раненного, принесли к ней в избу, и схватилась за большой живот. Отец заменил бабку-повитуху. Да и нянчил сына больше он, чем мать. Григорий, без ноги, сапожничал дома, а Марья работала в поле. И видать, бывший командир эскадрона, оказался неплохим воспитателем. Андрюша хорошо бегал на лыжах, купался до первого снега, летом пас лошадей и научился лихо ездить на них. В армии он стал отличным кавалеристом. Сейчас ему шел двадцать второй год, а по военной сноровке, боевому опыту и солдатской смекалке Андрей мог тягаться с более зрелыми бойцами.

Еще в снегах Карелии, где нам пришлось воевать больше в пешем, чем в конном строю, я приметил Андрея Курдюкова. Он сплел тогда для своего Жулика особые лапти, и там, где наши лошади проваливались по грудь, его рыжий проходил, как лось.

В районе Петрозаводска Курдюков заменил моего ординарца, который отморозил ноги. С тех пор Андрей неразлучно со мной. Он меткий стрелок, ловкий наездник и прекрасный коновод.

Разведчики благополучно достигли противоположного берега. Тишину нарушили взрывы гранат и автоматные очереди.

Я впервые руководил ночными наступательными действиями и поэтому чувствовал себя не совсем уверенно. Слушая информацию с правого берега о ходе завязавшегося боя, я подчас сосредоточивал свое внимание не на ее содержании, а на голосе телефониста: мне казалось, что он чего-то не договаривает, и я, может быть, не совсем впопад кричал в трубку: — А разведчики что? Как они там?..

6

Я поймал себя на мысли, что плохо знаю людей, которые меня окружают, и дал слово обязательно расспросить Калинкина о его жизни до армии.

У Калинкина был тонкий музыкальный слух. Он где-то раздобыл губную гармошку и очень быстро ее освоил. Но кто-то из дивизионных начальников сказал ему: «Эх, ты… после фашиста в рот взял!» Калинкин стал играть тайком.

Уходя на ту сторону Днепра, он оставил инструмент мне. Нащупав его в кармане, я вспомнил наш с ним разговор на берегу реки.

— Если вылазка удастся, — сказал Калинкин, — то она принесет нам не только славу, но и горе.

Я привык к остроте его мысли, но тут сделал большие глаза:

— Горе? Имеешь в виду жертвы, потери?

— Потери, товарищ капитан, неизбежны. А вот если успех, тогда вдумайтесь только!..

Я не понимал его. Разгром румынской бригады нам был выгоден. Наша 18-я армия находилась в центре Южного фронта. Севернее Никополя оборону держала сильно потрепанная 12-я армия, а южнее, примыкая к Черному морю, находились некоторые соединения 9-й армии. Остальные ее силы были прижаты противником к Одессе. На их основе образовалась Отдельная Приморская армия.

Все армии Южного фронта получили пополнение, однако неприятель по-прежнему превосходил нас в живой силе, боевой технике и, скажем честно, в умении воевать. Правда, последнее относилось лишь к немецким войскам. Натренированные, хорошо оснащенные, они все время жали на фланги нашей армии, пытались прорваться и окружить нас. И сейчас, согласно данным разведки, немецкие войска готовились к фланговым ударам, чтобы зажать нас в «клещи». В частности, 11-я немецкая армия пыталась форсировать Днепр в районе Херсона.

Если нам удастся разгромить румынскую бригаду, немцы

неизбежно призадумаются: русские форсировали Днепр, захватили плацдарм и не исключено, что вобьют «клин» в центре группы армий «Юг». Германское командование, естественно, потребует от своих союзников сбросить нас в реку. И пока они этого не сделают, навряд ли гитлеровцы осмелятся наступать на флангах.

Так рассуждал я. Подобные же мысли высказали и Червинский, и Ковалев. Кстати, Ковалеву поручили отвлечь врага от места форсирования Днепра ложной атакой. К этому времени Федор Андреевич командовал уже не полком, а одной из дивизий 18-й армии.

Ночную вылазку проводили двумя батальонами. Через Днепр переправлялись очень осторожно. Впереди на лодках плыли разведчики, за ними на барже и плотах — основные силы.

Румыны, видимо, и мысли не допускали о контратаке русских, да еще с форсированием большой реки. Внезапность, четкие действия решили исход боя. Наши разведчики быстро сняли боевое охранение противника, захватили береговые траншеи. Батальоны окружили Горностаевку. Среди находившихся там солдат и офицеров началась паника. Многие выскакивали из домов полураздетые, а кто и вообще в одном белье. Один из вояк полез было в собачью будку, но пес не пожелал уступить свое место непрошеному гостю и выгнал его под пулю.

Я тоже переправился на правый берег и руководил боем оттуда. Когда он окончился, мимо моего КП автоматчики повели пленных, понесли трофейное оружие. Откуда-то из темноты вынырнул Калинкин и скомандовал:

— Нагрузить пленных пулеметами и минометами!

Его задорный голос подсказал мне, что разведчики успешно выполнили свою задачу и теперь наполняют баржу «доказательствами». Враг понес большие потери.

Из Горностаевки мало кто вырвался. Пленили только тех, кто вышел к нам с поднятыми руками. Таких набралось около восьми десятков.

Я доложил командиру дивизии о результатах схватки. Он поздравил с удачей, но приказал не закрепляться. Оказывается, командарм почему-то изменил наш первоначальный план.

К рассвету под прикрытием дивизионной артиллерии вернулись на свою сторону.

Утром весть о нашем успешном налете разнеслась по всему фронту. В штабе армии, на окраине Большой Липатихи, состоялся митинг, посвященный подвигу 371-го полка. В тот период даже незначительная контратака советских войск имела огромное

моральное значение.

Наши потери были очень незначительны. Для меня, молодого командира полка, ночной десант явился памятной вехой. Теперь я увереннее чувствовал себя в роли командира полка. Хотя именно в этот период и пережил большой душевный кризис. Вкусив радость победы, я уже начал грезить, что армия воспользуется захваченным нами плацдармом, рассечет вражескую группировку и на Южном фронте свершится долгожданный перелом.

Во всяком случае, я даже и мысли не допускал, что очень скоро противник отбросит нас от Днепра и выйдет к Дону. И когда это случилось, я помрачнел, утратил всякий аппетит, много курил. Но это настроение постепенно прошло.

Очевидно, подобное пережили и бойцы. Потеря днепровского рубежа всех удручила. Снова пошли разговоры о том, что «опять драпаем». Некоторые зло шутили: «Повоевали на чужой земельке, теперь и свою не грех потоптать».

Вот только когда я понял смысл слов Калинкина: «Удача принесет нам не только славу, но и горе». Да, разгром румынской бригады настроил всех нас наступать. Мы поверили в свои силы, воспрянули духом. Появилась какая-то надежда. И вот все рухнуло…

Теперь мы опять шли на восток. Каждый новый рубеж обороны воспринимался нами как конец отступления и начало новых надежд, как долгожданная передышка. Тут снова рождались мысли о контрнаступлении. На новом месте все неловкое, обидное, связанное с отходом, улетучивалось, сменялось настроением: дальше ни шагу. И все, от командующего фронтом до рядового бойца, искренне верили, что этот рубеж враг ни за что не преодолеет. И чем сильнее верили в это, тем упорнее дрались и тем сильнее переживали потом трагедию очередного отхода.

Глава третья
ОКРУЖЕНИЕ

1

Железнодорожная станция Пришиб на стыке двух дивизий. Высокая водонапорная башня — отличный наблюдательный пункт. Чуть свет мы с Ковалевым, командиром соседней дивизии, начали подниматься на совместный НП.

Винтовая лестница башни порядком измотала нас. Подполковник Ковалев удачно сравнил подъем по крутым железным ступенькам с нашим отходом от границы. С каждым днем отступления, с каждым боем мы теряли свои силы, все чаще и чаще задыхались в атаках, но зато все выше и выше поднимались в понимании военного дела…

— И теперь, друг мой, — Ковалев перевел дыхание, — наш третий рубеж будет последним: отступлению конец! Хватит! Наш фронт не то, что соседний…

В конце сентября мы узнали о катастрофе на Юго- Западном фронте: четыре армии во главе со штабом и командующим фронтом попали в окружение. А Южный фронт к началу октября настолько стабилизировался, что Ковалев в своем оптимизме был не одинок. Я тоже, разумеется, хотел, чтобы наш рубеж подвел черту отступлению. Однако после потери Днепра я допускал возможность нового отхода. К тому же вчерашнее показание пленного, ночной шум в стане врага настораживали. Не иначе, готовилось крупное наступление.

— Пусть сунутся, — с угрозой сказал Федор Андреевич. — Моя дивизия, по крайней мере, не дрогнет. Насмерть будет стоять!

— Мне думается, Федор Андреевич, не всегда надо стоять

насмерть. Все зависит от условий, обстановки. Если, скажем, полк окружают, зачем губить его? Лучше вывести, пока не поздно, а потом при более благоприятной ситуации ударить, разгромить врага или хотя бы измотать.

Ковалев остановился на площадке.

— Чепуха, его не измотаешь! Резервы огромные. Наш долг хоть умереть, но остановить. Не пропустить дальше. И только так, только так можно выиграть войну!

— А мы ее и не проиграли! Где молниеносная победа? Ведь фашисты не разгромили, как хвастаются, нашу армию.

— Тем более, никаких отходов больше!..

Я не стал возражать, В нем я узнал себя вчерашнего. Мне тоже казалось, что сейчас у нас должна быть одна стратегия — стойкость! Но ход войны заставил мыслить гибче.

К сожалению, Ковалев руководствовался лишь одним принципом: устоять — победить, отойти — погибнуть!

Не успели мы с Федором Андреевичем подняться на НП, взяться за бинокли, как прибежал Калинкин. Раскрасневшийся, тяжело дыша, он сообщил нам:

— Мелитополь взят! Одиннадцатая армия противника прорвала фронт!

Ковалев стал уточнять источник информации, а я невольно направил бинокль на юг. Конечно, Мелитополь далеко от нас. Да и утренний туман сокращал видимость. Но когда за моей спиной притихли голоса, я услышал отдаленный орудийный гул. В районе озера Молочное шел бой.

Город Мелитополь обороняла 9-я армия. Ее укрепили резервами фронта. Но враг по-прежнему имел перевес и в людях, и в технике. Значит, наш левый сосед нуждался в срочной поддержке. Иначе — опять угроза окружения. Как же быть?

Я решил связаться с комдивом. Но телефонная линия оказалась поврежденной. Посылая связиста, я был уверен, что провод оборван случайным осколком. К счастью, вторая «нитка», идущая из штаба полка, была в исправности. Воспользовавшись ею, Ковалев вызвал своего представителя и подтвердил отданный ранее приказ:

— При любых обстоятельствах стоять насмерть!..

Вернулся связист. Он нашел обрыв, но не нашел второй конец провода.

Странный случай заставил меня послать на разведку Калинкина. Вслух я высказал предположение:

— Уж не прорвался ли неприятель и к нам в тыл?

— Это невозможно! Слишком далеко. А самолеты не страшны. Любой десант расстреляем…

На сей раз Ковалев рассуждал здраво. И все же опыт войны показывал, что 11-я немецкая армия не стала бы в одиночестве пробивать нашу оборону. Не зря вчера пленный офицер нарисовал на карте «клещи»… Да и румыны, очевидно, активизируются…

Оконце в башне узкое. Мы смотрим на румынские позиции по очереди. К этому времени выглянуло солнце и осветило передний край противника.

— Спят, черти! — засмеялся Ковалев.

Действительно, во вражеском стане царили тишина и покой. Молчали и их артиллеристы. Ночью они бодрствовали — из пушек и минометов обстреливали станцию Пришиб.

Я перевел взгляд на вокзал. Здание без стекол. Возле развороченной платформы — скелет сгоревшего вагона. Снизу тянет дымком.

Через северное оконце увидел убранные поля пшеницы и подсолнуха. Где-то там оборонялись соседние 12-я и 6-я армии.

Мы с Ковалевым, понятно, и мысли не допускали, что именно на участке 6-й армии прервалась армада немецких танков.

И даже тогда, когда, перейдя к восточному проему, увидели в своем тылу вспышки взрывов, решили, что это неприятельские дальнобойные орудия ведут обстрел. Федор Андреевич покинул НП, не зная истинного положения на нашем фронте.

Только в полдень вернулся Калинкин и доложил:

— Товарищ майор, танки Клейста прошли Поповку!..

— Поповку? — усомнился я и на миг представил красивое село с его разноцветными хатами, густыми садами и плетеными заборами. — Откуда они там взялись?

Адъютант пояснил. Танковая группа генерала Клейста форсировала Днепр и устремилась на юг в направлении Орехов, Пологи, Бердянск. Разбив наши тылы, она окружила 18-ю армию…

— И штаб армии? И командарм там?..

— Не знаю. Мне известно лишь, что танки ворвались в Поповку, подавили много людей, техники…

Вот она, катастрофа! В Поповке находились тыловые части нашей дивизии, госпиталь, штаб 18-й армии и командарм Андрей Кириллович Смирнов. Теперь ясно стало, почему оборвалась связь со вторым эшелоном. Раздумывать не приходилось. А тут еще на дороге, идущей из тыла, обозначилась черная точка с хвостом пыли. Кто-то ехал на легковой машине.

Я и Калинкин поспешили вниз.

Из пыльной «эмки», как только она остановилась, вышел командующий 18-й армией генерал-лейтенант Смирнов. По его бледному лицу и криво сидящей фуражке я понял, что он каким-то чудом вырвался из пекла. Но почему он едет на запад, а не на восток?

Я шагнул навстречу командарму, поздоровался и доложил, что полк удерживает назначенный рубеж — Солодка Балка, Пришиб.

Внешне генерал был спокоен. Подавая мне руку, он уточнил:

— Правее вас шестьсот шестьдесят четвертый полк?..

— Так точно!

Он глазами показал на восток:

— В район Солодкой Балки, Васильевки, Поповки… танки Клейста… Пути отхода отрезаны. Но кольцо пока еще слабое. Прорвем!..

Андрей Кириллович взял у меня карту. Я с восхищением думал: «Вот почему он здесь, на передовой. Не себя — солдат спасает».

В это время на станцию обрушился минометно-орудийный огонь. Не обращая внимания на обстрел, командарм поставил мне задачу, затем попросил, чтобы офицер связи проводил его до соседнего полка, и твердой походкой направился к машине.

Своим мужественным поведением он воодушевил нас.

Я был убежден, что Андрей Кириллович найдет выход из трудного положения. За его плечами — огромный боевой опыт. Смирнов в рядах Красной Армии с 1918 года. В 1936 году, командуя 12-й стрелковой дивизией, он за большие успехи в военной выучке личного состава соединения был награжден орденом Ленина. В 1940 году в числе первых командиров, получил звание генерала.

Война застала его в должности командующего Харьковским военным округом. Вскоре Андрей Кириллович назначается командующим армией. Он не сомневался в том, что немецко-фашистские захватчики будут разбиты. В письме жене Варваре Семеновне Смирнов писал: «Я верю, что, несмотря на большие трудности и наш отход, мы разобьем гитлеровскую сволочь».

В наиболее тяжелое время боев в конце августа 1941 года он обращается к супруге: «Все время находимся в боях, фашистская пропаганда уже не раз распускала слухи о том, что наша армия разбита и ее остатки — в безвыходном положении. Но враги клевещут… Вчера ночью силами двух полков мы пробились из окружения, разгромили два вражеских штаба… В минуту передышки спешу сообщить тебе об этой радости. Если будет совсем трудно — живым в руки врага не сдамся. Береги себя и

детей…»

Готовя войска к выходу из нового окружения, Смирнов погиб. Отдел кадров Южного фронта сообщил В. С. Смирновой, что ее муж 8 октября 1941 года убит в районе села Поповка, Запорожской области. Боевые друзья командарма прислали Варваре Семеновне кусочек карты с отметкой места гибели Смирнова.

В начале войны немцы еще играли в «благородных» людей. Они перехоронили труп генерала с воинскими почестями.

Опережая события, скажу, что имя А. К. Смирнова не забыто. Советское правительство посмертно наградило его орденом Отечественной войны 1 степени. Останки героя перенесены на новое место. На могиле установлен обелиск. Верховный Совет УССР Указом от 10 июня 1946 года переименовал Поповку в Смирново.

А тогда, распрощавшись с командармом, я и не подозревал, что видел его в последний раз.

Примчался Курдюков и, едва сдерживая дыхание, доложил:

— Станцию окружают танки!

Калинкин, Курдюков и я бросились к тачанке. Она стояла за дубами привокзального сквера. У нас был единственный выход — проскочить на дорогу, ведущую к передовой.

Я вскочил на тачанку последним и приказал Курдюкову:

— Гони!

Однако не успел тот натянуть вожжи, как перед конями выросла высокая фигура седого бородача в фуражке железнодорожника. Старческим голосом закричал:

— Не пущу! Слезайте, защищайте станцию!

Я спокойно объяснил деду, что нам с одним пулеметом не одолеть танки, что мы спешим к своей воинской части. Но патриот и слушать не хотел:

— Не пущу!

Пришлось Калинкину прыгнуть на землю, оттащить старика в сторону, а потом догонять нас. Железнодорожник что-то кричал вслед, но мы уже не могли разобрать его слов.

3

Еще в тридцатые годы под влиянием кинокартины «Чапаев» Курдюков буквально бредил пулеметной тачанкой. Он уже на границе подбивал меня на «четверку орлят». Однако его мечта осуществилась лишь с выходом в украинские степи.

Пулемет на тачанке был с меткой Иванова. Хозяин его,

отправляясь в санчасть, просил Курдюкова сохранить «максима». И Андрей свято выполнял волю друга.

Скоро станция осталась позади. Кони лихо неслись, обгоняя отдельные группы наших бойцов, двигавшихся по дороге и еще не знавших о надвинувшейся грозе.

Но вот откуда-то донеслось страшное для того времени слово — «танки». И спокойное движение сразу нарушилось. Люди побежали. Одни кинулись в поле, к перелеску. Другие залегли в ямы. А некоторые остались на месте и растерянно оглядывались по сторонам.

Нам было видно, как вражеские машины обошли станцию и устремились к позиции 1-го батальона. Они шли нам наперерез, стреляя из пулеметов и пушек.

На дороге горела «эмка». Около легковой машины я увидел Ковалева. Он пытался вытащить из кабинки убитого шофера. Мы остановились. Клубы дыма прикрыли нас.

Курдюков и Калинкин помогли комдиву вытащить из огня тело водителя. Я взял его документы. Федор Андреевич, опуская труп своего боевого товарища на обочину, тихо проговорил:

— С начала войны вместе… Земляк мой…

Шум моторов нарастал. Наша тачанка слишком приметная цель. Ковалев предложил податься в кукурузу. Она находилась от нас в двухстах — трехстах метрах и была единственным спасением в чистом поле. Это понимали не только мы. К этому зеленому массиву устремились сотни людей.

Возраст не позволял Ковалеву угнаться за молодыми бойцами, и мы — Федор Андреевич, Курдюков, Калинкин и я — заметно отставали. А танки уже били по бежавшим из пулеметов.

Но страх перед гусеницами был сильнее. Все неслись во весь дух, кричали, падали и даже окровавленные продолжали ползти. А смысла в этом уже и не было — пули все равно настигнут.

Курдюков крикнул:

— Ложись!

Возбужденный, но собранный, он успевал и оценить обстановку, и помочь товарищу, и даже пошутить.

Заметив бойца, растянувшегося на земле и прикрывшего голову гимнастеркой, он крикнул ему:

— Эй, паря! Открой глаза и делай, как я, жив останешься!

И все это в момент, когда тебе, без глубокой щели, без бутылки с горючим и без орудий, кажется — нет выхода, когда в твоей руке наган, а не граната, когда тапки идут по гладкой степи, как по асфальту, когда их грохот глушит в тебе волю к сопротивлению. Словом, танкобоязнь парализует человека.

Вот приближаются тяжелые танки. Снизу они кажутся

гигантскими. Стальные ленты гусениц ложатся на распластанные тела. Машины бросаются то влево, то вправо, и заранее никуда не отползешь. Их нужно подпускать как можно ближе и только тогда откатываться в сторону. Вблизи танкист не видит лежащего на земле: и в этом спасение!

Но такой поединок требует сноровки и крепких нервов. Это не каждому по силам. На моих глазах трое солдат, обхватив руками голову, положились на случай: а вдруг минует…

Но многотонный «утюг» безжалостно вдавил их в землю. Затем нацелился на Курдюкова.

Андрей спокойно выжидал. Лишь в самый последний момент он резко рванулся вправо. И уцелел. Таким же образом спаслись и многие другие. Я тоже последовал их примеру.

Когда мимо глаз промелькнули катки, черный борт с крестом и обдали жаром выхлопные газы, я оглянулся. То, что увидел — не забыть никогда: танк навалился на Ковалева. И, несмотря на шум, лязг, до нас долетел раздирающий душу крик.

Прошли еще две волны машин. Теперь было уже не так страшно. В такие минуты инстинкт самосохранения делает человека удивительно изворотливым. Но почему же Ковалев не нашел в себе силы бороться за жизнь?

Мне особенно больно было смотреть на него. Штыками и ножами мы выдолбили неглубокую яму и похоронили комдива. Вокруг нас собрались потные, грязные бойцы. Тот, кому Курдюков помог уйти от смерти, неожиданно обнял Андрея и, пряча слезы, уткнулся в его плечо.

— Меня зовут Петром, — сказал он. — Братом будешь…

Теперь Петро ни на шаг не отставал от Курдюкова. Беда сближает людей. А впереди еще много испытаний. И главное из них — выход из окружения.

Несколько человек из соседнего полка присоединились к нам. Пожилой артиллерист Карпенко рассказал о судьбе своего подразделения.

Это было в час атаки румын. Наши бойцы ждали подмоги. И видят, что с тыла идут четыре танка. Молодые пушкари вскочили на бруствер окопа и замахали пилотками: «Привет танкистам! Жми, ребята!» Ну те и поднажали. Один Карпенко успел нырнуть в щель. Без единого выстрела гитлеровцы раздавили батарею.

Примкнули к нам и люди из дивизии Ковалева. Они действительно стояли насмерть, но, зажатые с трех сторон танками, обстреливаемые с фронта румынскими орудиями и минометами, понесли большие потери.

Перед моими глазами снова встала картина гибели комдива. Почему же он все-таки не увернулся от машины? Может быть, ему

показалось унизительным извиваться перед фашистами?

Вспомнились его слова, сказанные на водонапорной башне. Федор Андреевич настолько верил, что этот наш рубеж будет последним на пути отступления, настолько хотел быстрейшей стабилизации фронта и настолько внушил себе и своим подчиненным идею предстоящего перелома, что неожиданный прорыв немцев и окружение, видимо, сломили и его волю.

Мне удалось собрать отряд человек в двести. Шли в темноте в направлении огненных вспышек. Калинкин, раздобыв где-то велосипед, вел разведку. Он сообщил, что левее нас, в районе села Водяно, действует группа под командованием генерала А. С. Титова.

О начальнике артиллерии 18-й армии я много слышал и лично знал его. О нем все отзывались с теплом, уважением. Мы торопились к нему на выручку, но не успели. На месте недавнего боя догорали кусты, чернели воронки, всюду валялись медные гильзы от снарядов. А перед артиллерийскими позициями дымились шесть немецких танков.

В ближайшей балке, где уже сгустились вечерние сумерки, мы наткнулись на медика в очках. Рядом с ним на земле лежали пятеро тяжелораненых. Санитар без халата, с белоснежным бинтом в руке, рассказал о том, что полчаса назад видел своими глазами…

— Танки нагрянули нежданно. По числу — не счесть. А возле штаба армии только одна зенитная батарея. Силы были слишком неравные. Исход ясен. Молодой подносчик снарядов растерялся, закричал: «Танки! Окружают!» Тут подошел генерал Титов. «Не шуми!» — успокоил он. И твердо подал команду: «К орудиям!»

Санитар тоже нажал на голос и тут же с опаской оглянулся. Ему показалось, что он не к месту затеял воспоминания и, как бы оправдываясь, пояснил:

— Я ж Алексея Семеновича знал лично. Когда к нам в армию поступили первые «катюши», так меня взяли на испытание нового оружия. Вот тогда-то я и увидел начальника артиллерии. Он тогда, помню, глаз еще засорил. Пришлось оказывать помощь. Разговорились. Выяснилось, что он, как и я, любит математику. В общем, мы потом не раз еще встречались…

Рассказчик грустно вздохнул и продолжал:

— Так вот зенитчики во главе с генералом бились здорово. Так, что завертелись «окружатели». Первая группа танков быстро поредела. Дым поднялся выше колокольни. Ну и немец в долгу не оставался. Разок генерала даже землей забросило. Я кинулся к нему, думал, конец. А он встал, отряхнулся и пошутил еще: «Плохо рассчитывают. Вот мы им сейчас покажем, как надо». И

указал на новую цель — по скирдам. А там фрицы бензин спрятали. Взрыв получился знатный. Так что танки остались без горючего…

Застонал раненый. «Математик» юркнул в темноту, звякнул флягой, что-то сказал бойцу и снова вернулся к нам.

— Дело обернулось так, — продолжал он, — что Титову самому пришлось встать за наводчика. А когда его ранило, он все ж не подпустил меня к себе: «Не время!» И бился буквально до последнего снаряда, до последней капли крови. Я вынес лишь одного полуживого артиллериста. Все другие и генерал уже не нуждались в моей помощи. Враг бил издали. За время схватки зенитчиков с немецкими танками штаб 18-й армии во главе с генералами Колпакчи и Горюновым успел уйти.

На рассвете мы из палаток, ремней и одной шинели сделали носилки и понесли тяжелораненых.

Мне приятно было узнать после войны, что село Водяно, Куйбышевского района, Запорожской области, переименовано в Титово.

На третью ночь, а мы шли только ночами, нам удалось наш «санбат» посадить на захваченную у немцев машину и отправить на восток. Грузовик достался нам при следующих обстоятельствах.

В районе недавних боев работала неприятельская трофейная команда из шестнадцати солдат и одного ефрейтора. Они сортировали наши винтовки, минометы, разбитые орудия и прочее военное имущество. А сапоги, ремни, шинели грузили в машину. Трофейщики так заработались, что не заметили, как наступили сумерки. А тут и мы нагрянули. Наш медик знал немецкий язык. Он потребовал у пленных семь комплектов немецкой формы. В нее переодели раненых и положили их в кузов на солому. В кабину сели шофер и санитар, также облаченные в гитлеровское обмундирование. «Математик» заверил нас, что они теперь запросто прорвутся к своим.

Проводы были теплые, согретые юмором, но поспешные. Следом за трофейщиками обычно шли автомобили, которые подбирали все собранное. Мы связали вражеских солдат и положили их вдоль дороги.

Один из них сошел с ума от страха и стал кричать, молиться и биться в судорогах. Ему в рот забили кляп. Остальные, онемев, ждали расплаты. И действительно, кто-то из бойцов готов был смочить штык, но Курдюков вовремя заметил и схватил его за винтовку:

— Эй, друг, лежачего не бьют!

Отряд двинулся на восток. Вскоре за нашими спинами темень

прорезали фары шести машин. До сих пор не пойму, почему тогда мы не дождались грузовиков и не уничтожили их. Возможно, именно на них перед рассветом нас настигли немецкие автоматчики.

В темноте мы боялись курить, громко говорить, за каждым кустом ждали засады, а когда фашисты попытались окружить на хуторе — никто из красноармейцев не дрогнул, не поднял рук. Все дрались самоотверженно. Гитлеровцам не помог даже миномет. Не добившись успеха, они подобрали убитых, раненых, быстро погрузились в машины и помчались за подкреплением.

Нужно было срочно менять позицию. Заброшенный хутор с вишневым садом, где мы отбили атаку, слишком приметен. А идти всем отрядом по открытой местности, да еще днем, — поставить людей под пули. Я назначил место сбора — Красную балку — и приказал бойцам идти туда мелкими группами.

Убитых похоронили. На братской могиле оставили консервную банку со списком погибших, а раненых распределили между собой. С нами шел Петро. Хромая, опираясь на наши плечи и все еще переживая недавнюю схватку с автоматчиками, он беспокойно поглядывал на небосклон. Потеряв много крови, красноармеец заметно побледнел. Он понимал, что задерживает нас. На украинском языке воин сказал;

— Хлопцы, залышить менэ тут…

Он стал убеждать, что не пропадет один в поле. Здесь ему все знакомо. В мирное время Петро по этим землям водил комбайн. Он с гордостью стал рассказывать о своем крае, о том, что в Запорожье впервые в Союзе стали выпускать степные корабли.

Мы не оставили Петра.

В Красной балке собрался разный народ. На мой вопрос, из какого полка, они кривили рты:

— Был полк, да сплыл…

Голодные, без курева и оттого еще более злые, люди сидели и лежали на дне балки. Я вынул из планшетки книгу брата. Иван написал ее в 1927 году. Она была небольшая. На обложке — портрет Ивана Андреевича с боевыми орденами. Называлась она «Вчерашний день». Военный комиссар писал о тяжелых днях гражданской войны…

Я вслух прочитал эпиграф: «Героям и мученикам революции поем мы славу». Сидящие притихли. Я был уверен, что живой рассказ брата захватит слушателей. И не ошибся. Все сорок две страницы книжечки бойцы прослушали с напряженным интересом. А потом посыпались вопросы:

— А где сейчас ваш брат?

— А за что ордена получил?

Трудно пришлось молодому учителю в 1918 году. Только Иван Андреевич возглавил штаб отряда красногвардейцев, а тут и бой подоспел. В станице Белая Глина белоказаки сурово расправились с коммунистами. Но те, кому удалось спастись, не пали духом. Они, и в их числе Иван Андреевич, были убеждены, что успех контрреволюции временный.

В начале 1919 года на Волге 10-я армия отступала, бросая обозы, артиллерию. Красноармейцы были без боеприпасов, разутые и раздетые. А у белых английские, французские пушки. Они захватили Царицын, рвались к Саратову. Генералы пили за победу. А комиссар дивизии Иван Свиридов опять не опустил рук. Он внушал красноармейцам, что окончательная победа за красными.

Самое тяжелое испытание Ивану Андреевичу пришлось перенести на Кавказе. Армянская армия, молодая, необученная, попала в окружение. Националисты предлагали попавшим в беду сдаваться на милость победителя. Но ни голод, ни отсутствие боеприпасов не сломили волю красных воинов. И в этом была доля заслуги и комиссара Свиридова. Он верил и других убеждал, что им поможет Москва. И помощь пришла.

Чтение я закончил беседой о том, что и победы фашистов временные. Враг будет разбит. Советских людей нельзя поработить. С ними испытанная партия Ленина.

Беседа о герое гражданской войны не прошла бесследно. Бойцы заметно воспрянули духом, подтянулись. С каждым днем отряд становился все более собранной боевой единицей.

4

При свете мерцающих звезд смотрю на компас. Позади Новомлиновка, Зеленый Гай. Идем по-прежнему только в темное время. Продвигаемся осторожно, высылая вперед разведку. Мучает голод и жажда. К колодцам не подходим — немцы устраивают возле них засады.

Враг пока не обнаружил нас. До реки Миус остались считанные километры. И вдруг дозорные предупреждают об опасности. Впереди слышатся отдельные выстрелы. Даю команду занять круговую оборону. Появляется Калинкин и докладывает:

— Товарищ майор, Курдюков двух «языков» привел…

Я принимаю доклад адъютанта всерьез. Наган не убираю в кобуру. Напряженно всматриваюсь в лица «пленных» и… глазам не верю. Передо мной братья Кругловы.

Оказывается, наших дозорных обстреляли свои же

окруженцы. Их вел Павел Круглов. Он предупредил, что в его отряде нет ни одного командира и часть красноармейцев устала от боев и постоянного напряжения.

На войне не без хитрости. Я попросил Кругловых вернуться к своим и сказать, что встретили батальон во главе с командиром и политруком и мы примем их к себе.

Через некоторое время к нам пришел Михаил Круглов. Он, как всегда, скороговоркой доложил, что бойцы рады присоединиться к нам.

Я и политрук Мельников, несмотря на непроглядную темень, обошли строй вновь прибывших, попросили выйти из него коммунистов и комсомольцев. Их было немного. Все же актив наш пополнился. Новичков влили в подразделения. Первой ротой стал командовать Павел Круглов, второй — Калинкин.

Среди присоединившихся Петро узнал земляка — сына кулака. Отец его во время нэпа владел паровой мельницей, имел шесть коров, пару лошадей и трех работников. Я попросил Мишу Круглова следить за односельчанином Петра, которого братья характеризовали как нытика и разложенца.

Предосторожность оказалась не лишней. В первую же ночь этот тип пытался бежать.

Мы судили его. Почти все проголосовали за расстрел.

Без еды силы наши быстро таяли. Группа бойцов во главе с Петро собирала кукурузу и подсолнечные семечки. Появился и бочонок с водой, его тащили на самодельных санках по земле. Чаще стал накрапывать дождь.

Братья Кругловы подобрали ротный миномет с минами. Пулемет мы отбили у немцев еще на хуторе. Так что постепенно батальон вооружился прилично. Я и политрук Мельников готовили людей к тому, что нам доведется прорываться через боевые порядки немцев.

Но в бой пришлось вступить раньше…

Это случилось на девятую ночь нашего движения. Слева и справа полыхали пожары — это горели Новочеркасск и Ростов. Уже был слышен отдаленный гул боя. Близость фронта приободрила нас и в то же время вселила тревогу: удастся ли нам пробиться?

На железнодорожной ветке Новочеркасск — Ростов немцы восстанавливали насыпь. Бригада работала ночью, освещая место ремонта автомобильными фарами. Офицер, с часами в руках, как тренер, подгонял солдат-железнодорожников.

Павел Круглов догадался, что задание у них срочное, значит, важное. Калинкин подсчитал гитлеровцев. Их было двадцать. Решили напасть на них. В темноте подкрались очень близко.

Ударили дружно и метко. Но одного не учли: на исправной линии стояла электродрезина, в которой находился моторист. Он мигом включил двигатель и удрал в Ростов.

Мы решили обмануть карателей: остаток ночи шли не от полотна дороги, а вдоль него к Ростову.

Вскоре мимо нас промчались открытые платформы с танками и солдатами. Наш маневр удался. Он всех окрылил.

На встретившемся полустанке напали на такелажников, грузивших в вагоны краденый украинский хлеб. Часовых сняли, остальных не тронули — рабочие оказались чехами, не пожелавшими воевать на стороне немцев. Мешки с зерном облили керосином и подожгли. На эту операцию потратили остаток ночи. Покинули полустанок уже на рассвете. Немцы, конечно, скоро обнаружили нас и стали преследовать. Численного преимущества они не имели, зато у них было два танка. Выручили окопы и две бутылки с горючей смесью, которые подобрал при отходе Курдюков. Они-то и решили исход нашей схватки с фашистами. Один танк поджег Андрей Курдюков, а другой — Павел Круглов. Автоматчики залегли. Мы не дали им окопаться — атаковали и обратили в бегство.

В этом бою ранило Мишу Круглова. Он сам перевязал себе рану на левой руке и продолжал вести огонь из миномета. Раненый младший лейтенант, отложив костыли, стрелял из карабина. Он оказался снайпером. Его первая пуля сразу же оставила карателей без обер-лейтенанта.

После схватки мы ушли в лесок. Там похоронили восемь своих товарищей и поклялись отомстить за них.

Стычка с противником как-то сблизила бойцов, вселила еще большую уверенность в своих силах, убедила, что врага можно бить и находясь в окружении.

И вообще, пребывание в неприятельском тылу многому научило нас. Особенно маскировке. Был случай, когда мы лежали в нескошенной траве, а в тридцати метрах от нас шла колонна танков. И ничего, обошлось. Не заметили.

Линию фронта мы перешли без боя. Через Дон переправлялись под покровом темноты на всех доступных нам средствах: плотах, вязках хвороста, бочках и даже на телеге без колес.

На левом берегу нас ждали.

Глава четвертая
ПЕРЕЛОМ

1

он — моя родина. В реке мы смыли грязь. Перед своими предстали в рванье, голодные, исхудавшие, заросшие, но в форме, с оружием и бодрые духом. Подразделение, державшее здесь оборону, приняло нас как своих однополчан. Все были накормлены, пострижены, побриты. Нам рассказали о положении на фронтах.

Потом пришли представители особого отдела и начали всех проверять.

Братья Кругловы, Калинкин, Курдюков и другие товарищи все время были возле меня. Их не смущала предстоящая процедура. Они были уверены, что все обойдется хорошо.

Я дал о каждом из них самый благожелательный отзыв, и ребят действительно не долго расспрашивали.

Наконец пришел мой черед. Уполномоченный особого отдела заправил белесые волосы под новенькую фуражку, вооружился трофейной ручкой с белой звездой на головке и, словно до сей минуты не встречался со мной, будто не я помогал ему разобраться в людях, которые вышли из окружения, сухо обратился ко мне:

— Фамилия… имя… отчество?..

Я показал партийный билет. Он внимательно рассмотрел его, даже прощупал.

— Не пытался зарыть? — перешел он на «ты».

— Как видишь! — ответил я тем же.

Особист это почувствовал и уже мягче спросил:

— А удостоверение личности сохранили?

— Пожалуйста.

Перелистывая документ, он уточнял:

— А кто командовал 164-й стрелковой дивизией?

Возвращая мне удостоверение, он начал спрашивать о родственниках. Подробно осведомившись о сестрах, старший лейтенант задал вопрос:

— А старший брат на каком сейчас фронте?

Официально наша семья не получила извещения о гибели Ивана в тюрьме. Нам устно сообщили: «Умер». И я повторил этот ответ. Показал книжку брата. Надо полагать, портрет, ордена и то, что его нет в живых, — все это возымело действие. Старший лейтенант перестал спрашивать об Иване Андреевиче. Он переключил свое внимание на события, происшедшие в окружении.

В это время в палатку вошел подполковник среднего роста со светлыми глазами.

Он выразительно посмотрел на старшего лейтенанта, затем закурил и всем своим видом показал помощнику, что не стоит больше донимать меня вопросами.

На этом и закончилась наша беседа с представителями особого отдела.

2

На Южном фронте из окружения выходили десятки тысяч красноармейцев и командиров. Сюда даже прибыл начальник отдела кадров только что созданного Сталинградского фронта. Он отбирал офицеров.

Мы с Калинкиным обратились к нему с просьбой взять нас вместе. Подполковник с седыми висками понимающе окинул нас добродушным взглядом и спросил:

— Вы что, вместе из окружения выбирались?

— Да. И до этого вместе служили, — пояснил Калинкин и поинтересовался: — Скажите, а рядовых будете отбирать?

Не дожидаясь ответа, подал кадровику список красноармейцев:

— Ребята — орлы! Проверенные. Смекалистые. И стрелки отличные.

— Ну что ж, товарищи командиры, боевая дружба — вещь святая. Вы все будете на одном фронте, но в каких частях… — он развел руками, — сие от меня не зависит. Я здесь еще задержусь, а вы — завтра в путь.

Командиров отправили в первую очередь. По этому поводу

Калинкин организовал прощание. На густо поросшем ивняком берегу притока Дона разостлали плащ- накидку. На нее поставили котелок с водой, флягу с «горючим» и семь крышек от котелков, доверху наполненных гречневой кашей. Вокруг разместились братья Кругловы, Курдюков, Петро, Мельников, Калинкин и я. Вместо тостов мы поочередно вспоминали какой-нибудь боевой эпизод.

Первым начал рассказывать Калинкин. Он посмотрел на заходящее солнце и, заложив под себя ноги, уверенно повел повествование. От волнения у него щеки пылали примерно так же, как закат.

— Это было в районе Первомайска, — начал он. — Я первый раз видел, как наш бронебойщик пробил борт немецкому тапку. Машина вспыхнула, из нее выскочили три танкиста и подняли руки. Я повел их в штаб. Они были уверены, что я не понимаю по-немецки, и завели откровенный разговор. Командир танка, с усиками под Гитлера, предложил своим: «Давайте прикончим этого идиота и сбежим». Водитель с черными маслеными руками сразу согласился. «Это реально, — сказал он. — У Ивана пистолет в кобуре, и кругом кусты». Третий, пушкарь, заметил: «Молоденький, жалко его». Тогда командир огрызнулся: «Нашу машину поджег тоже молоденький. Нечего сентиментальничать. Я попрошу прикурить. Вы с боков хватайте за руки. А я задушу». Командир экипажа достал сигареты, повернулся ко мне и стал знаками показывать, что просит огня. Все гитлеровцы остановились. Я ответил: «Хорошо, сейчас дам прикурить!» — вынул из кобуры ТТ и по-немецки произнес: «Советские воины пленных не расстреливают, но, поскольку вы решили меня задушить, я вынужден принять меры к защите…» Офицер грохнулся на колени и стал умолять помиловать его. Покорно склонил голову и водитель. А танкист-артиллерист мужественно заявил, что все они, и он тоже, заслужили немедленного расстрела. Но у него единственная просьба — в первую очередь прикончить обер-лейтенанта. «Он шулер! Он всех нас обыграл в карты. У него куртка с тайником. Он толст от марок». Офицер ладонями забил по груди: «Все отдам. И золото. Я не обманщик, мне просто везет. Миллер — честный рабочий, — указал на водителя, — он подтвердит. Я порядочный…» — «Не совсем так, господин обер-лейтенант. Ко мне пришла в казарму жена. Ты хотел купить ее на одну ночь. Предлагал двести марок и колоду порнографических карт. И еще сказал, если я уступлю на время жену, то ты начнешь продвигать меня по службе…» В общем, начали они ругаться. Я прервал их командой: «Руки назад! Кругом, шагом марш!» Когда обер-лейтенанта допрашивали, он

вилял, хитрил, прикидывался незнающим. Но в конце концов дал нужные сведения. Его марки мы передали в отдел разведки, а карты сожгли…

Рассказчик посмотрел на нас с улыбкой:

— Знаю, вы ждете продолжения о команде обер- лейтенанта. Буду краток. Наводчик, пожалевший меня, сын гамбургского рабочего. А Миллер водил машину сыночка всесильного Круппа, но за одну оплошность остался без зубов и был отправлен в действующую армию.

Курдюков был немногословен. Он больше жестикулировал, ограничивался восклицаниями. А ему было что вспомнить: подстерег ночной десант на границе, захватил «языка», подорвал немецкий танк. Но коновод рассказал о Жулике.

Свою лошадь Курдюков оставил в разведбате. В полку он завел тачанку, но каждый день вздыхал по прежнему коню. И вот произошла неожиданная встреча.

— Вот как-то влез я на дерево взглянуть оттуда на Днепр. Вдруг рядом как ахнет — меня так и сдуло. Лежу без памяти… час, может, два. Потом чую, кто-то обнюхивает, толкает в плечо. Открываю глаза… передо мной Жулик. Тычется мордой, лижет…

Курдюков окинул нас влажными глазами:

— Не верите? Спросите нового хозяина Жулика. Прошкин в тот момент на опушке леса стоял и все видел.

Лихой кавалерист вдруг размяк и, не находя нужных слов, только шевелил губами.

После Курдюкова говорить начал политрук Мельников. Он оказался моим земляком. Жил по соседству с Михаилом Шолоховым. В его полевой сумке лежали самые любимые отрывки из романа «Тихий Дон». Вечерами у костра Мельников часто читал бойцам эти сценки. И нужно сказать, читал здорово. Даже в окружении, когда днем мы отсиживались в подсолнечнике, вокруг политрука собиралось много бойцов.

Тонкий, с белым лицом и черными мягкими волосами, политрук в тот прощальный вечер всех нас очаровал. Он рассказывал нам не о себе, а о чудесных людях, родившихся на берегах тихого Дона.

Павел Круглов вспомнил о раненом, с которым он лежал в санбате. Хирург предложил бойцу: «Пока не поздно — обе руки под ножик». Тот взмолился: «Доктор! А как же я париться буду!»

Все в палате засмеялись. Только Иванов тогда серьезно сказал: «Вот он… русский человек!»

Если бы с нами была стенографистка, она вряд ли сумела бы записать речь Миши Круглова. Автомат! В таком темпе передают репортажи о футбольном состязании. А смысл его истории

заключался в том, что в первой штыковой атаке Михаил заколол фашиста. Немецкий солдат не успел перезарядить автомат. Но если бы фриц успел вставить новый магазин, он скосил бы Михаила.

— А ведь, поди, Ганс не раз смеялся над русским штыком. А тут и ахнуть не успел, — продолжал младший Круглов. — Когда траншеи заняли, я у убитого взял удостоверение и письма. Вот младший лейтенант Калинкин не даст соврать. Берта давала наказ ему привезти из России шерстяной костюм и бриллиантовую брошку. И поздравляла со скорой победой. Я к тому, что у Берты и Гитлера мозги работают на одной волне…

Пришла очередь и мне поделиться своими переживаниями. Я хотел рассказать о встрече с казаками, над которыми издевались гитлеровцы. Факты разительные. Но мне не удалось и слова произнести. В сумеречном небе, слегка пропитанном розоватостью, Калинкин увидел белые зонтики. Они опускались в пашем тылу.

— Парашютисты! — крикнул Калинкин и пружинисто вскочил.

Была объявлена тревога. Мы сели в машины и понеслись к месту приземления десанта. Быстро стемнело. Это было на руку гитлеровцам. Тем более что и высадились они в болотистом районе. Наша группа развернулась в цепь. Во тьме я видел только ближайших. А в камышах ориентировались по звукам: всплескам воды, чавканью грязи, шуршанию стеблей растений. Перекликаться запрещалось.

Слева от меня тяжело шагал Павел Круглов, а справа — Курдюков. У него имелась ракетница. В каждой группе было по сигнальному пистолету. Условились: кто обнаружит немцев — пустит зеленую ракету.

Шли по кочкам. Часто проваливались. Хватаясь за осоку, резали руки. Лист ее как бритва. К счастью, не было комаров.

Полчаса месили грязь, а сигнала все не было. Вдруг впереди меня в темноте послышалось усиленное кваканье. Октябрь стоял хотя и сравнительно теплый, но мне все же показалось странным, что в такое время лягушки раскричались.

Соседи мои тоже остановились, прислушались. Днем все это выглядело бы не так таинственно. А сейчас за каждым кустом, бугорком чудился «головастик» с автоматом.

Справа, метрах в трехстах, взлетела зеленая ракета. Но выстрелов не последовало. По цепи вскоре передали, что кто-то из красноармейцев запутался в стропах и машинально нажал спусковой крючок. Курдюков тоже набрел на парашют. Стало ясно, что десантники отходят. Их нужно окружить.

Командовал нами вышедший из окружения подполковник. Он, видимо, тоже понял, что мы напали на след диверсантов, и передал команду:

— Флангам ускорить движение вперед.

А с каждым шагом топь становилась все опаснее. В темноте не всегда нащупаешь кочку. Кто-то завяз и попросил помощи. Послышались возня, шлепанье.

И вдруг из тьмы стрекотнул вражеский автомат. Справа от меня кто-то застонал. Вспыхнули осветительные ракеты.

Курдюков, не поднимая головы, сказал:

— Политрук ранен.

Калинкии перевязал Мельникова. Рана оказалась смертельной. Пуля задела череп.

Да, мой земляк вышел из окружения без единой царапинки, а тут, на родной земле, налетел… Не читать ему больше «Тихого Дона». И не осуществится мечта — еще разок повидаться с Шолоховым.

Михаил Круглов, имевший опыт санитара, остался возле умирающего политрука, а мы двинулись дальше. Я попал в трясину. Вытащил меня из нее Павел Круглов. Мы остановились.

Когда вспыхнула очередная ракета, Курдюков на винтовке приподнял над осокой шапку. В ту же секунду над нами просвистели пули. Мы притихли, прислушиваясь.

Вдруг совсем рядом раздался чей-то голос:

— Эй, браток, ты чего это задом наперед идешь?

В ответ раздалась очередь… Началась перестрелка. Мы поспешили на помощь. Тот же с хрипотцой баритон злобно выругался:

— Ах, гад, переоделся!..

Мы не дали парашютистам собраться вместе. Они пытались прорваться каждый в отдельности. Все были в красноармейской форме и с нашими автоматами. Но русского языка не знали. И на этом, как выразился Курдюков, засыпались…

Всю ночь и утро мы вылавливали двуногих жаб. Гитлеровцы отстреливались. Только один из них, проживший десять лет в Чехословакии, сдался в плен. Он показал, что их задача была подорвать наш аэродром, нападать на тыловые части, сеять панику.

Из пятидесяти десантников бесследно пропало только четверо. Они либо утонули в топи, либо в темноте улизнули.

Особисты занялись розыском переодетых диверсантов. А мы помылись в бане, переоделись и похоронили десять погибших наших товарищей.

3

Большой блиндаж. В первом отсеке, который совсем не походил на приемную, мы, группа офицеров, ждем беседы с командующим фронтом. Рядом со мной сидит остроглазый, белозубый полковник. Он доказывает своему соседу, подполковнику с заметным брюшком, что в битве с фашистами наступил великий перелом:

— Теперь группировке немцев не вырваться из кольца. Они ждут помощи и верят, что их выручат. Самоуверенность! Недооценка наших сил…

Артиллерийский гул усилился. Споривши на минуту притихли, прислушались. Потом снова возобновили диалог. Подполковник пухлыми руками изобразил круг:

— Я не преуменьшаю значения окружения немцев на Волге. Я лишь о том толкую, что рано еще говорить о переломе. Сейчас Гитлер, спасая свой престиж, бросит все свои резервы на выручку Паулюса. Окружить мало. Надо уничтожить. А тут еще бабушка надвое гадала. Ведь под Старой Руссой-то они вылезли из петли.

— Было, было. Но не забывай, что мы стали сильнее…

Их беседу прервал адъютант генерала. Приоткрыв скрипучую дверь, он пригласил:

— Полковник Сошальский!..

Остроглазый, белозубый сосед в поношенном костюме быстро встал и уверенной походкой направился в кабинет командующего.

После Сошальского туда вошел я.

Генерал окинул меня уставшим взглядом и спросил, за что я получил медаль и орден. Выслушав, хотел было что-то сказать, но в это время внимание его привлекла приписка, сделанная возле моей фамилии. Прочитав ее, он поинтересовался:

— Сколько времени командовали полком?

Я доложил. Генерал задумался.

— Да… Маловато.

Он что-то прикинул и толстым красным карандашом внес в список изменение.

— Вот так надежнее… Временно будете замещать командира девятьсот девяносто первого стрелкового полка.

В машине, которую мне указали, уже сидел полковник Сошальский. Его назначили заместителем командира 258-й стрелковой дивизии.

Алексей Андреевич оказался простым, откровенным человеком, не лишенным чувства юмора. О себе он рассказывал с улыбкой:

— Пословица гласит: язык до Киева доведет. А меня «язык» довел до Сталинграда. Вернее, отсутствие «языка». Представьте, мои разведчики не смогли схватить живьем ни одного немца. Это было под Старой Руссой. И вот меня, начальника разведки армии, к ответу: «Где язык?» Пришлось расписаться в своей беспомощности и северо-запад променять на юг…

Он засмеялся и рукой обозначил животик:

— Этот самый подполковник тоже попал в резерв, но его подвел не «язык», а чрево: один чемодан набил сухофруктами, а второй салом и спиртом. Вот начальство и отправило его… поразмыслить.

Об успехах Сталинградского фронта Алексей Андреевич говорил с гордостью. Он твердо верил, что из окружения войска Паулюса не вырвутся.

Я был рад, что мне предстояло служить в дивизии, в которой заместитель комдива сочетал в себе юношескую восторженность с юмором пожилого мудрого человека.

Когда, прибыв во второй эшелон соединения, я проходил мимо артиллерийского парка, меня окликнул военный, весь обвешанный орудийными затворами:

— Товарищ майор! Александр Андреевич!

Голос знакомый, а прокопченное лицо с лохматыми бровями не признать. Но вот кричавший подбежал ко мне и с укором спросил:

— Что ж вы, товарищ майор, своих не признаете?

— Иванов!

Я чуть было не назвал его Палтус. Обнялись. Пошли взаимные расспросы. Его интересовала судьба однополчан.

Я коротко рассказал, как мы выходили из окружения, что Курдюков и братья Кругловы находятся здесь же, на Сталинградском фронте…

— Точно знаю лишь о Калинкине. Он в десантной дивизии…

Я написал полевой адрес своего адъютанта, передал Иванову:

— Ну а ты куда после санбата попал?

— Я-то? — Он указал в сторону артпарка. — Да прямо сюда. Орудийное дело мне по душе. Кстати, какая судьбина постигла моего безотказного «максима»?

Я не скрыл печальную историю с тачанкой.

— Курдюков до последней минуты берег пулемет. Но в окружении многие и головы не сберегли…

Иванов проводил меня до техсклада и, прощаясь, высказал свою думку:

— Нынче Октябрь встретим не иначе как победой. — И вдруг немножко приподнятый тон его сменился на просительный: —

Товарищ майор, возьмите к себе в полк. На передовую отпустят. Это не в тыл куда-нибудь…

Я обещал Иванову помочь с переводом. Записал его адрес. В полк ехал с мыслью: «Как-то встретят на новом месте?»

4

991-й стрелковый полк располагался севернее Большой Мартыновки. Им командовал подполковник Пономарев. Он принял меня в своей землянке. В ней было тепло. Беседа наша протекала за чаем.

Пономарев рассказывал о части не без гордости. Она прошла от Москвы до Гжатска с боями. Особенно отличилась под Ельней…

— Но для меня лично, — признался Пономарев, — самое памятное — защита Москвы. Тогда мы входили в состав сорок третьей отдельной бригады. Ею командовал Герой Советского Союза полковник Некрасов. Бригада не только сдержала напор немцев на своем участке, но и сохранила силы для наступления. Победа под столицей вдохнула веру в наши силы.

Испытующий взгляд Пономарева остановился на мне. Его интересовало мое настроение. Потом разговор перешел на самую злободневную и волнующую тему — об окружении войск Паулюса.

— У противника есть еще надежда, — подполковник чайной ложкой ткнул в карту. — Вот здесь… в районе хутора Рычковского немцы упорно удерживают небольшой плацдарм. У них тут переправа. Думаю, что попытаются выручить Паулюса.

В тот час ни подполковник Пономарев, ни я, конечно, не знали, что именно наше соединение и будет участвовать в ликвидации вражеского плацдарма у Рычковского.

Люди 991-го полка мне понравились. Подполковник Пономарев помог мне перевести Иванова в нашу часть.

XXV годовщину Великого Октября мы встретили не без тревоги. Дело в том, что 258-я дивизия, находясь в составе 5-й танковой армии, не раз пыталась опрокинуть противника, захватить переправу на реке Дон, но безуспешно. Не имела успеха и вся 5-я танковая армия на этом направлении.

Ясно было, что немецкое командование не случайно зацепилось за рычковский плацдарм и на берегах Дона значительно усилило группу Холлидта.

На митинге, посвященном Октябрьской годовщине, многие ораторы прямо говорили о нашей ближайшей задаче — очистить

левый берег Чира от противника. Настроение у всех было боевое, рвались наступать.

Вражеский плацдарм оказался железным орешком. Раскусить его надо было как можно быстрее, пока враг не подтянул свежие резервы.

И вот Ставка принимает решение — для ликвидации плацдарма создать 5-ю ударную армию и в самые короткие сроки бросить ее в бой, чтобы опередить врага.

Наша дивизия вошла в состав этой армии. Мы начали готовиться к операции, от которой зависело многое.

Занимались в мороз, вьюгу, когда еще не было средств связи, тылов, штаба. Возглавил 5-ю ударную армию опытный военачальник генерал М. М. Попов. Он взялся за дело энергично. Его решительная рука чувствовалась на каждом шагу. Связь он наладил через соседние армии, они же пока снабжали нас провиантом и боеприпасами.

В заботах время не шло, а летело. Наконец у комдива состоялось совещание. 258-й стрелковой дивизией командовал полковник И. Фурсин. Он порадовал нас. Широкой ладонью отогнав дым от собственной папиросы и выдержав паузу, Фурсин сказал:

— Я только что от командарма… Гитлер решил во что бы то ни стало вызволить Паулюса. Группа Холлидта, по данным нашей разведки, пополнилась танками, самолетами, артиллерией и резервными частями…

В Пятую ударную армию включены пять стрелковых дивизий, третий гвардейский кавалерийский корпус и свежий седьмой танковый корпус генерал-майора П. А. Ротмистрова… Задача армии — опрокинуть врага, мощным клином врезаться в центр его плацдарма.

Мы с командиром полка переглянулись: нарушалась обычная, казалось, хорошо проверенная тактика охвата противника с флангов. Но все зависит от места, времени и условий. Было приятно, что необычное решение вытекало из реальной обстановки на рычковском «пятачке».

— Завтра утром, — продолжал комдив, — наступление. Ваша задача — незаметно вывести батальоны на исходные…

В ночь на 13 декабря, проверяя боеготовность подразделений, я встретился с Ивановым. Он снова возглавил пулеметный расчет. В нем кроме Иванова были коммунист Лебедь и еще не известный мне красноармеец Березников. Я познакомился с ним в землянке, прокопченной махоркой, с маленьким оконцем. Пулеметчики ели рыбные консервы. Видимо, до моего прихода Иванов рассказывал о своем Мурманске и о любимой рыбе палтус. Лебедь обратился

ко мне с вопросом:

— Товарищ майор, вам не приходилось, случаем, пробовать северную рыбку палтус?

Иванов смутился, очевидно полагая, что сейчас новым товарищам станет известно его прозвище. Но я не выдал его маленькой тайны.

Через два часа 1-й батальон, в который входил пулеметный расчет Иванова, должен был быть в районе хутора Рычковский. Я поинтересовался:

— Сколько у вас лент?

Лебедь и Березников замялись. Как потом выяснилось, Иванов натаскал их со склада столько, что бойцы не знали: говорить правду или нет.

Ответил сам Иванов:

— Товарищ майор, вы уж меня знаете — я без курева, а «максим» без патронов не останемся. Есть чем фрицев угостить.

Он откинул фуфайку, под которой стояло девять коробок с лентами. Я знал, что Иванов напрасно не выпустит ни одной пули. Поэтому ничего не сказал, а только спросил:

— После ранения успел проверить глаз?

— Успел. И не раз. Вот свидетели…

Да, Иванов зря время не терял. Он не только сам тренировался в стрельбе, но и кое-чему уже научил своих помощников.

— Вот погодка завтра будет нелетная, — вздохнул Иванов. — На соколов наших рассчитывать не приходится…

Северный рыбак и охотник отлично чувствовал погоду. Он предсказывал на завтра крепкий мороз. Иванов легко переносил холод. Его беспокоили помощники. Уралец Березников, правда, тоже не боялся стужи. А вот Лебедь все жмется к печурке. Он вырос на юге Украины, как бы не окоченел завтра.

Иванов лично подобрал для расчета полушубки, валенки, варежки и ушанки. Он говорил бойцам:

— Мороз страшен не в бою, а перед боем. Тут двойная дрожь получается: и нутро холодит и снаружи стынь прошибает. Так что потеплее надо одеться для начала. А там и сбросить можно…

Я заметил, что бойцы обычно при старшем командире как-то замыкаются, редко говорят по душам. Иванов был не таким. Глядя на него, и Лебедь с Березниковым раскрылись. Последний оказался большим любителем старины. С детских лет собирал древние монеты, черепки, книги и рукописи. В староверской семье он нашел рукописную тетрадь песен. Редкая память помогла коллекционеру тут же рассказать балладу про солдата с метким глазом.

А Лебедь с ранних лет пристрастился к садам и огородам. Он выращивал мичуринские сорта яблок, груш. Арбузы у него удавались, как он утверждал, с пивной бочонок. За дыню получил районную премию…

Страсть к растениям сочеталась со страстью к футболу. Лебедь мечтал о том, как после войны поедет в Киев и там на стадионе угостит победителей кавунами, похожими на кожаные мячи…

За дверью землянки свистела вьюга, а мне чудилось, что это свистели зрители стадиона. Никто из нас не говорил о предстоящем бое.

5

Наступление на рычковский плацдарм началось на рассвете. 258-я дивизия шла за двумя танковыми бригадами. Наш полк в случае удачи танкистов должен был сразу же захватить переправу через Дон.

Еще перед атакой подполковник Пономарев послал меня в 1-й батальон. Я наблюдал за противником не без опасения: а вдруг он знает о наших намерениях? Но внешне все было спокойно. Немцы изредка выпускали в нашу сторону дежурные снаряды и осветительные ракеты. Кое-где веерами рассыпались трассирующие пули.

Но вот посветлел восточный край неба. В ста метрах можно уже различить траншеи, воронки. Злой предутренний мороз проникал через полушубок, валенки и ушанку. Хотелось потоптаться на месте, похлопать руками, но я не решался нарушить тишину. Минуты ожидания тянулись утомительно долго.

Наконец в глубине нашей обороны загудели моторы и танки двинулись с места. Неприятель всполошился. В небо взметнулись ракеты, освещая дрожащим бледным светом местность. Заговорили противотанковые пушки. Но залпы танковых орудий заглушили их. Удар на этом участке был для гитлеровцев неожиданным. Соединения генерала П. А. Ротмистрова быстро прорвали вражескую оборону. На долю 258-й и 4-й гвардейской дивизий осталось неотступно следовать за тапками, развивать их успех, подавлять отдельные очаги сопротивления.

В центре плацдарма дольше других огрызалось бетонированное пулеметное гнездо. Расчет Иванова установил напротив него свой «максим», и снайпер-пулеметчик подавил огневую точку.

Войска захватили большие трофеи: склады с провизией, воинским имуществом и боеприпасами. Но рассматривать добычу не было времени. На флангах, где наши части наступали без танков, враг оказал серьезное сопротивление.

Одна танковая бригада пошла на помощь кавкорпусу И. А. Плиева, а наша дивизия устремилась к берегам Дона. 991-й стрелковый полк одним из первых вышел на левый берег реки. 15 декабря плацдарм был очищен полностью.

Командарм М. М. Попов вынес благодарность всем участникам боев.

5-я ударная армия оправдала свое название. Операция по захвату рычковского плацдарма вышла из тактических рамок. Мост к спасению группировки Паулюса был окончательно разрушен. Это ускорило продвижение войск Сталинградского фронта и на котельниковском направлении. Судьба многотысячной армии Паулюса была решена.

Сталинградская победа показала всему миру, что в войне наступил коренной перелом. Теперь инициатива переходила к Красной Армии.

Глава пятая
НА ЗЕМЛЕ ШАХТЕРСКОЙ

1

Победа на Волге открыла новую страницу в ходе войны. Началось освобождение от немецко-фашистских захватчиков всего юга страны. Наш 991-й полк продвигался по правому берегу Дона. Вот уже снова у нас хутора Александров, Зазерский, Вифлянцев… Всюду нас встречали с великой радостью. Казачата залезали на заборы, деревья, приветливо махали рукавицами и шапками. Женщины и девушки, нарядившиеся в пестрые платки, выносили из домов молоко, моченые груши и радушно угощали бойцов-освободителей. Старики, в форменных фуражках и штанах с красными лампасами, пропахшими нафталином, протягивали нам кисеты с ядреным самосадом. На всем пути подразделений — веселые улыбки, слезы радости, песни, задорная гармонь.

Моя родная станица Николаевская осталась в стороне. Но здесь и незнакомые берега Дона, и балка, наполненная утренним туманом, и одинокие деревца с черными сучьями, и покосившиеся дома с потемневшей соломенной крышей — все было близким, родным, все напоминало о далеком детстве. В этих местах я родился и рос, ходил в школу. В такую пору мы, мальчишки, бегали к Дону, ждали ледохода и готовились к весенней рыбалке. Леска из конского волоса, кованый крючок и бутылочная пробка — вот что тогда нас занимало.

Короткая остановка в одной из станиц. Возле база вечером собрались старики. Отыскался однополчанин моего отца дед Аникий, с кустистой седой бородой. Он помнит, как рубил германцев в 1914 году, как потом красным казаком бился за

счастье народа. Сколько раз враги пытались сманить казаков на свою сторону! И теперь фашисты заигрывали с ними: освободили от налогов, вернули атаманов, сотников из бывших кулаков. Даже какой-то генерал казачий прибыл из Берлина. Да только основная масса станичников осталась верной своей родной Советской власти.

Со мной казаки говорили откровенно: для них я был свой. Они спрашивали меня обо всем, что их волновало.

После беседы дед Аникий предложил мне своего коня:

— Слетай-ка, сокол, к своим, взгляни на родную станицу.

Отгадал старик мою думку, но от станицы Чертковской до Николаевской — 60 километров. А 991-й полк уже форсирует Северный Донец. Армейская разведка донесла, что немецко-фашистское командование собирается эвакуировать промышленность всего Донецкого бассейна, а что нельзя вывезти — разрушить.

Мы наступали на плечах противника. Утром 12 февраля 1943 года наша дивизия уже подходила к городу Шахты. Окруженный терриконами, он позволял фашистам организовать прочную оборону. 991-й полк получил задачу во взаимодействии с другими частями дивизии не дать немцам укрепиться в каменных домах, решительным штурмом выбить их из Шахт.

Мы наступали со стороны железнодорожной ветки. По лощине, тянувшейся за нею, можно было скрытно подойти к юго-восточной окраине. Но вражеский пулемет бил по рельсам и не позволял нашим бойцам преодолеть полотно.

Тогда разведчики сержант Василий Гостев и рядовой Пономарев раздобыли где-то мотоцикл, под прикрытием насыпи быстро объехали лощину и с тыла уничтожили пулеметный расчет гитлеровцев. Затем они подавили еще одну огневую точку и тем самым расчистили путь стрелковым подразделениям.

Однако вскоре неприятель снова прижал нас к земле, на этот раз минометным огнем. На выручку нам пришли артиллеристы старшего лейтенанта П. С. Овтина. Выкатив орудия на прямую наводку, они смешали с землей огневые позиции минометчиков. Воспользовавшись этим, 1-й батальон под командованием капитана Майкова ворвался в город. Завязались уличные бои. В ход пошли гранаты. В одном из сараев немцы устроили засаду. Командир взвода лейтенант Осипов обратил внимание, что оттуда с визгом выскочила собачонка. Он скомандовал окружить строение. В небольшое оконце лейтенант Осипов и рядовой Иглин бросили несколько гранат. Внутри сарая раздались взрывы. Дверь постройки распахнулась, и уцелевшие фашисты кинулись кто куда. Их встретили огнем бойцы Суворов, Фузиев и Березин. В

этой схватке семь вражеских солдат было убито, а шестнадцать сдались в плен.

Бой разгорался. В разных кварталах землю сотрясали мощные взрывы. Это уничтожались промышленные объекты. Надо было спешить.

Невзирая на отчаянное сопротивление противника, бойцы упорно продвигались вперед. Действовали в основном мелкими группами. Смельчаки подбегали к окнам домов, приспособленных к обороне, и забрасывали их гранатами. Неприятель не смог сдержать нашего напора. К часу дня 1-й батальон прорвался к станции. Здесь схватка длилась недолго. Понеся большие потери, немцы оставили позиции.

Тяжело пришлось нашим подразделениям в районе мельницы. Засевшие за каменными стенами оккупанты прицельным огнем наносили ощутимый урон наступавшим стрелкам. Они заставили взвод лейтенанта Осипова залечь, а затем перешли в контратаку. Создалось критическое положение.

На выручку Осипову поспешили два взвода роты старшего лейтенанта Ларина. Впереди появился красный флаг. Но вскоре боец, несший его, упал. Комсорг полка Мартынов подхватил полотнище и с пистолетом в руке устремился к мельнице. Бойцы побежали за ним. Через несколько минут они ворвались во двор предприятия. П. И. Мартынов с группой красноармейцев водрузил флаг на крыше здания.

К вечеру весь город был очищен от противника. Административные и промышленные постройки были заминированы. Но подорванными оказались не все. Многие сооружения успели спасти наши саперы.

На моих глазах они предотвратили взрыв школы. Бикфордов шнур уже горел, когда заместитель командира саперного батальона Маслов, рискуя жизнью, бросился к нему. Ординарец предупредил офицера:

— Товарищ майор, осторожнее. Может быть второй шнур.

На минуту Маслов остановился. Он знал о подобных хитростях врага. Но времени на разгадки секретов не было. Не дожидаясь, пока ординарец осмотрит здание с другого конца, Маслов кинулся в полуподвал. Огонек уже подбирался к зажигательной трубке, сапер успел ликвидировать опасность в самый последний момент.

Маслов, ординарец и я вошли в вестибюль школы. Дверь, ведущая в коридор первого этажа, была забита. Как только мы сорвали доски, к нам потянулись раненые, лежавшие на голом полу. Они были во всех классах. Гитлеровцы хотели похоронить их здесь, взорвав строение.

За освобождение города Шахты многие воины нашего полка были отмечены наградами. В частности, орденов удостоились старшие лейтенанты Овтин, Мартынов, Ларин, капитан Алехин,

2

К середине апреля наша дивизия вышла к реке Миус. Перед нами темнели обрывистые берега, которые немецкое командование длительное время готовило для упорной обороны.

Гитлер возлагал на миусский рубеж большие надежды. И действительно, противотанковые рвы, мины, проволока, сложная система траншей, огневых точек — все это представляло собой серьезное препятствие. Оборону здесь держали недобитые части и соединения группы Холлидта, состоящей из трех пехотных и двух танковых дивизий. Их поддерживали остатки 1-й танковой армии, разбитой под Ростовом.

5-й ударной армии не удалось с ходу закрепиться на западном берегу реки Миус — сказались предшествующие длительные бои, большие потери, плохая обеспеченность горючим и боеприпасами.

К прорыву миусской оборонительной линии надо было подготовиться как следует.

Наступило относительное затишье. Войска вели разведку боем, наблюдение за противником, совершенствовали укрепления, подвозили боеприпасы.

Проводилась и боевая подготовка. Подразделения нашего полка занимались в пяти километрах от переднего края. В условиях максимально приближенных к боевым они учились ходить в атаку, уничтожать танки, сражаться в траншеях и окопах, стрелять по наземным и воздушным целям.

Лучшие командиры подразделений Овтин, Ларин, Смоляков обучали поступившее в часть пополнение.

Мне тоже приходилось в это время работать с двойной нагрузкой, так как командир полка заболел.

Вскоре у нас произошло радостное событие. Части вручили гвардейское Знамя. Торжество состоялось в балке Кирико. Это в полутора километрах от передовой. Сюда прибыли представители от всех подразделений. Все были выбриты, начищены, подтянуты.

На праздник к нам приехали новый командующий 5-й ударной армией генерал-лейтенант В. Д. Цветаев, член Военного совета полковник Булатов, командир дивизии полковник С. С. Левин и начальник политотдела подполковник Д. Чепуров.

Перед строем член Военного совета армии зачитал приказ о

преобразовании 258-й стрелковой дивизии в 96-ю гвардейскую стрелковую дивизию и о присвоении гвардейского звания нашему полку.

Поздравляя личный состав части, полковник Булатов сказал:

— Советская гвардия — лучшая часть наших Вооруженных Сил, ее цвет. Гвардеец — образец того, каким должен быть каждый воин. Его отличают беззаветная храбрость, стойкость, безграничная преданность делу партии и Родине. Воля гвардейца к победе неиссякаема. Гвардия всегда идет в первых рядах.

В заключение Булатов от имени Военного совета фронта выразил уверенность, что гвардейцы и впредь будут совершенствовать свое боевое мастерство и оправдают высокое звание.

Командующий армией вручил мне гвардейское Знамя. Я встал на колено и поцеловал полотнище.

Мы дали клятву до последнего дыхания быть верными Родине, своему народу, Коммунистической партии и, пока наши руки держат оружие, бить врага без пощады…

Теперь к прорыву Миусского рубежа мы стали готовиться еще с большим подъемом.

Очень скоро командованию дивизии потребовались новые пленные. Особенно ощущалась нужда в штабном офицере. Однако все старания наших разведчиков в последние дни не приносили желаемых результатов. Противник настолько был бдительным, что они никак не могли захватить «живую справку».

В конце мая полковник С. С. Левин вызвал меня к себе и сказал:

— Начальник штаба фронта генерал Бирюзов ждет «языка». И ждет с вашего участка.

Среднего роста, подвижной, рыжеватый командир дивизии поднялся из-за стола и дал понять, что разговор закончен…

Вернувшись в свой блиндаж, я вызвал помощника начальника штаба по разведке старшего лейтенанта Н. М. Виноградова. Внешне Николай Михайлович никак не походил на решительного и расторопного человека. Щуплый, медлительный, он больше напоминал счетовода. Но вид его был обманчив: за ничем не приметной внешностью скрывался смелый, хладнокровный, находчивый охотник за «языками».

Выслушав меня, он предложил переправить поисковую группу на участке 2-го батальона, которым командовал толковый офицер Александр Иванович Смоляков. У меня мелькнула мысль: «А что, если поручить комбату организовать поиск?»

Смоляков родился в селе Александровна, под Челябинском. Суровая природа с детства приучила Сашу легко переносить

стужу, сырость, трудные походы. Он уже имел большой боевой опыт. Отходил по дорогам Украины, бился на Волге. Был ранен. В общем, обстрелян основательно. А главное, любые задания Смоляков выполнял с огоньком, творчески. В подразделении его любили.

Когда в одном из боев немцы стали окружать командный пункт Смолякова, связист Сергей Живаев прикрыл его огнем из пулемета. Комсомолец стрелял, пока не кончились патроны. Потом пустил в ход гранаты. Живаев уничтожил более тридцати гитлеровцев, спас командира. Но сам погиб.

Я был уверен, что Смоляков справится с задачей.

За выполнение ее майор Смоляков взялся, как всегда, энергично. В этот же день, прихватив с собой старшину Кораблева, он отправился в 4-ю роту, находившуюся на левом фланге батальона. Отсюда за слегка холмистой равниной в бинокль различались очертания вражеской обороны, а за ней — полуразрушенные хаты Дмитриевки. Где ручей пересекал передний край, сплошная линия траншей прерывалась. Видимо, там был заболоченный участок. Туда-то и решено было направить группу. Темная ночь и характер местности позволяли бойцам незаметно проникнуть в расположение противника.

Смоляков и Кораблев долго изучали обстановку, прикидывали маршруты. Внимание старшины привлек почерневший от дождей и ветра большой стог соломы. Он предложил назначить возле него место сбора. Но комбат заметил:

— Если вас обнаружат возле стога — подожгут как факел!

Командиру 4-й роты Смоляков приказал:

— Пропустишь ребят в девять вечера. Без нужды ни одного выстрела. Отвлекать будут на правом фланге. Отход прикроешь по сигналу Кораблева. Смотри не перестреляй в темноте. Выставь наблюдателей понадежнее…

Для прикрытия разведчиков я приказал выделить артдивизион капитана С. Лаушкина и пулеметный расчет Н. Иванова. Николай хорошо ориентировался в темноте. Смоляков заинтересовался, откуда мне известна такая деталь. Я рассказал о пулеметчике-снайпере.

Комбат посмотрел на часы и заторопился. Надо было дать время Кораблеву подобрать людей в группу, подготовить снаряжение. Мы договорились о времени проводов и расстались.

Ровно в восемь вечера я зашел в комбатовскую землянку. В ней восемь разведчиков получали последний инструктаж. Смоляков хотел по всей форме доложить, но я жестом остановил его, сказав:

— Продолжайте…

Взглядом я обвел лица бойцов. Все хорошо знакомы. Я частенько заглядывал в это подразделение, беседовал с ребятами.

Сейчас среди них не было младшего сержанта Харина, рядовых Ильченко и Макарова. Они не вернулись из последнего поиска.

Разведчики чаще других подвергались опасности, и я всегда старался больше уделять им внимания. Мне отрадно было наблюдать, как Смоляков по-отцовски с ними беседует. Он вникал во все мелочи. Ввиду того что группа направлялась недалеко и к утру должна вернуться, красноармейцы шли в тыл врага налегке. С собой они брали лишь небольшой запас продуктов и боеприпасов. Одеты все были в желто-зеленые маскировочные халаты.

Александр Иванович Смоляков проверил, насколько быстро каждый из них может снять автомат, вытащить финку или гранату. Затем спросил старшину:

— Документы все сдали?

— Все, — ответил Кораблев.

— Ну что ж, хлопцы, — обратился я к уходящим. — Вы народ обстрелянный. Не первый раз идете в тыл к немцам. Вот Губанов только впервые. Но с вами не пропадет. Так или не так?

Стоявший возле двери невысокий молодой боец принял стойку «смирно» и нежданно густым баском оглушил меня:

— Не пропаду, товарищ майор!

Все заулыбались.

— Задачу повторять не стану, — продолжал я. — Главное — к утру вернуться с «языком».

Группу, как всегда, повел старшина Сергей Кораблев. Без четверти девять вечера разведчики покинули траншею и скрылись в темноте.

В это время на правом фланге батальона открыла огонь артиллерия. Она отвлекала внимание неприятеля. Через некоторое время Смоляков доложил, что все идет пока по плану.

Однако мне почему-то не спалось. Я позвонил начальнику штаба Ивану Алексеевичу Алехину. Он работал. С ним сидел Виноградов. Оба тоже переживали.

А разведчики тем временем, как потом рассказывали они сами, осторожно продвигались вперед. Непроглядная темень заставила их идти вплотную друг за другом. Первым шел Кораблев, за ним — Кобзев. Замыкал цепочку Гришко.

Вначале, когда заговорили наши орудия, а немцы «повесили» над нейтральной полосой несколько ракет, бойцам пришлось залечь. Затем стрельба прекратилась, но растревоженный противник еще дважды заставлял ребят прижиматься к земле.

Свет ракет помог Кораблеву сориентироваться. Вскоре группа достигла стога соломы. Кораблев решил выждать, пока немцы окончательно успокоятся. Он приказал Гаину и Кобзеву наблюдать, остальным проверить снаряжение. А обращаясь к Губанову, заметил:

— У вас в мешке что-то позвякивает.

Несколько минут бойцы неподвижно лежали на прелой соломе.

Пошел дождь, разведчики снова тронулись в путь. Тишина, нарушаемая монотонным шуршанием дождевых капель, была какой-то гнетущей. Изредка точно через слой ваты пробивались звуки одиноких выстрелов или коротких пулеметных очередей. Потом снова все подозрительно затихало.

Вдруг со стороны болота донеслось не то чавканье, не то хлюпанье.

— Наверное, немецкие разведчики к нам идут, — раздался чей-то шепот рядом с Кораблевым. Старшина приказал всем залечь в мокрую осоку, а гитлеровцев пропустить.

Но звуки шагов заглохли. Потом кто-то начальническим тоном стал кого-то отчитывать.

— Заблудились, что ли, — опять предположил лежавший бок о бок с Кораблевым красноармеец. — А вдруг это то, что нам надо?

Да, случай был благоприятный. Только как взять фашистов? Под ногами топь, бесшумно подойти к ним трудно. К тому же вдруг они от испуга шарахнутся в сторону трясины?

К счастью, дождь усилился. Его шум заглушал остальные звуки. Кораблев дал знак и первым пополз по густой осоке к притаившимся немцам. Когда до них оставалось уже не более пяти шагов, тьму разогнала осветительная ракета. Офицер, сидевший на кочке, увидел Кораблева. На лице его отразился ужас, и он с криком кинулся бежать. За ним с почтовой сумкой на спине последовал ефрейтор. Погоня в таких случаях — рискованное дело. Вся группа могла сама оказаться в плену. И все же старшина подал команду:

— Взять!..

Офицер и ефрейтор были схвачены, благополучно доставлены в батальон, а оттуда сразу же направлены в штаб дивизии.

Прошло около часа, когда раздался звонок от Левина. Недовольным голосом он спрашивал, почему мы задерживаем отправку пленных. Я заверил, что их давно уже повезли. Положив трубку, стал гадать, что могло с ними случиться в пути. Старшина Кораблев на моей машине помчался вслед за «козликом». Но не догнал. Оказалось, что захваченных доставили другой дорогой,

которая километров на тридцать длиннее, но безопаснее.

Пропажа майора и ефрейтора с письмами взбудоражила неприятеля. Он дня три бил из орудий по нашим позициям.

«Улов» разведчиков был весомый. Они пленили майора Фогеля и штабного почтальона Фельнера. Они еще на Волге отрешились от бредовой идеи завоевать весь мир и охотно отвечали на все вопросы. А свежие письма из Германии были использованы агитаторами и газетой.

Приказом командующего фронтом капитан Александр Иванович Смоляков и все разведчики, участвовавшие в поиске, были награждены орденом Красного Знамени. Кольцову, который был ранен, награду вручили в санбате. Поправился он быстро и вновь вернулся в полк.

3

На войне очень часто успех в малом обеспечивает успех в большом. Наш полк получил приказ захватить на правом берегу реки Миус Дмитриевку. Напротив этого села была удобная переправа.

Задачу мы выполнили. Но мало захватить плацдарм, его нужно удержать, а если можно, то и расширить. Я был уверен, что враг попытается вернуть Дмитриевку, сбросить нас в Миус. Это подсказало мне организовать засаду. Иван Алексеевич Алехин выбрал для этой цели лучшую роту из батальона Смолякова, обеспечил ее боеприпасами, сухим пайком. Подразделение расположили на пути предполагаемой контратаки.

Наступила ночь. В темноте немцы редко ходили в атаку. Все же на всякий случай я, начальник штаба Иван Алехин и мой адъютант Василий Кучерявый решили пойти поближе к переправе. В это время к нам приехал корреспондент «Известий» К. Тараданкин. Он был в военной форме, и мы охотно взяли его с собой.

Выйдя из блиндажа, я заметил в траве светлячка, взял его и положил на циферблат часов. При зеленоватом свете стали видны стрелки и цифры. Тараданкин сказал, что обязательно использует эту деталь в очерке. Он начал расспрашивать о героях части, посоветовался, какую тему сейчас следовало бы поднять на страницах газеты.

Беседу прервал гром нашего орудия. Это был снайперский выстрел. Снаряд угодил в неприятельский склад боеприпасов. А там оказались и ящики с сигнальными ракетами. Они начали разлетаться в разные стороны, освещая местность золотыми,

зелеными, красными, синими огнями.

Мы завернули к артиллеристам. Они были готовы поддержать стрелков. Корреспондент полистал журнал наблюдений. Оказывается, пушкари еще днем засекли в районе балки подозрительную яму. И теперь точно накрыли это место. Командир дивизиона Лаушкин весело заметил:

— Пусть еще подвозят, опять на воздух поднимем…

Основные силы батальона Смолякова сосредоточились недалеко от переправы. Их задача: как только засада отобьет атаку немцев, на плечах отступающих захватить высоту. Мы упорно вырабатывали у противника «условный рефлекс», что с каждой вылазкой он будет терять часть занимаемой территории.

На плацдарме Тараданкин обратил внимание на его конфигурацию.

— Это же «мешок», — сказал газетчик.

Он был прав. Теперь мы не боялись ни «мешков», ни «клещей», ни «клиньев», наоборот, сами их создавали, чтобы иметь трамплины для броска вперед.

Эта ночь была удачной. Мы не только отбили контратаку, но и захватили высоту. На ее вершине первые лучи солнца осветили красное полотнище. Комбат Смоляков блестяще провел бой. За этот новый успех он был награжден орденом Красной Звезды.

Корреспонденту «Известий» я рассказал о многих героях полка. Но он заинтересовался начальником штаба Алехиным. Иван Алексеевич, загорелый, белозубый, всегда подтянутый, с первого взгляда всем нравился. А его живой ум быстро очаровывал собеседника. Он был отличным штабистом и достоин того, чтобы о нем сказать доброе слово.

Когда Тараданкин уехал, Кучерявый пожалел:

— Эх, не успел я ему рассказать о поваре нашем, Володе!..

Об этом солдате мне было известно только то, что Владимир, не имея специальной подготовки, стряпал превосходно.

— Так сам напиши в дивизионку, — посоветовал я Кучерявому.

— О нем бы и центральная дала подвальчик, — заверил Василий.

Мне показалось, что он преувеличивает заслуги друга. Но когда Кучерявый начал рассказывать биографию Володи, я, к своему стыду, понял, что новый человек в части больше меня знает о нашем поваре…

Оказывается, Владимир еще на Хасане отличился. Во время артобстрела один японский снаряд упал на огневой позиции батареи. Орудийные номера разметало. Володю тоже отбросило далеко в сторону. И все же, помятый, оглушенный, он встал к

пушке и заставил самураев показать пятки. На Сталинградском фронте он тоже уже успел себя проявить. Однажды вражеские танки атаковали артиллерийское подразделение. Молодые необстрелянные бойцы испугались и — в щель. А Владимир как раз в это время принес снаряд, смотрит, возле орудия никого, а впереди три немецких танка. Он быстро зарядил пушку и первым же выстрелом поджег танк. Увидев это, расчет вышел из укрытия и начал вести огонь. Второй танк также вспыхнул. Третий не стал испытывать судьбу и, развернувшись, удрал.

Потеряв слух, Володя мог бы перейти во второй эшелон или даже демобилизоваться. Однако его тянуло не в тыл, а на передовую. Повар, как сказал мне Кучерявый, мечтает вернуться в артиллерию и стать наводчиком. А я и не знал ничего этого.

Конечно, полк не батальон: теперь у меня было меньше возможности беседовать с бойцами. Но то, что я услышал о Владимире, заставило меня внимательнее приглядываться к людям. Откровенно говоря, я даже завидовал умению Василия Анисимовича Кучерявого быстро сходиться с людьми.

Василий, маленького роста, гимнастерку и брюки почему-то носил на два номера больше. На него нельзя было глядеть без улыбки. Но, несмотря на свой немного комический вид, Кучерявый был человеком деятельным. В самой сложной обстановке он хорошо ориентировался, мог куда угодно доставить донесение, найти нужное подразделение.

Мы с ним крепко подружились и не разлучались до конца войны.

4

«Миус-фронт» немцы объявили нерушимой государственной границей Германии на востоке, железными воротами, запирающими Донбасс.

Германские военные инженеры постарались миусский рубеж сделать неприступным. Глубина его достигала более двадцати километров. Все высоты, обрывы ощетинились дзотами. «Миус-фронт» насчитывал более восьмисот опорных пунктов, среди которых, как гигантская крепость, возвышалась гора Саур-Могила.

Можно прорвать линию обороны, можно захватить ряд населенных пунктов, но к Донбассу не пройти, пока не будет захвачена Саур-Могила. Она господствовала над всей местностью.

Высотой Саур-Могила была более четверти километра. И, как утверждают местные старики, воздвиг этот курган народ в память

о правдивом, гордом и смелом человеке Сауре, сыне крестьянском, жившем во времена, когда еще не было на свете Степана Разина. Саур защищал народ. Он был беспощаден и к своим, и к иноземным поработителям. Когда же он умер, люди, которым он был близок и дорог, принесли на его могилу по горсти земли. Всего-навсего по горсти. Но народу было столько, что образовалась гора. С ее вершины при доброй погоде видно Азовское море…

И вот 18 августа Южный фронт перешел в наступление. Нашему полку предстояло участвовать в штурме Саур-Могилы. По данным разведки мы представляли себе, что это за «орешек». Инженерные заграждения, полного профиля траншеи, артиллерийские и пулеметные доты — все это превратило высоту 277.7 в мощную крепость.

Атаковать ее в лоб — значит заранее обречь себя на неуспех. Эту мысль подтвердили и пленные, взятые в хуторе Саур-Могильском. Солдаты Эрих и Пауль показали, что на Саур-Могиле надежные укрепления, а каждый метр на подступах к кургану простреливается многослойным огнем.

— Наш ротный обер-лейтенант говорил, что там одними пулеметами можно отбить любую атаку, — заметил Эрих.

Мы с начальником штаба знали, что у противника на горе и боеприпасов, и провизии хватит на месяц — измором его тоже не возьмешь. Да и силы у него свежие. А наши подразделения уже устали. Ведь мы прорывали передний край, бились за Мариновку, Степановну, Саур-Могильский хутор. Понесли потери…

И вот мы с Алехиным, рассматривая гору, освещенную вечерним закатом, крутим, вертим, прикидываем. Иван Алексеевич предложил на первый взгляд невероятный план: атаковать курган с восточной стороны, наиболее крутобокой и совсем голой. Однако Алехин прав: отсюда враг меньше всего ожидает удара.

Решили еще посоветоваться с полковником А. А. Сошальским. Алексей Андреевич, как заместитель комдива, координировал действия нашего и 295-го гвардейского стрелкового полков. Он только что отправил группу разведчиков во главе с Кораблевым и посоветовал подождать ее возвращения.

— Свежие данные могут внести поправку…

Мы согласились с ним.

В полк прибыло пополнение. Я вместе с адъютантом пошел к новичкам. Их было до роты. Стояли они вдоль траншеи. Одеты были во все новое. Прощупал настроение вновь прибывших. Те, кто вернулись из госпиталя, были готовы хоть сейчас идти на штурм горы, а пришедшие в армию из освобожденных от

немецкой оккупации районов отмалчивались. Это были необстрелянные и неясные пока еще для меня люди.

В конце шеренги, когда я туда подошел, два солдата неожиданно бросились ко мне и начали тискать и восклицать:

— Жив!

— Здоров!

— Радость какая!

Пыльные, небритые, улыбающиеся, меня теребили братья Кругловы. А узнав, что в полку служит их товарищ пулеметчик Иванов, они оживились еще больше.

— Вот здорово! — воскликнул Михаил и ютов был немедленно бежать к нему. Но Павел резонно заметил:

— Успеем, Миша…

Мы договорились отметить встречу на Саур-Могиле. Я отправился к себе на КП. Меня опередил запыхавшийся дивизионный телефонист с аппаратом:

— Товарищ майор, приказано поставить для вас. — И шепотком добавил: — Связь необычная, с большим начальством разговаривать можно…

И вот он уже зовет, телефон этот. У аппарата генерал Цветаев, командующий 5-й ударной армией. До сих пор его распоряжения я получал через комдива. И сейчас чувствовал себя как-то непривычно. Командарм напомнил, что Военный совет фронта придает захвату Саур-Могилы большое значение.

— Мы уверены в вашей части. Имейте в виду, завтра утром на горе должен появиться красный флаг. Вы понимаете, товарищ Свиридов?..

И хоть слышимость была отличной, я зачем-то крикнул во весь голос:

— Понимаю, товарищ командующий!..

Потом долго еще стоял перед черной замолчавшей коробкой, пока наконец не отдышался.

Ночь была неспокойной. То и дело прибывали связные. Алехин при свете каганца наносил все новые данные на карту, отдавал распоряжения, кому, когда и где быть к утру. Отдыхать было некогда.

Кораблев со своей группой в течение ночи дважды пытался проникнуть на курган, но, потеряв двух человек, вынужден был вернуться ни с чем. Полковник Сошальский еще раз послал разведчиков на Саур-Могилу, но мы с Алехиным не могли больше их ждать и решили все-таки атаковать гору с восточной и юго-восточной сторон. Командир дивизии утвердил наш план, сказал, когда откроют огонь «катюши».

— За фланги не бойтесь, — успокоил он. — Справа от вас

части пятидесятой гвардейской стрелковой дивизии, слева — двести девяносто пятый полк. Ну, желаю удачи!

5

30 августа 1943 года день выдался солнечным, безоблачным.

Мне чуждо суеверие, однако почему-то вспомнил, что в прошлом году именно 30 августа, выходя из окружения, я переплывал Дон и едва не утонул. А 30 августа 1941 года меня буквально выдернули из-под гусениц немецкого танка под Гуляй-Полем. От этих воспоминаний меня отвлек гул самолетов. Появились немецкие бомбардировщики. Они нанесли удар по позициям 2-го батальона. Потом там начали рваться тяжелые снаряды. Мы несли потери.

Вражеские самолеты вдруг развернулись и стали бомбить вершину Саур-Могилы. Туда же перенесла огонь и неприятельская артиллерия. В чем дело? Смотрю в бинокль. Алехин тем временем связывался с командирами батальонов по телефону и спрашивал, не пробилось ли на курган какое-либо подразделение.

Неожиданно на высоте в облаках дыма и пыли я увидел красный флаг. Наши! Значит, нашлись храбрецы! Кто же сумел прорваться через непроходимые позиции противника? Смельчаков оказалось семнадцать. Это младший лейтенант Шевченко, старшина Кораблев, старшина Иванов, рядовые Кобзев, Гаин, Селиванов, Дудка, Веремеев, Симонов, Меркулов, Бондаренко, Алешин, Калиничев, Чернов, Петраков, Лобков и Гавриляшин.

Оказывается, после двух неудач старшина Сергей Кораблев повел разведчиков другим путем. Они пересекли передний край в двух километрах южнее Саур-Могилы. Там встретились с группой младшего лейтенанта Шевченко, объединились. По дороге к горе сняли пулеметный расчет и с тыла без единого выстрела вышли на ее вершину. А с рассветом подняли флаг.

Мы увидели его около шести утра. До сигнала атаки было еще четыре часа. За это время враг мог уничтожить наших разведчиков. Они вели неравный бой. Как быть? Пытаюсь связаться с полковником Левиным. Но его нет на месте. Уехал к артиллеристам. Ищу начальника штаба дивизии. Тот сказал, что час атаки согласован с соседями.

— Я не могу отменить приказ командарма…

А без артподготовки и взаимодействия с другими частями нечего было и думать о выполнении задачи. Пришлось ждать

условленного сигнала. Разведчики пока держались. Они уже пустили в ход гранаты.

Враг теперь уже, конечно, догадался, что вершину захватили смельчаки и их немного. Поэтому все внимание приковал не к ним, а к подножию горы, где сосредоточилась целая дивизия. Немцы, видимо, не сомневались, что мы полезем по отлогой части Саур-Могилы. Они ждали нас там.

Наконец над нашей головой прошумели реактивные снаряды. По кургану заметались огненные молнии. К залпам «катюш» присоединили свой голос наши пушки и минометы. В дыму и вспышках курган словно закачался…

И вот настал долгожданный миг — пехота поднялась в атаку. Удар гвардейцев был стремительным. Он пришелся по самому уязвимому месту неприятельской обороны. Это вызвало в его рядах замешательство. Гитлеровцы сопротивлялись недолго. После первого же сильного нажима они дрогнули и побежали.

1-й и 3-й батальоны ворвались на высоту. Разведчики спасены. Оставив Алехина на КП, у подножия восточного ската, и забрав с собой Кучерявого, секретаря комсомольской организации Мартынова и телефониста, я отправился на курган. Ровно в полдень по телефону доложил оттуда комдиву:

— Товарищ полковник, говорит Саур-Могила… Мы на высоте 277.7.

— Не может этого быть! — засомневался Левин. — После залпа эрэсов прошел всего один час. Где вы на самом деле?

— На горе, товарищ полковник. Здесь наши разведчики с четырех часов утра.

— Свиридов, мне видна высота, по флага не вижу. Подними его так, чтобы я разглядел.

Короткими перебежками пробираюсь среди камней и воронок к вершине. За мной неотступно следуют Василий с телефоном и телефонист с катушкой кабеля. За ними с автоматом в руке — старший лейтенант Мартынов — долговязый двадцатилетний парень с голубыми, всегда широко открытыми глазами. Он умел всегда вовремя появиться там, где больше всего нужен.

Худощавую фигуру комсорга полка видели то в стрелковом батальоне, то у разведчиков, то у артиллеристов. Его всегда окружали люди. И по веселому смеху, улыбкам солдат чувствовалось, что его присутствие здесь не бесполезно.

Однажды он зашел ко мне в блиндаж. Это было, кажется, в балке Кирико. У меня как раз сидел замполит. Покосившись на него, Петя шепотом обратился ко мне:

— Товарищ майор, наши разведчики идут на поиск. Разрешите мне с ними?

— Куда-а-а? — вскочил политработник и двинулся на оторопевшего лейтенанта. — Марш отсюда! И чтоб я больше не слышал этого!

А когда Мартынов выскочил из блиндажа, замполит устало опустился на табурет и расхохотался…

— Он дважды уже приходил ко мне за этим же. А я — наотрез. Так хотел обойти. Вот неугомонный комсомол!..

На сей раз Мартынов попал в самое пекло. Я поручил ему помахать флагом. Петр бросился к нему. Там на каменной плите лежал младший лейтенант Шевченко. Это он из нательной рубахи сделал флаг. Раненный, он своей кровью окрасил его и укрепил на вершине. Не успел застегнуть гимнастерку, как осколок мины свалил разведчика. Посмертно он был награжден орденом Красного Знамени.

Мартынов поднял истерзанный пулями и осколками самодельный флаг и, вскочив на камень, под выстрелами замахал им. Связист подключил телефон к проводу катушки. Почти тотчас же в трубке послышался голос комдива:

— Вижу, вижу… Молодцы! Держитесь! И командный пункт переносите на гору.

Поднимаюсь к Мартынову. Адъютант принес новый большой флаг, мы установили его на самой высокой точке. Под победным стягом расположились разведчики. Старшина Сергей Кораблев был ранен, но он отказался покинуть Саур-Могилу.

Возле пожилого разведчика, действуя бинтом, согнулась тонкая фигура. Это старшина медицинской службы Лидия Соболева. Московская комсомолка добровольно пошла на фронт. Она бесстрашно переползала от одного раненого к другому, оказывая им помощь. Осколок задел и ее, но девушка продолжала перевязывать раны бойцов, пока не потеряла сознание. Легкораненые на руках принесли Лиду на медицинский пункт.

Захватить гору — одно, а удержать ее — другое. Немцы, подтянув артиллерию, буквально засыпали курган снарядами. Кругом звенели куски металла, камни. Головы не поднять. Губительный огонь вынудил батальоны сползти вниз к подошве. Наверху остались лишь бойцы Смолякова, рота из батальона Замукашвили, разведчики, Мартынов, телефонист и я с адъютантом.

Кругом все дымилось. Нещадно пекло солнце. Нестерпимо хотелось пить, а воды взять негде, и враг бьет, бьет без передышки.

Затем немцы пошли в атаку. Стреляя на ходу, подбадривая себя возгласами, они надвигались на нас огромной мышастой массой. По отлогому склону двинулись танки. Они были

необычные — изрыгали пламя, густой, как деготь, дым заволакивал местность там, где проходили машины. Картина страшная. Огнеметные струи плавили камни, все живое превращали в уголь.

Я оставил Мартынова и пулеметный расчет Иванова у знамени, а противотанковую батарею Овтина и разведчиков во главе с Кораблевым бросил на борьбу с огнеметными установками. Сергей Кораблев на своем веку встречался и с мнимыми полями, и отравляющими газами, и гигантской пушкой «Берта», и огнеметами. Я был уверен, что этот опытный воин не оробеет и на этот раз. Так оно и вышло. Вместе с артиллеристами разведчики вступили в борьбу с вражескими машинами и победили. Кораблев лично уничтожил один танк. Когда он проходил мимо щели, на дне которой укрывался Кораблев, старшина неожиданно вскочил на ноги и метнул бутылку с горючей смесью. Без орудий и броневой защиты, атакующие сразу сбавили шаг. Цепи противника заметно редели.

Метко стрелял из своего «максима» Николай Иванов. Он косил тех, кто лез к нам по пологому склону. Немцы откатывались. Но потом шли снова. Атаки следовали одна за другой до вечера. Всего их было двенадцать. К запаху дыма стал примешиваться трупный запах: в жару тела убитых быстро разлагались.

Воды по-прежнему не было. Ни ветерочка, ни дождя. Скорей бы ночь!

Только с сумерками бой затих. Кругом догорало все, что могло гореть. Над Саур-Могилой неподвижно висел горьковатый чад.

Я навестил пулеметный расчет Иванова. Мои боевые друзья все уцелели, но узнать их удалось не сразу— такие они были черные от копоти, пыли и пепла. У Березникова не лицо, а маска с воспаленными красными глазами. Лебедь беззвучно смеялся: потерял голос. Иванов, всегда тяжело переносивший жару, предстал передо мной по пояс голый. В этот момент он меньше всего походил на бравого солдата. Но пусть бы все защитники Саур-Могилы сбросили гимнастерки, лишь бы били врага по-ивановски. На его счету — сотни фашистов.

Николая Иванова я не только похвалил, но и порадовал:

— Нашего полку прибыло!..

И я рассказал, что ночью сюда придет подмога и в числе других — братья Кругловы. Иванов сразу ожил и забыл про жару. Он стал рассказывать товарищам о Кругловых, а я пошел налаживать связь с КП полка. Только с восходом луны смог по телефону приказать Алехину:

— Немедленно ко мне всю артиллерию, минометы и две роты автоматчиков!

Пока ночь, спешу собрать весь полк на горе. Утром наверняка бой разгорится пуще прежнего. Германское командование ни за что не смирится с потерей такой важной позиции. Командир дивизии полковник Левин не отходил от трубки:

— Свиридов! Подтягивай силы и держись!

Немцы беспрерывно освещали местность ракетами. Временами до нас доносилась немецкая речь. Враг тоже не спал. Как бы не помешал нашему сбору!

К двум часам ночи к нам пришел полковник Сошальский. Ему было приказано развернуть НП дивизии на высоте. Я уступил заместителю командира дивизии свое убежище. А для меня Кучерявый подыскал глубокую воронку. С помощью радистов он перекрыл ее какой-то дверью от разбитого блиндажа. Бруствер мы соорудили из крупных камней, оставив в них просветы в виде амбразур.

Вскоре в этом импровизированном блиндаже стало тесно — пришли командиры батальонов Смоляков, Гарин, Замукашвили, командир артдивизиона капитан Лаушкин, командир противотанковой батареи Овтин, командир минометной батареи Сигал и командир минометной роты Юрченко. Тут же ютились радист, связист и адъютант Кучерявый.

Наш сосед — 295-й полк тоже не дремал: командиры готовились к утренним боям. Взаимодействие между полками осуществлял полковник Сошальский.

Первые лучи солнца осветили трепещущее, изодранное красное полотнище на Саур-Могиле. Флаг стоял! Правда, шест, на котором развевался стяг, укоротился: его подрезали пулеметными очередями. Иванов, Березников и Лебедь ремонтировали древке, и флаг снова взвивался над пиком кургана.

Начинался второй день борьбы за господство над донецкой равниной. Теперь я уже не думал о роковых числах. 30 августа благополучно минуло. И уж если вчера нас не выбили отсюда, то сегодня и подавно.

Меня вызвал к себе Сошальский. Он беспокоился о дивизионных разведчиках. Они должны были сосредоточиться у подножия горы и в случае крайней необходимости прийти к нам на помощь. Алексей Андреевич беспрерывно поправлял коверкотовую гимнастерку и подергивал левым плечом, которое было заметно выше правого — результат контузии.

— Опаздывают, черти! — ворчал он, смотря в бинокль. — Плохо без связи. Возможно, они вон… в той балке с редким кустарником. А ну-ка, Александр Андреевич, пошли-ка туда

своего адъютанта…

Не дожидаясь моего приказа, Кучерявый от камня к камню по изуродованной траншее спустился вниз. Наблюдать за ним стало небезопасно. Огонь немцев нарастал. Крупнокалиберные пулеметы били по склону до самой вершины, где гордо реял наш флаг.

Вдруг со стороны балки, куда ушел Кучерявый, затрещали автоматы. А через минуту показалась цепь гитлеровцев. Артиллерийский огонь противника поднялся выше, расчищая путь своей пехоте. А она уже облепила курган с трех сторон.

Наши артиллеристы взяли на прицел вражеских автоматчиков и танки. Сквозь гул, треск и грохот я услышал где-то совсем рядом голос Кучерявого:

— Товарищ майор, разведчиков нет! Там «фердинанд»! Я здесь станкач нашел. Сейчас вжарю.

Кучерявый выпустил очередь, и пулемет заглох. А тем временем за первой цепочкой автоматчиков показалась вторая. Трое бойцов, из пополнения, не выдержали атаки и, выползая из воронки, подняли руки. Сошальский выскочил из укрытия и, грозя наганом, закричал:

— Назад! Расстреляю!

Это были последние слова Алексея Андреевича. Его полковничья гимнастерка и прекрасно сохранившаяся портупея слишком бросались в глаза. И вражеский снайпер угодил в сердце Сошальского.

Я кинулся к полковнику. Он сделал шаг, затем покачнулся и упал. Рука с наганом безжизненно опустилась. На его лице застыло выражение грусти. Кровь на груди соединила орден Красного Знамени и медаль «XX лет РККА».

Тело Сошальского мы опустили на дно траншеи. Мне помог Володя. Он принес на гору обед и, увидев беду, поспешил на помощь. Нас прикрывали связисты и Кучерявый. Они «лимонками» обратили в бегство фашистских автоматчиков.

Гранаты катились под гору, подпрыгивали и разрывались в воздухе, поражая фрицев. Крики, стоны, проклятья — все это сменилось грохотом, лязгом ползущих «фердинандов».

Они, грязно-желтые, с темными крестами, лезли в гору, пугая нас огнем пулеметов и пушек. Но расчет бронебойщиков во главе с младшим сержантом Лепетихиным не дрогнул перед грозными машинами. Укрываясь за камнями, петеэровцы хладнокровно ждали решающего момента, когда «фердинанды» подставят свои бока под выстрелы.

Артиллеристы и минометчики тоже не дремали. Они обратили неприятеля в бегство.

Первая атака нового дня была отбита. Я присел на камень, рядом с уже остывшим телом Сошальского. Он даже сейчас казался подтянутым, красивым. Смотреть на него мешали слезы. Этот человек для меня был очень дорог. Именно Алексей Андреевич научил командиров нашего полка сочетать боевые действия с военной учебой. Именно он впервые показал мне, как нужно по-настоящему работать с разведчиками. Это целая наука, школа! И успехи нашей полковой разведки — это заслуга полковника Сошальского. Только теперь я понял значение чуткого отношения к военным специалистам.

Едва я успел взять документы Сошальского, как началась вторая атака. Видимо, немецкий снайпер, убивший полковника с орденами, сообщил своему начальству о том, что на горе находится командный пункт полка или дивизии. Мы оказались под пристальным наблюдением врага.

Резкий взрыв почти прямого попадания оглушил весь состав НП. Я очнулся первым. Кучерявый лежал на бруствере. Сергей Лаушкин хрипел у меня под ногами. Два радиста окровавленными телами прикрыли исковерканные радиостанции. Связист Алексей Устюжанин поднялся на колени и, ощупывая свою грудь, сказал:

— Все в порядке, товарищ майор!

Впрочем, порядка никакого не было: наблюдательный пункт прекратил свое существование. Теперь самое разумное — доползти до расположения ближайшего батальона. Его позиция ниже и немного левее.

Оглушенного адъютанта я столкнул с бруствера, и он покатился вниз, где братья Кругловы его поймали. Лаушкина я взвалил на спину и вместе с Устюжаниным выбрался из разбитого убежища.

Сползали медленно. А вокруг свистели пули, осколки, трещали и разлетались камни. Тело Сошальского пока оставили наверху. Со мной, в нагрудном кармане, его ордена и документы. Мы еще вернемся…

Лаушкин очнулся, когда до окопа осталось совсем немного. Последние метры он преодолел самостоятельно. Мартынов, пулеметчица Рая, повар Володя и братья Кругловы своим огнем прикрыли нас.

Проползая мимо трех расстрелянных, мы с презрением отвернулись от них. Ведь они, предатели, заставили подняться во весь рост Сошальского, по их вине погиб замечательный командир, раскрыт и разгромлен наблюдательный пункт.

Основой моего нового НП стал полуразрушенный окоп, который занимали стрелки батальона Замукашвили. Часам к

одиннадцати утра Устюжанин установил телефон, и я через полковых артиллеристов связался с Алехиным.

Кстати, за два дня боя Алеша Устюжанин со своим напарником Муратовым исправили шестьдесят восемь повреждений на линии. Несмотря на град пуль и осколков, связисты тянули нить, обдирая на камнях руки и колени в кровь. И не успеешь оглянуться, как рядом уже слышится бодрый голос Алеши: «Москва», «Москва»… Говорит «Галич».

Алеша хранил вырезку из дивизионной газеты со стихами Павла Омскою на смерть комсомольца Сергея Живаева. Алеша частенько читал их вслух:

Ты с нами навеки становишься в строй,
Гвардеец лихой и отважный.
Твой подвиг бессмертный запомним, герой,
И повторим не однажды…

В полдень гитлеровцы обедали. Наступила передышка. Володя в который уж раз открывал крышку котелка и протягивал ложку, но мне не до еды. Поднимаюсь на высоту, к красному флагу. Со мной братья Кругловы. Наконец они встретились с Николаем Ивановым. Он так стиснул Кругловых, что у них кости затрещали. Смех, вопросы, рассказы.

— А где Калинкин?

— Я видел Петра!

— А я получил письмо от Бердниковича!

Березников и Лебедь в это время опять связывали древко. На алом изорванном полотнище не было живого места. И все же флаг, дразня фашистов, снова взвился над курганом.

Мне не пришлось докурить с друзьями. Снизу раздался голос Устюжанина:

— Товарищ майор, вас к телефону!

Быстро бегу на НП. На проводе генерал Цветаев.

— Держитесь, гвардейцы, к вам идет помощь! Оборона немцев прорвана южнее и севернее вас. К вечеру я буду на Саур-Могиле. Героям вручу ордена.

Приятно было слышать эти слова. Но сколько нужно орденов? При штурме и защите Саур-Могилы был проявлен массовый героизм. Как бы не обидеть хороших ребят.

Очередная атака немцев прикрывала их отход. Полегло фашистов тут порядком. Всю ночь трофейщики подбирали трупы.

Мы тоже начали подбирать погибших и рыть братскую могилу на обожженной площадке кургана. Предвечернюю тишину вновь нарушили залпы. Мы отдавали воинскую почесть гвардии

полковнику Сошальскому, гвардии майору Филатову, гвардии капитану Иванову, гвардии младшему лейтенанту Шевченко…

Список огромный. Утрата настолько велика, что ни приезд командарма Цветаева, ни речь члена Военного совета Булатова, ни заслуженные награды — ничто не могло отвлечь от тяжелой думы.

С вершины Саур-Могилы я смотрю на запад. Далеко на горизонте виднеются два облака, похожие на огромные скирды хлеба. Закат поджег их, и они вспыхнули яркими кострами.

Завтра нам идти туда, там Донбасс.

6

Разведчики, побывавшие во вражеском тылу, принесли оттуда письмо-листовку, написанную старыми донецкими шахтерами. Они обращались к войскам нашею фронта: «Гоните фашистов безостановочно, бейте их, проклятых, скорее освобождайте нашу исстрадавшуюся горняцкую землю. Очищайте от вражьей нечисти шахты и заводы, чтобы снова цвел, работал и славился Донбасс…»

Эти слова, идущие от рабочего сердца, нельзя было читать без волнения. Комсорг полка Петр Мартынов, держа в руке наказ шахтеров, спросил гвардейцев:

— Кому из вас Донбасс — родина?

— Мне! — отозвался младший сержант Данилов. — Я из столицы Донбасса.

Петр Иванович вручил Данилову листок и попросил его зачитать на митинге. Данилов не только зачитал, он рассказал о своей шахтерской семье, вспомнил, как вместе с отцом первый раз в жизни спустился под землю и как потом в школе написал на эту тему сочинение.

Сын шахтера говорил, казалось бы, о самых обычных вещах, но я заметил, что собрание его слушало с большим интересом. И это потому, что речь шла о счастливой юности, о всем хорошем, что теперь запачкано и отравлено коричневой чумой и за что им, гвардейцам, надо сейчас идти в бой.

Удивительный талант у Петра Ивановича. Все митинги, собрания он проводил интересно, каждый раз по- новому. И что любопытно, он никогда заранее не готовил ни текста докладов, ни шпаргалок для выступлений активистов. Мартынов умел словом увлекать своих слушателей, воздействовать на их умы и сердца. Здорово у него это получалось. И внешностью он вышел: стройный, красивый. Артист, да и только! У одного нового

комсомольца даже возник вопрос, такой ли их вожак и в бою, как на митингах да собраниях. И он спросил комсорга:

— Товарищ лейтенант, вот мы в атаку ходили, а вы где были в это время?

— Спал, милый мой! — ответил Мартынов.

Раздался дружный хохот. Бойцы знали Мартынова как одного из смелых воинов полка, и его неожиданный ответ развеселил всех.

Если бы Мартынов обиделся на спросившего и стал рассказывать о своих подвигах, то это был бы не Мартынов.

Петр Иванович родился в городе Надвоица, Медвежьегорского района, Карельской АССР. Суровая природа с детства приучила его не бояться трудностей. С первых же дней войны он рвался на фронт, но по возрасту Петра не брали в армию. Тогда он прибавил себе год. По росту он походил на призывника. Мартынов организовал группу семнадцатилетних пареньков-лыжников и через ЦК комсомола добился отправки их на фронт вместе с лыжным батальоном. В наш полк он прибыл зимой 1942 года.

Простой, общительный, Мартынов быстро сблизился с людьми. Человек отваги и риска, он рвался туда, где было труднее и опаснее. Комсомольцы шли за ним, как говорится, в огонь и в воду. На его груди уже были ордена и медали.

Но особенно его талант раскрылся, когда он стал комсоргом полка. В Мартынове удачно сочетались трезвый ум и незаурядная смелость, озорство и скромность, острый юмор и душевность.

Помню — это было на берегу Миуса, — боевые друзья Сигал, Овтин и Масюк сплели лапти и подарили их юной санитарке, за которой все трое ухаживали. Мартынов знал о затее товарищей и не отговорил их. Видимо, считал, что, где молодость — там и шутки. Но «любовь» обиделась, заплакала и пожаловалась мне на бестактность «мушкетеров», как звали в полку Сигала, Овтина и Масюка. Я сказал об этом комсоргу. Мартынов улыбнулся:

— Ничего, уладим.

И уладил.

Однако вернусь к митингу на кургане Саурском. Речь Мартынова мне запомнилась. Он призывал гвардейцев мстить врагу за насилие над советскими людьми, за разрушенные города, шахты, разбитые станции и железнодорожные пути, разграбленные села и поселки.

В Донбассе тогда жили мои две сестры. Я ничего нс знал о судьбе родных. И, естественно, волновался за них. Жена в последнем письме сообщила, что она с сыном уехала из Сталино (ныне Донецк), когда город бомбили и обстреливали из

дальнобойных орудий.

Комсорг говорил гневно, страстно. Его тоже война разлучила с матерью и сестрой. Дорога к его родному Кировограду лежала через Донбасс.

Участники митинга дали клятву как можно скорее освободить «всесоюзную кочегарку».

Утром 2 сентября ко мне прибыл офицер связи. Он привез приказ на наступление. Люди, машины пришли в движение. И вот колонны полка запылили на дорогах. С неба нас прикрывала авиация. Гитлеровцы откатывались на запад, не всегда оказывая серьезное сопротивление.

С болью в сердце проходили мы мимо развороченных шахтных надстроек. Когда-то здесь все кипело, дышало жизнью: скрипели блоки подъемников, звенели вагонетки и на верху террикона вечером красная лампочка извещала о трудовых победах горняков.

К вечеру полк занял Благодатную. Рядом виднелась окраина города Иловайска с его заводскими трубами и столбами дыма от пожаров. Это крупный железнодорожный узел: отсюда ветки бегут по всему Донбассу. И конечно, противник поспешно подбросил сюда свежие силы с приказом удержать Иловайск.

Времени для подготовки к штурму — одна ночь. Решил немедленно организовать разведку. Старшина Сергей Кораблев готов был сам отправиться на поиск, но Мартынов предложил послать комсомольца П. II. Плавадских. Молодой разведчик, не по летам спокойный, сосредоточенный, внушал к себе доверие с первого взгляда. И я согласился с этой кандидатурой. Алехин поставил перед ним задачу — разведать огневые точки противника, расположение его частей и нащупать наиболее слабое место в обороне. О маскировке, сигнализации, составлении схемы с ним побеседовал помощник начальника штаба Николай Михайлович Виноградов.

Всю ночь мы готовили подразделения. С Иваном Алексеевичем Алехиным разработали план атаки. В нашем распоряжении имелась схема города и окрестностей Иловайска, которую Виноградов составил с помощью местного жителя.

Рано утром вернулся Плавадских. Удачно проникнув в неприятельский тыл, он добыл интересующие нас сведения. Теперь мы знали, где располагаются подразделения и огневые точки гитлеровцев, откуда лучше всего подойти к Иловайску. Его обороняли два пехотных батальона с двумя дивизионами артиллерии и четырьмя минометными батареями. В резерве имелись танки и самоходные орудия.

В 7 часов утра взлетела зеленая ракета. Артиллеристы трех

полков открыли прицельный огонь. Иловайск прикрывала укрепленная высота 213.6. По ней сейчас и били все пушки и минометы нашего полка.

Снайперскую стрельбу на этот раз показали расчеты Масюка. Прямыми попаданиями они уничтожили три огневые точки.

Но вот в небо взлетела красная ракета, и гвардейцы ринулись на высоту. Ожил крупнокалиберный пулемет немцев. Его быстро подавила минометная батарея Сигала. Постепенно разгораясь, бой принял упорный и ожесточенный характер.

Только к вечеру 3 сентября основные силы части прорвались к северо-восточной окраине Иловайска. Здесь мы снова натолкнулись на сильно укрепленную полосу обороны. Встал вопрос: как быть дальше? Мы знали, что в городе осталось много мирного населения. Сигал заявил мне:

— Александр Андреевич, артиллерийский налет, конечно, эффективен, но там же дети, женщины. Да и ущерб городу нанесем большой. Как-то надо иначе…

Я думал об этом же. Нас выручили данные разведчика Плавадских. Имея подробный план города, мы подвергли удару только военные объекты. А перед этим по радио через мощные усилители предложили населению укрыться в подвалах или временно покинуть Иловайск.

Наш гуманный шаг вызвал у нацистов приступ злобы. Их громкоговоритель дребезжал, надрывался. Диктор нагло кричал, что мы дальше не пройдем, что командир полка Свиридов ведет своих солдат на верную смерть и если бойцы хотят остаться в живых, то у них один выход — сдаться в плен.

Бой за Иловайск начался на рассвете 4 сентября. Штурм города возглавили полковые разведчики. Взвод старшины Кораблева скрытно подобрался к вражескому заслону, напал на него и сбил с занимаемых позиций. Противник открыл стрельбу и тем самым обнаружил свою огневую систему. Кораблев засек новые точки и сообщил о них заместителю командира стрелкового батальона старшему лейтенанту А. И. Пышкину. Он сразу же повел роты вслед за разведчиками. Минометчикам было приказано блокировать огневые средства гитлеровцев.

В это время батальон Смолякова обходил город, перехватывая выходящие из него дороги. С пехотинцами хорошо взаимодействовали минометчики старшего лейтенанта Масюка, Бывший художник отлично стрелял, Его минометные «мазки» пачками выводили из строя немецких солдат.

В Иловайске Сергей Кораблев встретил унтер-офицера, которого заприметил еще на Саур-Могиле. Тогда фашисту удалось улизнуть от кары. Сейчас они снова столкнулись.

— А, гад! — закричал Сергей и, схватив его за грудки, выбросил со второго этажа дома на каменный тротуар.

В годы гражданской войны Кораблев в схватках с белогвардейцами прошел первый курс военной науки. В дни битвы с немецкими захватчиками он продолжал свою учебу на полях сражений. Донбасс Кораблев освобождал, как утверждали его товарищи, уже академиком своего дела.

Воевал Сергей Кораблев действительно грамотно. Часто он побеждал не числом, а умением, смелостью. Слава о его бойцах вышла за пределы полка. Газета «Социалистический Донбасс» посвятила славному разведчику стихи:

Вас прославит народное слово,
И легенды расскажут о вас.
Про бесстрашный отряд Кораблева
Никогда не забудет Донбасс…

Подавая заявление с просьбой о приеме в партию, Сергей сказал парторгу: «Если меня и убьют — будет жить моя партия!»

Опытный разведчик принадлежал к старшему поколению советских воинов, которые бились за Советскую Родину под непосредственным руководством Ленина.

В шесть утра наши разведчики захватили железнодорожную станцию, а в восемь — батальон Смолякова пробился на западную окраину города и перекрыл дорогу, ведущую на хутор Кобзари.

Бросая оружие, технику и раненых, «рыцари вермахта» в панике хлынули по единственному пока еще свободному пути. Многие же просто поднимали руки.

Во взаимодействии с 291-м полком мы полностью очистили Иловайск от противника.

В полдень Иванов, Березников и Лебедь водрузили красный флаг на самом высоком здании.

Командиры батальонов и минометных батарей встретили нас с начальником штаба на центральной площади города. Наши потери невелики. Командиры все живы. Вот, козыряя на ходу, подходит сияющий Юрченко. Он, среднего роста крепыш, с украинским акцентом докладывает о выполненной минометной ротой задаче. Рядом с ним улыбается коренастый блондин с автоматом на груди. Это начальник артиллерии Петр Овтин. Он пришел в наш полк после десятилетки. Все знали его как безобидного «заливаду», замечательного товарища и отличного командира. Он тоже готов вскинуть руку для рапорта, но в это время со всех сторон нас окружают горожане с букетами цветов.

Перебивая друг друга, женщины со слезами на глазах

благодарят нас за спасение, рассказывают о зверствах нацистов.

— Вот здесь, на воротах, были повешены…

— А тут расстреляли…

К сожалению, мне не пришлось послушать свидетелей. Меня отозвал в сторону офицер связи. Он передал приказ комдива и записку от Василия Кучерявого.

Нашему полку ставилась задача на преследование отходившего противника. Мы выступили из города немедленно.

А вскоре по радио услышали, что нашей дивизии присвоено почетное наименование Иловайская.

Наступление развивалось успешно. За короткий срок соединение освободило Екатериновку, Вербовую, Шевченко, южную часть Макеевки и подошло к столице Донбасса.

Дым стлался по земле. Враг сжигал города, села, шахты, оставляя позади себя гарь, скелеты железных конструкций, каменные коробки, трупы советских патриотов. Нас всюду ждали. Население было готово в любое время приступить к восстановлению разрушенного.

Отступая, гитлеровцы стремились все сжечь, поднять на воздух. Перед нами гигантским факелом горел город Сталино. Оккупанты задались целью сровнять его с землей.

Надо было спешить. С восходом солнца 7 сентября Иловайская дивизия двинулась на спасение прославленного трудом города.

О том, как наступал наш полк в те дни, писала дивизионная газета «За Родину», которую редактировал майор Черемисин: «Солдаты полка подполковника Свиридова настойчиво пробивались к центру. Враг сопротивлялся, вел сильный пулеметный огонь.

Парторг второго батальона Василий Вересков поднял передовые цепи в атаку с кличем: „Коммунисты, вперед!“ И, словно волна морская, поднялись все гвардейцы на штурм засад неприятеля… Бойцы, казалось, не замечали, как с чердаков и из подвалов летел на них смертоносный свинец. Многие падали на мостовую сраженными. Цепи наступающих редели, но бой не ослабевал.

Командир полка, учитывая большое сопротивление противника, ввел в бой резерв. Обходя сильно укрепленные кварталы, пехотинцы и артиллеристы медленно продвигались к улице Артема. Вдруг на перекрестке дорог появились два „фердинанда“. Батарея Суркова вступила в артиллерийскую дуэль. Одна из самоходок разбила нашу пушку. Тогда гвардейцы взяли „фердинандов“ в „клещи“ и прямой наводкой ударили по ним с двух сторон. Вражеские машины заглохли. Открыли огонь

другие самоходки. Силы гвардейцев слабели. Сам Сурков встал за орудие. Он в каждый выстрел вкладывал свою душу, жажду мщения. Первый снаряд — и самоходка, вздрогнув, вспыхнула. Потом снова удар — и пламя охватило уже вторую машину. Четвертый „фердинанд“ подбили гранатами пехотинцы из батальона Смолякова».

Почти сутки 96-я и 50-я гвардейские стрелковые дивизии дом за домом, улицу за улицей очищали город от врага. Ветер поднимал пепел и горевшие листы книг, газет. Горожане выходили из подвалов и убежищ бледные, почерневшие, но со счастливыми улыбками.

В тихом переулке меня тоже поджидала большая радость. Мне удалось найти родную сестру и племянницу. Я уже не надеялся увидеть их живыми. И вот они передо мной. Старшая сестра Марина одной рукой обняла меня, другой дочку.

— Саша, братишка милый! — ее душили слезы.

Белый платок упал на исхудавшие плени, и и увидел пряди поседевших волос. А рассказ ее дополнил то, что и без слов можно было попять…

В городе немцы хозяйничали как хотели. Каторжный труд, порки, казни и убийства преследовали наших людей. Девушку Раю Соловейкину расстреляли за то, что она на минутку оторвалась от работы. За сочувствие партизанам повесили Николая Приходько и девятнадцатилетнего Ваню Червитченко.

К нам подошел мальчик Юра Попов и передал мне гранату на длинной ручке:

— Бейте фрица его же «толкушкой»!

А вскоре Юра оказался в пулеметном расчете Иванова. Смелый мальчик подменил Березникова, который теперь возглавил другой пулеметный расчет.

8 сентября — в день освобождения Сталино — многие жители просились в воинские части. И у всех добровольцев глаза горели ненавистью к тем, кто принес им столько горя, страдания.

Гвардейцы-иловайцы шли по улицам. Над городом еще полз горький дым пожарищ, черное пламя лизало бетон и железо заводских корпусов, корчилась в огне растерзанная улица Артема, а на тротуарах уже толпы — мужчины, женщины, дети. Они обнимают, целуют бойцов, говорят: «Как мы вас ждали!..»

Стройные ряды воинов нарушились. Но что из этого, когда народ ликует от радости, когда за плечами солдат — крылатая слава, когда им в лицо дует ветер с Днепра.

К 20 сентября сорок третьего года вся горняцкая земля была очищена от немецко-фашистских войск.

Донбассовцы свято чтут память советских воинов, погибших

за освобождение их края. Исполком Совета депутатов трудящихся города Снежное постановил впредь первомайские и октябрьские демонстрации трудящихся города и района проводить у памятника на Саур-Могиле.

Высокий обелиск, воздвигнутый на кургане, увековечил имена семнадцати героев-гвардейцев.

Глава шестая
ЗДРАВСТВУЙ, ДНЕПР!

1

На бортах машин все чаще стали мелькать надписи: «Даешь Днепр!» Но на пути к великой реке была еще одна небольшая речушка с мирным названием Молочная.

Это последний водный рубеж, пересекающий запорожскую степь с севера на юг. Здесь немцы укрепились сильнее, чем на Миусе. Отсюда дороги шли в Крым и к берегам Днепра.

Командование нашего фронта поставило перед нами задачу — тщательно изучить полосу укреплений на Молочной. По этому поводу я пригласил к себе в блиндаж начальника полковой разведки Николая Михайловича Виноградова. Повар Володя принес нам пару стаканов крепкого чая. Я знаю, что Виноградов любит этот напиток. Позвякивая ложечками, мы ведем деловой разговор. Мой собеседник — щупленький, с каштановыми волосами — говорит медленно. Он не склонен преувеличивать силы противника и все же его оборону по Молочной окрестил «дьявольская крепость».

Вчера в штабе полка допрашивали пленного офицера. Я пришел в тот момент, когда «язык» нарисовал на бумаге голову буйвола и дважды многозначительно повторил одно и то же слово — «Вотан!». Я не понял смысла его информации, а спросить переводчика постеснялся. И вот сейчас Николай Михайлович разъяснял мне, что это такое. Вотан — в древнегерманской мифологии верховное божество — бог ветра и бурь, позднее бог войны. Языческий культ бога Вотана фашисты противопоставили христианству, как религии иудейского происхождения. Знак Вотана — изображение головы буйвола.

— Вот немецкое командование и назвало рубеж по реке Молочная линией Вотана. Понимаете, Александр Андреевич? Тут сам верховный бог взял под свою защиту гитлеровцев!

— И что же Вотан подбросил своим почитателям?

— Сущие пустяки, — улыбнулся Николай Михайлович, — например, триста сорок вагонов колючей проволоки, затем…

И он начал перечислять все, чем располагала неприятельская оборона. Правду сказать, цифры ошеломили меня.

К прорыву этого рубежа мы готовились основательно и протаранили его с великим трудом. Бои были тяжелые, кровопролитные. Немцы действительно дрались здесь как буйволы. И все же наши богатыри одолели «рыцарей Вотана». Только наш полк уничтожил свыше тысячи трехсот фашистских солдат и девять танков.

Пленный обер-лейтенант все разводил руками и охал. Он не мог понять, как русские смогли одолеть неприступную крепость. Ему Виноградов напомнил:

— А как новгородцы под водительством Александра Невского разбили непобедимых ливонских рыцарей? Ведь они, ваши предки, тоже верили, что изображение буйвола на щитах и рога на шлемах спасут их от погибели. Ваша стратегия с гнилым корнем: вы всегда до фанатизма верили и продолжаете верить, что ваше оружие магическое, непобедимое, освященное самим Вотаном. А Вотан, как видите, утонул на дне Молочной.

Мы засмеялись. Офицер промолчал. Он с интересом посмотрел на худощавого русского командира. Ведь ему, воспитаннику вермахта, с детских лет внушали, что Иван — болван. А тут полковой разведчик, типичный Иван, с простым открытым лицом, со славянской округлостью в глазах, своими вопросами и репликами явно загнал чистокровного арийца в тупик.

Но особенно обер-лейтенант выпучил глаза, когда Виноградов поправил пленного, когда тот, приведя широко известное высказывание, приписал его не тому автору.

— Нет, ошибаетесь, — сказал Николай Михайлович, — этот афоризм принадлежит не фельдмаршалу Мольтке, а Клаузевицу. Мольтке лишь перекроил его на свой лад: «Политика, к сожалению, неотъемлема от стратегии…»

Через день обер-лейтенант, уже на допросе в штабе армии, признался, что они, занимаясь в военной академии, прекрасно изучили военную топографию русской земли, но совсем не вникли в душу русского человека, за что и поплатились.

Запорожская степь — сплошная равнина: ни лесочка, ни рощи. Места мне знакомые. Это здесь в тяжелую годину мы попали в окружение. Тут я, Ковалев, Курдюков и Калинкин попали под танки Клейста.

Жаль, что сейчас рядом со мной нет Курдюкова. Где-то он сейчас?

На Гуляй-Поле мои глаза невольно искали холмик недалеко от станции Пришиб. Тут остался мой друг Федор Андреевич Ковалев. Мы отомстили за него. А главное, сдержали слово — вернулись…

Вдруг на степной глади в стороне Ивановки зачернели три точки. Они росли. По этому пути в тот трагический день на «эмке» мчался командующий 18-й армией генерал Смирнов. Кучерявый, который вернулся из санбата, посмотрел в бинокль.

— Солдаты…

— Наши или фрицы? — заинтересовался я.

— Кажется, наши…

Я не встречал немцев, выходящих из окружения. Фашистское войско в отличие от нашего напоминает армию наемных солдат. У них строгий, раз и навсегда заведенный порядок: умри, но обедом накорми вовремя; умри, но дай солдату выспаться; умри, но обеспечь наступление поддержкой танками, артиллерией и самолетами. Без офицера солдат не знает что ему делать.

Я убедился, что на войне любая, даже самая образцовая схема управления войсками, любой план сражения или распорядок фронтовой жизни не должны переходить в шаблон. Сила, действующая по трафарету, не имеет успеха.

Наши разведчики, зная пунктуальность немцев во всем, смело действовали в часы их обеда и сна. Наши командиры, зная излюбленные приемы вражеской тактики, нередко использовали это в своих интересах.

Мышление советских воинов гибче, тоньше. И это сказывалось во всем, даже в военной пропаганде. Немецкие листовки, газеты, подделанные под советские, выпускались настолько грубо, топорно, неумно, что вызывали лишь смех над их сочинителями.

Обо всем этом я успел подумать, пока Кучерявый смотрел в бинокль. Но вот он его опустил и предложил махнуть на «козлике» навстречу трем неизвестным воинам. Ими оказались Иванов и братья Кругловы. Их потянуло к месту давней трагедии. Тогда соединения Клейста решили судьбу нашей армии не без авантюризма. Ведь они прорвались к нам в тыл одними танками да машинами, груженными боеприпасами и бензином. Пехоты не было. И окажись гут наши артиллерийские заслоны и другие

противотанковые средства, врагу бы несдобровать. А у нас даже радиосвязь не сработала как следует.

Наш «козлик» остановился там, где братья Кругловы один на один встретились с немецкими танками. Павел и Михаил рассказали Иванову, как вывернулись из-под гусениц.

Мы помянули добрым словом Андрея Курдюкова, который научил Кругловых да и многих других бороться с танками, и разошлись.

96-я гвардейская стрелковая дивизия держала путь к никопольскому плацдарму, который немцы все еще удерживали на левом берегу Днепра. Наш полк временно находился во втором эшелоне, что нам и позволило совершить небольшую экскурсию к месту прежних боев.

Теперь наши роли переменились: мы наступали, а противник отходил. Однако он был еще сильный.

Его 9-я и 17-я пехотные дивизии прочно зацепились за левый берег Днепра, и столкнуть их в реку не так- то просто. Пленный солдат Отто показал, что у них много и орудий, и танков.

Ставка вермахта еще на что-то надеялась: плацдарм сохранялся для «решающего контрнаступления на Донбасс».

Однако ни приказы Гитлера, ни мощные укрепления, ни февральская грязь — ничто не спасло фашистов. Они были сброшены в Днепр.

Правда, первая наша атака не принесла успеха. Мы понесли большие потери и отошли. Комдив предоставил нам ночь на подготовку. Но солдаты рвались в бой вечером. Я обратился к комдиву с просьбой разрешить повторить атаку с наступлением темноты. Он не стал возражать.

Ночные удары решили исход борьбы в нашу пользу.

Верховный Главнокомандующий за ликвидацию никопольского плацдарма объявил благодарность всему личному составу фронта, который теперь именовался 4-м Украинским.

3

Вечерняя зорька уже догорала, когда лейтенант Кучерявый, забравшись на голый тополь с разбитым скворечником, радостно закричал:

— Вижу Днепр! Товарищ подполковник, Днепр! Рукой подать…

Под деревом повар Володя, орудуя финкой, вскрывал консервную банку. Он попросил Василия:

— Так принеси водички к чаю!

Со стороны чудом уцелевшей хуторской хаты донеслась раздольная украинская песня:

Рэвэ та й стогнэ Днипр широкий…

Это запел Петр Сигал. Ему подыгрывал на гармошке Масюк. Они явно настроились отдохнуть. Да все мы не против плотно поесть, побаловаться чайком и как следует выспаться.

Однако не успел Володя накрыть «стол» под крышей полуразрушенного сарая, как прибежал радист и передал мне срочную радиограмму от нового командира дивизии Сергея Николаевича Кузнецова. Энергичный слог приказа подсказал мне, что теперь ни нам, ни врагу не будет передышки.

Вот его текст: «Преследование противника не прекращать. Вперед стремительно. Направление — Зеленая Вторая, Малая Лепетиха, Ново-Александровское, Предусмотреть средства для форсирования Днепра с ходу. Захватить на правом берегу плацдарм, на участке Н. Рогачик и сев. Каиры».

Начальник штаба быстро развернул карту. В указанном районе ширина реки до семисот метров. А у нас никаких переправочных средств.

— Один выход, — заключил Иван Алексеевич Алехин, — навалиться на плечи противнику…

Я думал об этом же. И как ни соблазнял нас Кучерявый подогретыми консервами, мы с начальником штаба, хотя и были голодны, немедленно вызвали вернувшегося в полк после ранения командира 2-го батальона Александра Ивановича Смолякова и втроем стали разрабатывать план преследования.

Из хаты с разбитыми стеклами все еще доносилась песня.

Пели минометчики, которые будут поддерживать батальон Смолякова. Внезапно мелодия оборвалась. Видимо, ее прервал командир, чтобы сообщить бойцам задачу.

«Ничего, — подумал я, — допоют на правом берегу Днепра».

А германское командование и Днепровский вал объявило неприступным.

Что говорить, водный рубеж в самом деле размашистый. А тут еще погода подкачала. Мы рвемся к Днепру, каждая минута на счету, а дождь все дороги размыл. Кругом грязь, бурные потоки. Было легче ногу вытащить из сапога, чем сапог из грязи. Шинели тяжелым грузом давили плечи. Их выжимали, выкручивали. Машины буксовали. Липкий чернозем забивал ходовую часть танков.

Начальник артиллерии майор Овтин доложил мне, что темп продвижения орудий пятьсот метров в час.

Чувствую, что с утра не сумеем форсировать Днепр. День уйдет на поиски скрытых подходов к реке, подтягивание подразделений, сбор переправочных средств. Пока у нас было всего восемь полупонтонов, захваченных батальоном Смолякова у немцев.

Алехин сказал, что полковой инженер нашел в Верхнем Рогачике местного жителя, который знает, где спрятано около двадцати лодок рыболовецкого колхоза.

Этих средств мало. При таком положении форсировать Днепр лучше было ночью. Со мной соглашаются замполит Олейник и начальник штаба Алехин. Сказал им, что надо сделать в первую очередь, а сам на «виллисе» направился к балке, где бойцы Смолякова вышли к Днепру. Через каждые триста — четыреста метров машина застревала, и автоматчики помогали ее вытягивать.

Наконец добрался до берега реки. Там увидел новенькие трофейные лодки. Командир саперного взвода лейтенант Шерстнев, вытирая рукавом мокрое лицо, познакомил меня со своим «хозяйством».

— Товарищ гвардии подполковник, если вода тихая, то, пожалуй, каждая по пятнадцать бойцов выдержит…

Я подсчитал, и вышло, что нужны еще переправочные средства. Распорядился добыть. Затем вошел в широкую полосу камыша. За сухими желтыми стеблями проглядывала вода. На ней всплески от автоматной очереди. Пули не долетали до зарослей. Это неплохо, но какая тут глубина? Лодка сразу пойдет или придется тащить по мели?

Комбат тоже не знает. Он еще не замерял. Подползаю к группе бойцов и выясняю, кто из них умеет плавать.

— Я бывший моряк, — отозвался солдат с крупными чертами лица и, не поднимаясь, слегка козырнул: — Гвардии рядовой Бобров.

— А ну-ка разведай, где тут по шею, а где с головой, — поставил я ему задачу и удивился тому, с какой быстротой Бобров разделся.

Противник держал наш берег под обстрелом крупнокалиберных пулеметов. В полный рост идти было рискованно. Бобров, нагой, перевалился через бруствер и, как бревно, скатился к урезу воды. Он немного прополз по мелкому месту, потом скрылся с головой. Но вот показались его руки, за ними — черная голова.

— Ну как? — нетерпеливо спросил я.

— Метра два с половиной, — ответил Бобров.

— А ну давай дальше, метров на пятьдесят.

Несмотря на стужу, он, набрав воздуха, снова скрылся под водой. Морская закалка пригодилась воину. Он добросовестно обследовал довольно большой участок. Место оказалось подходящим для отвала переправочных средств.

Бобров приполз в окоп весь измазанный суглинком. Друзья растерли его. Когда он стал одеваться, шальная пуля попала ему в бедро. Мы оттащили Боброва в укрытие, где ему оказали первую помощь, затем отправили в медпункт. В тот же день Бобров был представлен к награде.

Весь день мы готовились к ночным действиям. Мне вспомнилась осень сорок первого года, когда наши подразделения переправлялись через Днепр и разбили в Горностаевке румынскую бригаду. Прошлый опыт пригодился…

По моему указанию полковой инженер капитан Бакунов разобрал два сарая и саперы сделали небольшой паром для переправы батальонной артиллерии.

В полдень над нами пролетела «рама» — верная предвестница артобстрела или бомбежки. Я приказал— всем батальонам соблюдать предельную маскировку. Командир 1-го батальона капитан Страшевский не успел увести подразделение с полевой дороги, и оно попало под обстрел вражеской артиллерии.

Справа от нас к Днепру вышли части 50-й гвардейской стрелковой дивизии. Утром один из полков соседей попытался форсировать реку, по безрезультатно. Враг встретил его с берега и острова массированным огнем. Мы к этому времени завершили рекогносцировку. Выяснилось, что в этом месте в Днепр вливаются Конка и Писпильня, а между ними находится остров, который противник превратил в боевой форт.

Правда, обойти его нетрудно, но с правого берега он прикрывался подразделением, расположенным в Михайловке. Я попросил комдива помочь нам — блокировать огнем этот населенный пункт.

С. Н. Кузнецов усилил наш полк 234-м гвардейским артиллерийским полком. Им командовал Владимир Васильевич Роскошный. Он еще на реке Миус и на Саур-Могиле показал образцы взаимодействия с пехотой. Рослый, с крупными чертами лица и темными волосами, он одной своей внешностью вселял веру в «солидную поддержку». Характер у него был веселый. В тихие минуты Владимир Васильевич любил попеть. Особенно хорошо исполнял он песни «Темная ночь» и «Давай закурим».

Майор Роскошный отлично знал этот край. До войны он объездил всю Украину, часто бывал в Крыму, где жила его мать. С ним я часто советовался, как лучше приспособиться к местности.

Вот и сейчас Владимир Васильевич одобрил мой выбор участка переправы и обещал подавить орудия противника, замаскированные в садах Михайловки.

Пять дивизионов полка ползли по грязи как улитки. Роскошный обещал, что к вечеру они займут огневые позиции. И, как всегда, сдержал слово. Ровно в восемь он доложил, что орудия уже стоят на месте и пристрелялись. К этому времени и артиллерия полка была готова к выполнению задачи.

Люди потрудились крепко, устали, и я дал им возможность отдохнуть. Форсирование назначили на полночь.

Два часа из оставшегося времени мы с Алехиным использовали для организации взаимодействия внутри части.

1-м батальоном командовал капитан Страшевский. Он старался всегда обходиться своими силами и почти никогда не просил поддержки или помощи. Я направил в его батальон замполита полка Олейника.

2-й батальон возглавлял ветеран части Смоляков. У него храбрость сочеталась с осторожностью. Задачи он выполнял всегда с некоторым запозданием. Поэтому я решил переправиться на правый берег вместе с ним. Сегодняшняя операция требовала точности во всем.

В командование 3-м батальоном временно вступил капитан В. А. Сурков. Василий Алексеевич очень быстро показал себя с самой лучшей стороны, и я не случайно поручил этому подразделению первым форсировать Днепр.

Когда время стало приближаться к двенадцати, Сурков направился к воде. Неуклюжий, мешковатый, он казался ленивым, настороженным до трусости. А на деле в момент опасности Василий Алексеевич обычно действует энергично, дерзко, находчиво. Я за него не волновался.

Он говорит:

— Товарищ командир полка, как только достигнем берега — дам сигнал…

В темноте я не видел его лица, но по голосу чувствовал, что Сурков уверен в успехе.

3-й батальон погрузился на лодки и поплыл…

Потянулись томительные минуты. Все, кто в этот час были у реки, до боли в глазах всматривались в черную даль. Каждый шорох, всплеск напрягал наши нервы до предела. Только бы не заметил враг, только бы взвилась зеленая ракета.

А вот и она! Вслед за нею днепровскую ночь прошила длинная трассирующая очередь.

— Сурков высадился!

Мой голос заглушила артиллерийская канонада. Наши

орудия ударили по вражеским позициям.

Переправа началась. Неприятель яростно огрызался. От множества огней, отраженных в реке, стало светло. Между лодками вздыбились фонтаны воды, засвистели осколки.

Противник, очевидно, решил немедленно сбросить десант в Днепр. На батальон Суркова обрушились мины, гранаты, автоматный ливень. Но бойцы стремительной атакой потеснили гитлеровцев и прочно зацепились за берег. Тотчас же к ним на помощь поспешили батальоны Страшевского и Смолякова. Я отправился вместе с ними.

Через некоторое время рядом с лодкой, в которой кроме меня находились адъютант Кучерявый, радист Литвинов и два связных, раздался взрыв. Взметнувшаяся волна захлестнула нас. Один солдат оказался за бортом. Мы втащили его в почти затопленное суденышко. Раненых не оказалось. Кое-как тряпьем заделали пробоины и чем попало принялись вычерпывать воду.

Река кипела от снарядов и мин. Мимо проплывали доски, разбитые плоты, люди…

Наконец достигаем берега, выскакиваем на него, ищем укрытие. Рация цела. Литвинов докладывает:

— На волне — «Третий».

«Третий» — это Сурков. Он в двух-трех словах сообщает самое главное. Первая позиция обороны противника прорвана. Слева батальон Страшевского, справа— Смолякова. Плацдарм по фронту полтора километра…

Продвигаемся вперед. На колючей проволоке доски, шипели и несколько убитых гвардейцев. Дальше — минное поле. Нас обгоняют только что переправившиеся вплавь. Мы тоже прибавляем шаг. Бой в разгаре. Полк продолжает теснить немцев и к половине пятого утра подходит к Михайловке.

Первая часть задачи выполнена. Теперь нужно принять меры, чтобы удержать отбитое.

Вот она, Правобережная Украина! Давно ли здесь зрели богатые урожаи, а девчата и парубки выходили вечерами на днепровские кручи попеть, полюбоваться закатами? Оккупанты оплели землю колючкой, молодежь угнали на каторжные работы в Германию, а нас пытаются утопить в реке. Но этому не бывать.

Утром саперы наладили паромную переправу. Первыми ею воспользовались артиллеристы, затем минометчики.

Все усилия полка я направил на захват дороги Украинка — Ново-Александровка.

Радист Литвинов доложил, что меня вызывает командир дивизии. Переключаюсь на его волну и получаю приказ: сломить сопротивление противника в опорном пункте Михайловка.

Перед нею окопался батальон Страшевского. Пытаюсь связаться с ним, но его рация молчит. Что случилось? Литвинов переключился на запасную волну, и опять безрезультатно.

Дал команду Суркову и Смолякову выйти на рубеж Писпильня. Тем временем Кучерявый узнал, что Страшевский по-прежнему ведет бой на окраине Михайловки. Но почему с ним прекратилась связь? Посылаю связного. До Михайловки два километра. Подтягиваю другие батальоны, минометчиков и противотанковую батарею поближе к Страшевскому.

Когда гитлеровцы особенно сильно насели на него, наши орудия вдруг замолчали: кончились снаряды. Паром с боеприпасами почему-то плывет вниз по течению. Видимо, случайные осколки убили тех, кто им управлял. К счастью, паром прибило к правому берегу, где находились гвардейцы. Они на руках, на плечах по грязи несут снаряды на огневые позиции.

Михайловка все еще в руках фашистов. Они мешают работать переправе, ведут артиллерийский огонь по подходящим колоннам 50-й гвардейской дивизии.

Комдив запрашивает: «Кто в Михайловке? Почему не взята?» Я с ротой автоматчиков передвинулся к реке Писпильня. Гвардейцы пока занимают лишь окраину Михайловки. Противник не дает им поднять голову. Огневые точки гарнизона не подавлены.

Только к вечеру заговорили наши орудия и минометы. Но к этому времени и враг получил значительное подкрепление. Подразделениям Суркова и Страшевского пришлось не наступать, а отбивать атаки.

К ночи немцы несколько приутихли. С болью в сердце доложил комдиву, что Михайловка огрызается пуще прежнего. Генерал сказал: «Сейчас приеду».

Вскоре он появился на плацдарме. Это моя первая встреча с Сергеем Николаевичем Кузнецовым. В немецкий блиндаж, который я занял, он вошел в полной генеральской форме, подтянутый, плечистый. Свет от малюсенькой коптилки упал на его плечи, оставив лицо в тени. Я подготовился к разносу. Приказ не выполнил, противник контролирует переправу… В общем, ругать есть за что. От волнения у меня пересохло в горле, и я невнятно доложил генералу о положении дел.

Кузнецов вошел в полосу света, и я увидел его открытое лицо с приветливой улыбкой. У меня отлегло от сердца. Сергей Николаевич поздравил с победой…

— Теперь за вашим полком вся дивизия выйдет на простор Правобережья…

Он подал руку и неожиданно подмигнул:

— Еще раз поздравляю! Надевайте на погоны по третьей звездочке, товарищ гвардии полковник.

Только что меня знобило, а теперь бросило в жар. Я совершенно растерялся. Он усадил меня к столу, вынул портсигар и, угощая папиросами, незаметно перешел к деловой части.

Оказывается, он уже знал, что наш паром с боеприпасами не подоспел ко времени и что гарнизон Михайловки получил сильное подкрепление…

— Ваша задача — за ночь перетащить лодки с Днепра на Писпильню. А утром, подтянув орудия и минометы с боеприпасами, с трех сторон охватить Михайловну…

Есть люди, которые одним своим присутствием, словом вносят спокойствие, радостное настроение и желание преодолеть все препятствия. От их воздействия любое задание становится преодолимым. Таким был и генерал-майор Кузнецов.

Последующие встречи с ним окончательно убедили меня в этом. Отдавая то или иное приказание, Сергей Николаевич тут же советовал, как лучше его выполнить. Его дружеский упрек за какую-нибудь провинность действовал сильнее разноса. В обращении с нами он был прост, радушен, но никогда не изображал добрячка. Свои знания, богатый опыт щедро отдавал другим. Мне и сейчас часто вспоминаются его занятия или разборы учений, проводимые им перед боем. Мы, командиры, высказывали разные решения. Одни — толковые, другие — не очень, а третьи — совсем неумные. Однако не было случая, чтобы он кому-нибудь сказал: «Ваше решение глупое». Терпеливо выслушав, Кузнецов обычно замечал: «Мне кажется, в данной обстановке лучше всего принять такое решение. И вот почему…»

И каждому из нас были видны свои недостатки.

Генерала любили и уважали все. Когда его наградили орденом Ленина, вся дивизия чувствовала себя по-праздничному. Все мы, от командира до рядового, в тот день брились, стриглись, приводили в порядок обмундирование.

После его приезда к нам саперы быстро перетащили лодки на Писпильню. На рассвете началась переправа через стометровую ширь реки.

Враг поджидал нас и сразу же открыл ураганный огонь. При форсировании погиб Валерий Иванович Страшевский. Много бойцов утонуло. И все же противник не смог сдержать наш натиск. Михайловну ему пришлось оставить.

Пехоте крепко помогли артиллеристы Роскошного. Находясь в первых рядах наступающих, командир полка сам корректировал огонь.

Мы с заместителем по политической части Олейником тоже

находились среди солдат и вошли в горящее селение вместе с первыми подразделениями.

В самый критический момент боя 3-я стрелковая рота осталась без командира. Его заменил заместитель командира 1-го батальона старший лейтенант Прошкин и успешно отбил танковую атаку противника.

Дом за домом, квартал за кварталом освобождалась Михайловка. Враг то и дело контратаковал. Был такой момент, когда мы наскочили на огнеметные танки. Я не успел спрятаться за угол глинобитной мазанки, как машина появилась прямо передо мной. Лязгая гусеницами, она надвигалась, страшная, огнедышащая.

Вдруг из пылающей хаты выскочил незнакомый боец и бросил связку гранат под танк. Машина дернулась и закружилась на месте.

Герой не успел уйти от смертоносной струи, сгорел. Я так и не узнал фамилии своего спасителя.

Наконец противник стал сдавать, попятился назад. Наши артиллеристы отрезали ему путь. Отрезали навсегда.

Грязные, усталые, обгоревшие, в окровавленных повязках. гвардейцы закреплялись на новых позициях. Едкий дым, стлавшийся по селу, затруднял дыхание.

В этом бою мы понесли большие потери.

После войны погибшим за освобождение Михайловки благодарные сельчане поставили памятник.

В полдень, когда еще не были подсчитаны трофеи и пленные, я доложил комдиву о взятии Михайловки. Сергей Николаевич поблагодарил за выполнение боевой задачи и дал понять, что теперь днепровский плацдарм открывает 5-й ударной армии дорогу к Южному Бугу.

Я невольно взглянул на карту, увидел извилистую ленту реки и треугольник железных дорог, где крупной точкой был обозначен центр Николаевской области.

4

Очень часто сражениям предшествуют местные бои за населенные пункты. Трое суток мы дрались за Украинку. Более десяти раз село переходило из рук в руки. И только в последнюю ночь февраля полк очистил его от немецкого гарнизона. Украинка догорала. Домов фактически не было. Однако мы все как-то особенно переживали радость нашей победы. Начштаба Алехин сказал:

— Украинка. Символично!

Приближался праздник 8 Марта. И парторг полка капитан Башкиров составил большой список наших героинь. В дивизионном клубе намечалось торжественное собрание, вручение наград, подарков и выступление участников художественной самодеятельности. «Бригаду, штурмующую души» возглавлял профессиональный певец Иван Павлович Донин. Он пришел в нашу дивизию из Государственного академического хора Союза ССР, руководимого А. В. Свешниковым.

К опытному и душевному руководителю тянулись способные, одаренные воины. Однако не все имели возможность выступать на сцене — «затирали» боевые дела. К участию в праздничном концерте Башкиров стремился привлечь как можно больше девушек. Пулеметчица Рая Халянина, например, с одинаковым мастерством владела и «максимом» и художественным словом. Ока хорошо читала стихи. Но на этот раз ей некогда было ходить на репетиции.

— Вы уж без меня, — попросила Рая.

В нашей части было немало женщин, которые наравне с мужчинами тянули лямку войны, проявляли героизм. Москвичка Лидия Соболева пришла на фронт добровольцем и охотно возглавила работу санитаров на переднем крае. Ни опасность, ни холод, ни грязь, ни число раненых — ничто не пугало ее. Все бойцы полюбили эту мужественную девушку. Однажды ее задел осколок. Но она не ушла с поля боя, а продолжала перевязывать раненых.

Лида мечтала послушать пение Ивана Павловича Донина. Однако получилось так, что в тот день надо было дежурить возле тяжелораненого гвардейца. И Соболева добровольно осталась в санбате.

А сколько заботы и любви дарили больным славные санитарки Зина и Вега, фельдшер Козеева, младший врач полка Нина Павловна Воскресенская! Многие девушки спасали жизнь воинам, отдавая им свою кровь. Так, на берегу реки Миус раненый лейтенант, потеряв много крови, впал в шоковое состояние. Консервированной крови не оказалось, тогда санинструктор Катя Харькова дала свою… Она же в трудную минуту пришла на помощь и известному в нашей армии разведчику Василию Гостеву.

Телефонистку Лидию Корневу наградили медалью «За боевые заслуги». Во время одного из ее дежурств немцы открыли сильный огонь из тяжелых минометов. Блиндаж, в котором размещалась телефонная станция, буквально шатался, сквозь

бревенчатый накат сыпалась земля, разрывы глушили Корневу. Стол и телефонный аппарат ходили ходуном, а Лида продолжала держать связь между штабом полка и батальонами.

Да, нашим женщинам мужества не занимать.

Еще ярче они проявили себя в тылу. Кто бы только подсчитал, сколько мужчин смогли взяться за оружие благодаря тому, что женщины пришли на заводы, работали в колхозах!

Международный женский день мы отметили хорошо. Был доклад, состоялся интересный концерт. Только я на нем расстроился.

Когда по просьбе зрителей сводный хор исполнил популярную в то время песню «Катюша», я ушел. Слова ее «Поплыли туманы над рекой» напомнили мне о гибели Страшевского. Ведь раненый комбат утонул потому, что совсем не умел плавать. И я стал думать над тем, что в подготовку офицерского состава следует ввести железное условие: сто метров не проплыл — не выйдешь из училища. Можно смириться с такой гибелью солдата, которого мобилизовали, научили стрелять из винтовки, бросать гранату и — быстро на фронт. Но ведь Страшевский окончил военное учебное заведение. Кто же теперь в ответе за его смерть?

Недаром говорят, что беда одна не приходит. В эти дни враг отнял у нас еще одного героя. Пуля сразила командира 2-го батальона Александра Ивановича Смолякова.

Подразделение атаковало хутор Костромин. Телефонной связи не было, и капитан руководил ротами, находясь на поле боя. И даже когда уже был ранен в грудь, закрывая ладонью рапу, он продолжал управлять батальоном. Лишь в конце атаки Александра Ивановича оставили силы, и он рухнул на землю. Посмертно его наградили орденом Отечественной войны. Это был шестой его орден.

В час похорон Смолякова ко мне подошли его солдаты Иванов и братья Кругловы. Глаза их были сухие, но говорить они не могли. Только по тому, как они сжимали в руках автоматы, было ясно, что эти люди отомстят за любимого комбата.

Чуя свою погибель, гитлеровцы все больше зверели. В Чернополье они с факелами рыскали по селу, поджигали дома. Людей, загнав в стог сена, тоже подпалили. В тех, кто пытался бежать, — стреляли. Так погибли пятьдесят пять ни в чем не повинных чернопольцев.

Зверства фашистов накаляли души бойцов, и они били врага нещадно.

На подступах к Николаеву противник сильно окопался в поселке Детская Коммуна. Бой затянулся. На второй день к

немцам подошла помощь. И все же они были разбиты.

Помогли разведчики Сергея Кораблева. Они отыскали неприкрытое болото, которое неприятель, видно, считал непроходимым. Под покровом ночи капитан Василий Сурков провел через него две роты, а утром внезапно ударил во фланг обороняющимся. Зажатые в «клещи», они не устояли и побежали на запад. Путь на Николаев был открыт.

Из всех рубежей, пройденных нами, николаевский самый совершенный. И это объясняется не только тем, что Николаев — один из крупнейших промышленных центров юга Украины, что он железнодорожный узел и морской порт, но и гем, что николаевский рубеж прикрывал Одессу и Крымский полуостров.

От судьбы Николаева зависела судьба немецких группировок, сосредоточенных на южном приморском фланге. Поэтому противник заблаговременно создал на подступах к Николаеву четыре сильно укрепленных оборонительных обвода, а вдоль всего переднего края обороны установил проволочные заграждения, в три- четыре ряда металлических кольев, заминировал все подходы к предполью.

Из штаба армии Н. М. Виноградов привез схему вражеской обороны. Начальник полковой разведки подробно рассказал о характере укреплений.

Первый обвод проходил несколько восточнее Гороховки, полигона и продолжался далее на юг…

— Он состоит, — пояснял Николай Михайлович, — из систем прерывчатых траншей глубиной до двух метров, со стрелковыми и пулеметными ячейками, блиндажами, перекрытыми толстыми листами котельного железа, взятыми на местном судостроительном заводе, двутавровыми швеллерами и железобетонными плитами…

Второй обвод тянулся юго-восточнее железнодорожной станции Гороховка и поселка Водопой.

— Здесь система укреплений примерно такая же.

Третья линия прикрывала западную окраину Мешково-Погорелово.

— И тут та же картина. А вот четвертый рубеж! — Виноградов провел карандашом через городское кладбище до берега Бугского лимана. — Противотанковые рвы, металлические ежи и надолбы высотой до полутора метров. Затем окопы, дзоты и минные поля… Огневых средств — уйма.

Николай Михайлович на минуту умолк, потом добавил:

— Кстати, показания Отто подтвердились. У них новая противотанковая граната «Бленд-кернер». Что значит ослепляющая и удушающая. Это стеклянный сосуд яйцевидной

формы. Но не думаю, чтобы она удержала наши танки.

5-я ударная армия наступала во взаимодействии со 2-м гвардейским механизированным корпусом, которым командовал мой однофамилец генерал-лейтенант К. В. Свиридов. В это соединение входила испытанная в боях 37-я танковая бригада.

Да и общая обстановка на юге Украины сложилась для нас благоприятно. Теперь нам не приходилось беспокоиться за правый фланг. Там успешно наступали войска 3-го Украинского фронта.

Красные стрелы на картах устремились к Николаеву не только по суше, мы еще взаимодействовали с моряками Черноморского флота. Это была хорошо продуманная операция. Она-то и определила успех всех наступающих частей, в том числе и нашего полка.

5

Надвигалась ночь. Над передним краем обороны навешивались первые «фонари». Они освещали впереди нас мартовские лужи и непролазную грязь. Весенняя распутица явно не ко времени. Но шутки гвардейцев не прекращаются. Кучерявый смеется:

— Говорят, мина, намокнув, становится добрее!

У Василия смышленые, чуть раскосые глаза. Он подмигивает повару.

— Володя, ты продумал меню в честь освобождения Николаева? Суп судостроительный, котлеты по-николаевски, а на третье — «гвардейский салют», — он пальцами изобразил чарочку.

Этот разговор происходил буквально за несколько минут до атаки. Я давно заметил, что бывалые воины перед боем никогда не говорят о нем.

Ровно в десять вечера передовые подразделения полка завязали бой на окраине поселка Водопой. Второй обвод оказался действительно мощным барьером. Продвигались мы тут метрами.

Только к восьми утра батальон капитана В. Суркова прорвался через все «рогатки». Исход боя решили наши «боги войны» — артиллеристы и минометчики.

Особенно отличилась рота 82-мм минометов, которой командовал Александр Иванович Богуславец. Офицерское звание он получил на войне. Его боевая учеба проходила на полях сражений начиная с Подмосковья. В полку его знали как минометного снайпера, отличного футболиста и веселого

человека.

Сейчас Александр Иванович живет в своем родном городе Киеве. У него жена, дети и самый дорогой сосед— однополчанин Петр Григорьевич Сигал. Все бывшие «боги войны» — Юрченко, Богуславец, Овтин и Сигал — переписываются, навещают друг друга, дружат семьями и меня не забывают. Их письма помогли мне восстановить многие события.

На подступах к Водопою в одном из полуразбитых домов секретарь комсомольской организации полка гвардии капитан Мартынов собрал заседание комсомольского бюро. На повестке дня один вопрос — о задачах комсомольцев полка в боях за освобождение города Николаева. Каждый из членов бюро представлял серьезность вопроса. Предшествующие схватки с неприятелем показали, что везде и всюду он обороняется упорно.

Докладчик говорит, что гвардейцы не раз отличались в боях за освобождение Родины. Сотни комсомольцев награждены правительственными наградами.

— Вспомните героев Саур-Могилы, разведчиков Сергея Кораблева, молодых воинов первого батальона, которые первыми форсировали Днепр, — обращается к присутствующим Мартынов. — Они должны быть примером для каждого из нас.

Вожак молодежи призвал членов бюро сделать все, чтобы приумножить боевую славу своего полка, чтобы во время штурма Николаева комсомольцы были в первых рядах атакующих.

После Мартынова слово берет командир взвода 2-й минометной роты лейтенант Миносян.

— Бойцы нашего взвода готовы метким огнем поддержать бой пехоты. Мы будем достойным примером для всех…

Сержант Пушкарев заверил бюро, что комсомольцы 5-й роты первыми ворвутся в Николаев.

Лейтенант Аня Козева, подавшая заявление в партию, торжественно сказала:

— Я клянусь, что оправдаю доверие комсомольцев полка, которые дали мне рекомендацию в партию… Не пожалею жизни ради освобождения любимой Отчизны.

Слово у Ани не расходилось с делом. Перед самым наступлением Козева была удостоена правительственной награды. Никто не сомневался, что и в боях за Николаев она будет в первых рядах.

Решение приняли короткое: воспитывать у комсомольцев смелость и решительность; личным примером увлекать вперед отстающих; приказ командира выполнять, не жалея жизни.

За эти пункты все члены комсомольского бюро проголосовали единогласно.

К вечеру 27 марта 293-й гвардейский стрелковый полк основными силами прорвался к окраинам Николаева и оказался перед надолбами четвертой полосы укреплений. Немцы все еще верили, что этот обвод русским не преодолеть, и оказывали ожесточенное сопротивление. Их авиация обрушила на нас сильные штурмовые и бомбовые удары.

Но, несмотря на все потуги противника, его «неприступный вал» продержался всего девять часов. К полуночи подразделения нашей части пробились на Херсонскую улицу. Бойцы батальона Суркова и Гарина действовали небольшими группами, прокладывая себе путь гранатами и автоматными очередями.

Пулеметчики Иванов и Лебедь установили «максим» на втором этаже одного из каменных домов и контролировали всю улицу. Их меткие очереди в любом месте настигали гитлеровцев, выбегающих на панель. Но вот в здании загорелась перегородка. Иванов остался у пулемета, а Лебедь бросился тушить пожар. Вооружившись железной трубой, он отбивал доски, срывал обои, боролся с пламенем.

Вдруг Николай Иванов крикнул;

— Не тронь, пусть дымит!

Лебедь заглянул в окно и сразу все понял. На перекрестке крутил башней вражеский танк. Он выискивал так мешавшую им огневую точку, но никак не мог определить, где находится расчет. На горящий дом немцы не обращали внимания. Клубы дыма заволакивали смотровые щели машины. Тогда откинулась крышка башенного люка. Только на миг высунулась оттуда голова офицера. Этой минуты Иванов ждал терпеливо. Он тотчас же нажал на гашетки, и фашист, как мешок, тяжело сполз вниз. Николай Иванов был так увлечен стрельбой, что не заметил, как под ним загорелся деревянный пол. Выход из пламени был только через окно. Лебедь связал две пулеметные ленты и спустился по ним на тротуар, затем принял от Иванова «максима». И только после этого внизу появился Николай Иванович, весь прокопченный, потный.

О том, как ему, северянину, удалось выдержать такую жару, Иванов потом не сказал ни слова, а вот что «максим» не перегрелся и работал безотказно — об этом он поведал мне с огромным удовольствием.

Бой продолжался. Командир дивизии приказал во что бы то ни стало захватить целым и невредимым мост через Южный Буг. Стали срочно формировать группу добровольцев. В это время на глаза мне попались братья Кругловы. Они вели пленного обер-лейтенанта и трехлетнего мальчугана, родителей которого расстреляли фашисты. Сиротку тут же взяли к себе медсестры. А

Михаил и Павел были включены в состав штурмовой группы. Старший Круглов и возглавил ее.

Мне было известно, что с моря в прибрежный район города высадился наш морской десант. Он бесшумно снял часовых и занял здание нового элеватора. Моряков было шестьдесят семь. Командовал ими старший лейтенант Константин Федорович Ольшанский. Группа отбила 18 атак противника, но и сама понесла тяжелые потери. В живых остались только десять матросов, и те раненые. Однако они еще вели огонь.

Я рассказал об этом Кругловым. Они заверили, что будут действовать так же смело и решительно.

Пробиться через боевые порядки неприятеля сразу не удалось. Решили подождать темноты. К вечеру одно из подразделений 3-го батальона выбило гитлеровцев из водонапорной башни. Пять уцелевших автоматчиков, засев в окопах, мешали передвижению гвардейцев. Комсомолец рядовой Скворцов незаметно подполз к ним и первым выстрелом уложил одного солдата. Это был последний патрон в автомате Скворцова. Он выхватил саперную лопатку, кинулся в траншею, и, прежде чем немцы опомнились, лопаткой нанес им смертельные удары.

Опускалась ночь. В небо все чаще стали взлетать осветительные ракеты. Во многих местах бушевали пожары. При такой иллюминации добровольцам во главе с Кругловым трудно было действовать. Их каждую минуту могли обнаружить. Вскоре генерал-майор Кузнецов снова вызвал меня к рации. Он потребовал как можно скорее захватить Варварский мост.

— Повторяю, взрыва не допустить. Захватить целым. Чего бы это не стоило!..

Я понял, что эту задачу нельзя решить только одной группой, и вызвал по радио капитана Гарина. Его батальон согласно плану операции должен был к утру выйти на берег Южного Буга. Александр Иванович дал слово, что будет так, как намечено. Одну роту он тотчас же направил в сторону реки.

Гарин стал комбатом недавно. Я еще не знал его хорошо и поэтому решил на всякий случай быть к нему поближе. Через час мы с начальником разведки Виноградовым и начальником артиллерии Овтиным заняли под наблюдательный пункт чердак трехэтажного дома, наполовину разбитого тяжелыми снарядами. Он располагался неподалеку от НП Гарина.

Рассвета ждали не смыкая глаз. И не зря. Как только первые лучи высветлили восточный край неба, Василий Кучерявый принес отрадную весть. Он сообщил, что 3-й батальон частью сил вышел к Южному Бугу.

Мы направили бинокли на мост. Он еще цел. Под ним

стелется туман. Даю указание Гарину, чтобы гвардейцы воспользовались естественной завесой.

— Рота старшего лейтенанта Ларина уже движется к мосту, — ответил капитан.

Со стороны набережной неожиданно ударили вражеские пулеметы. На отлогом берегу негде было укрыться от пуль. Первые ряды наступающих залегли, остальные попятились назад.

На мосту также задвигались какие-то серые фигурки. Это, видимо, саперы готовили мост к взрыву.

Пулеметчики Гарина перенесли огонь на них. Вражеские солдаты вынуждены были прекратить работу и укрыться.

Через радиостанцию начальника артиллерии я приказал Богуславцу подавить пулеметы на берегу. Один из них располагался в двухоконном домике, другой — под опрокинутой лодкой. Минометчики точно накрыли цели.

После этого я распорядился обстрелять подходы к мосту, где засели автоматчики.

В это время командир 6-й роты 3-го батальона старший лейтенант Шерстнев поднял бойцов и повел их вдоль набережной. С противоположной стороны неприятель открыл по гвардейцам минометный огонь. Десятки фонтанов земли и камней выросли перед красноармейцами. Наступила критическая минута. Пока наши артиллеристы нащупают вражеские позиции, их саперы успеют подорвать мост. Они уже переползли на безопасный для них конец сооружения.

Но к нам вовремя подоспели соседи. Вот с правого фланга застучал их пулемет, а следом за ним послышалась густая дробь автоматов. Разведчики 2-го мехкорпуса во главе с гвардии капитаном Субботкиным пошли в атаку.

Минеры, попав под перекрестный свинцовый ливень, кинулись бежать, бросая шнуры, зажигательные трубки, падая кто на фермы, кто в реку.

Мост удалось захватить целым. Остатки немецкого гарнизона, засевшего в Николаеве, оказались в безвыходном положении.

Батальон Гарина соединился с десантниками. Все шестьдесят семь моряков, погибшие и живые, за проявленный героизм были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Утром, когда солнце осветило Николаев косыми лучами, в одном из домов раздался последний выстрел. Это немецкий обер-лейтенант, помещик из Восточной Пруссии, пустил пулю себе в рот. Рядом с ним нашли парабеллум и догорающие документы.

28 марта над городом взвился красный флаг.

Бой затих, но ходить по улицам было опасно: многие

мостовые, тротуары, дома противник заминировал. Каждый неосторожный шаг грозил бедой. В этот день трагически погибли командир нашего корпуса гвардии генерал-майор Белов и начальник политотдела гвардии полковник Мартынюк. Их «виллис» наехал на противотанковую мину…

Вскоре центральная площадь заполнилась народом. Местные жители и воины-освободители собрались на митинг.

На только что сколоченной трибуне, украшенной флагами, выступали генералы и солдаты, секретарь Николаевского обкома и судостроители. Ораторы-рабочие благодарили воинов за освобождение, рассказывали о муках, которые им довелось пережить в черные дни оккупации.

Секретарь обкома И. М. Филиппов воздал должное героям, павшим в боях за Николаев. Он с гордостью помянул моряков-десантников, передал прощальные слова коммуниста гвардии сержанта Джукумбалиева, который, умирая, просил похоронить его в Николаеве. Дважды раненный, казах бился за город до последнего дыхания.

Здесь же погиб гвардии капитан Захар Иванович Пипенко — бывший секретарь ЦК комсомола Украины.

Чуть подняв вверх руку, Филиппов сказал:

— Почтим всех погибших минутным молчанием…

Траурную тишину нарушил только отдаленный стук: это саперы, разминировав очередной дом, прибивали на дверь дощечку: «Мин нет»…

Секретарь обкома призвал население как можно быстрее восстановить судостроительный завод и промышленные предприятия.

Митинг закончился знаменательно. По радио Москва поздравляла освободителей Николаева и салютовала двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий.

У многих из нас на глазах были слезы радости.

Николаев занимает особое место в боевом пути нашей дивизии. Здесь, в этом городе, мы распрощались со своим фронтом.

От Дона до Южного Буга, через Миус, Саур-Могилу, Донбасс и Днепр прошли гвардейцы Иловайской стрелковой дивизии. Наше боевое мастерство выросло, мы и впредь понесем с честью свое прославленное Знамя.

Наш полк приводил в порядок вооружение, пополнялся личным составом и боеприпасами. Иванов, радостный, деловито возился возле своего «максима». А братья Кругловы работали притихшие: они переживали свою последнюю неудачу — им так и не удалось прорваться к мосту. Павел говорил мне:

— Все б ничего… да вот ребят жалко…

Трое добровольцев не вернулись. Его чувство передалось мне. Стоя на берегу Южного Буга, я снова вспомнил о гибели Страшевского. Наконец мне стало ясно, почему тогда так получилось.

Еще на подступах к Михайловке майор П. С. Овтин предупреждал, что артиллерию нельзя переводить на новые позиции всю сразу. А на Писпильне получилось именно так. Поэтому форсирование проходило без артиллерийского прикрытия. Мартынов, Пышкин, Юрченко, Страшевский и многие другие вынуждены были бросаться в воду потому, что их теснили огнеметные танки. А будь орудия на месте, они не подпустили бы врага к реке.

Как легко совершить ошибку и как тяжело признаться в ней!

Глава седьмая
ГРАНИЦА ОСТАЕТСЯ ПОЗАДИ

1

риближалась третья годовщина войны. Мы встречали ее в непривычных для нас условиях. Наши глаза привыкли к южным степям, к твердой почве под ногами. И вдруг — бесконечные болота, бесчисленные речушки и непроходимые лесные массивы.

Дремучие леса Полесья казались таинственными, коварными, а топь бездонная не сулила ничего отрадного. Кое-кто из ветеранов полка глухо ворчал: «Чертова берлога! Тут и без боя увязнешь с головой!»

Умный и чуткий командир дивизии генерал-майор С. Н. Кузнецов решил переломить наше настроение. И вот в тени вековых дубов разместились командиры и политработники. Сергей Николаевич присел на пень, пустил пачку папирос по кругу, хотя сам не курил, и заговорил с нами на редкость просто, душевно.

Всю беседу я, конечно, не смогу воспроизвести дословно, однако основной ее смысл, пожалуй, передам. Сначала он сказал об успехах советских войск на всех фронтах, о том, что сейчас уже четко определилось главное направление…

— Я бы сказал, историческое! — Сергей Николаевич показал на землю, осыпанную солнечными пятачками.

Он напомнил, что именно здесь, в краю лесов, рек и болот, враги нашей Родины не раз пытались найти кратчайший путь к сердцу России, а находили обычно позор. Этим путем удирали войска Наполеона, кайзеровские генералы, польские паны. Тут же сверкают пятками и гитлеровские вояки…

— Откуда пришел, туда и ушел, — таков неизбежный конец

для всех «завоевателей» России.

Комдив улыбнулся, взглянул в сторону села Гороховище и снова обратился к нам:

— Счастливцы! Теперь вы понимаете, какая историческая миссия выпала на нашу долю? — Он снял генеральскую фуражку и начал рывками приближать ее к нам. — Вот Первый Белорусский фронт выдвигает вперед двадцать восьмую армию, армия — третий гвардейский стрелковый корпус, корпус — нашу девяносто шестую гвардейскую дивизию, а дивизия — это три полка. Так кто же впереди всех? Вы. Кто непосредственно бьет врага? Вы. И кто приносит славу дивизии, корпусу, армии, фронту? Вы.

И мы в самом деле почувствовали себя ведущими. Каждый командир части теперь гордился тем, что судьба забросила его на историческую военную магистраль, где начинались и кончались многие войны.

Беседу генерал закончил оценкой местности.

— С одной стороны, болото, конечно, укрепляет оборону врага, непроходимая топь лучше всякой проволоки. А с другой — именно эти трясины и лесные трущобы давали возможность местным партизанам проникать в тыл противника. А чем мы хуже партизан? — Кузнецов указал на широченный дуб. — Разве это не броня и не щит от самолета? Разве мы могли вот так собраться в степи?

Комдив прав. Нет худа без добра. В полк я вернулся в боевом настроении. Пригласил к себе заместителя командира полка по политической части подполковника Олейника, парторга полка капитана Башкирова. Я проинформировал их о совещании у комдива и ознакомил с задачами, которые должен был решать полк.

А на другой день мы собрали партийно-комсомольский актив. Мысль генерала о выдвижении армии, корпуса, дивизии я решил развить и сказал, что полк в свою очередь выдвигает вперед батальоны, а батальоны — роты, роты — взводы, взводы — отделения.

— В конечном счете кто впереди всех? Солдат! Кто непосредственно бьет врага? Солдат! И кто же в первую очередь приносит славу полку, дивизии, корпусу, армии, фронту? Все он — солдат!

И вот в части началась подготовка к предстоящим боям в новых условиях.

Начальник связи полка капитан А. И. Андреев, подполковник Олейник и я пошли в батальоны, роты. На партийных и комсомольских собраниях мы призывали бывалых воинов быть

впереди, показывать пример молодым бойцам. Ветераны полка клялись не уронить гвардейской чести.

Каждый день в подразделениях проходили тактические занятия.

Из данных разведки мы довольно точно знали расположение огневых средств противника, характер инженерных сооружений. В тылу мы построили рубеж обороны, похожий на вражеский, и усиленно тренировали на нем штурмовые отряды…

Наша дивизия имела задачу — прорвать неприятельскую линию укреплений и овладеть опорным пунктом Гороховище. Пинские болота затрудняли подходы к этому селу, которое прикрывало собой другие мощные узлы сопротивления, такие, как Слуцк, Брест.

Белоруссия являлась последней опорой третьего рейха на советской земле. Не случайно в то время Геббельс кричал по радио о ней, как о железном заслоне, судьбе Германии…

Действительно, обилие рек, болот и лесов давало немецким войскам возможность создать на территории Белоруссии мощные защитные рубежи.

На нашем участке гитлеровцы занимали командные высоты, а мы находились в низине. В землянке, где расположился КП полка, было сыро. Ни деревянный пол, ни бревенчатые стены не спасали от воды. Она порой доходила до колен.

Вот и сейчас открывшаяся дверь плеснула водой. Чавкая сапогами, вошли полковые разведчики капитан Бурехин, лейтенант Балабаев и рядовой Кобзев. Они привели «языка», лысеющего брюнета в роговых очках. Он, понуро опустив перевязанную голову, трясся мелкой дрожью.

Капитан Бурехин, новый начальник разведки полка, доложил мне, при каких обстоятельствах «его хлопцы» захватили Франца, и передал мне документ в синей обложке с черной свастикой:

— До армии состоял в «гитлерюгенд». Родом из Берлина. Сын мелкого торговца. Отвечает охотно, боится расстрела.

Да, это был не тот наглый пленный, с которым мы встречались в начале войны. Франц уже не верил в победу немецкой армии. Он даже рад, что попал в плен, если его, конечно, не отправят на тот свет.

Пришлось заверить, что в Советской Армии не расстреливают пленных. Он наконец перестал дрожать. Его ответы стали более осмысленными.

Аркадий Иванович Бурехин немного владел немецким языком, и мы обошлись без переводчика.

Офицер сообщил, что на усиление их полка прибыл батальон эсэсовцев, и нарисовал схему расположения огневых точек.

Показания Франца, данные воздушной и наземной разведки обороны противника позволили нам составить конфигурацию переднего края в районе Гороховище.

Все складывалось удачно, кроме одного. Во 2-м батальоне запил командир. В бою смелый, энергичный, он в момент переезда с юга в Белоруссию как-то скис и стал охотиться за самогонкой. Замполит Прошкин видел это, но не вмешался.

Комбата отстранили от должности. Прошкин тоже куда-то исчез.

До наступления оставались считанные дни, а подразделение без командира, без замполита. Новый начальник штаба Филипповский не имел еще должного опыта. До армии он работал библиотекарем.

Я, конечно, был зол. Но надо было искать выход из создавшегося положения. Решил прежде всего поближе познакомиться с Филипповским. Его как будто рекомендовал начальник штаба дивизии полковник М. Л. Перельман.

Позвонил ему. Он стал отказываться:

— Ничего подобного! Я сказал Алехину: испытать, проверить. Доверить ему штаб батальона — дело рискованное.

Иду к Алехину. Последние дни перед наступлением штаб полка работает напряженно. Иван Алексеевич, с воспаленными глазами, наносит на карту новые данные, полученные от немецкою офицера. Я завожу разговор о Филипповском.

— Как думаешь, не подведет?

Подполковник смотрит на меня усталыми глазами, но голос его спокойный, уверенный:

— Повторяю, Александр Андреевич, Филипповский с первых дней войны на фронте. Поступил к нам после ранения. Значит, воин бывалый, а главное, во всех отношениях человек трезвого ума.

Я припоминаю, что все мои встречи с Филипповским были накоротке. Первый раз он представился мне на станции Апостолово, где наш полк грузился в эшелоны. Вагоны подали нам с опозданием, и мне, разумеется, было не до знакомства. Второй и третий раз тоже говорили с ним на ходу.

Я пошел в батальон. Там служили мои старые знакомые — братья Кругловы, Иванов, Березников, Лебедь. С ними завел разговор осторожно, издалека:

— Ну, друзья мои, как у вас настроение перед штурмом?

— Мы что, — начал Иванов, — сплели из бересты мокроступы, начистили автоматы, пулеметы и ждем приказа…

— За приказом дело не станет. А как другие бойцы?

Я перевел взгляд на младшего Круглова, знал, что тот

невзирая на лица может все выложить начистоту.

— Другие, — усмехнулся Миша, — затылки чешут, спрашивают: «Братцы, кто нас в бой поведет? Комбата нет, замполита нет, один начштаба и тот библиотекарь…»

— Не библиотекарь, Миша, а старший лейтенант. Получить на фронте три звездочки — это тебе не книжечку выдать читателю…

Убеждаю, а сам думаю: «Вдруг подведет? Кто его знает. Я же не воевал с ним».

Захожу в штабную землянку 2-го батальона. Помещение просторное. Стены обложены свежим мхом. Возле окна большой стол. На нем, в центре, телефон. Всюду порядок, чистота — чувствуется хозяйская рука.

Но сам хозяин, рослый, мешковатый, докладывает мне не совсем по-военному. Фразы длинные, много ненужных пауз. Да и гимнастерка на нем мятая. Однако лицо чисто выбрито.

Приглашаю Филипповского к столу и начинаю расспрашивать. О переднем крае он говорит с пониманием дела. Знает характер обороны противника. Нашел лучшие подходы. Называет командиров рот по фамилии. О взаимодействии рассуждает толково. В адрес комбата и замполита ни слова. Хотя всю тяжесть подготовки батальона нес на своих плечах.

«Ну что ж, думаю, с этой работой справляешься. А как поведешь себя в другой роли?»

Конечно, командовать батальоном надо было поставить боевого офицера. Но, как на грех, под рукой никого не было. Прибывший новый комбат в тот же день заболел и попал в санбат. Так что новичку волей-неволей приходилось быть сразу и командиром, и начальником штаба, и замполитом.

А тут еще беда!

Вражеский снаряд накрыл наблюдательный пункт 1-го батальона. Будка, стоявшая на спиленных деревьях, превратилась в щепки. А в ней в этот момент находилось десять человек вместе с начальником штаба батальона. Ни один не остался в живых. И это перед самым наступлением!

2

В ночь на 24 июня 2-й батальон вышел на опушку леса. Впереди болото, заросшее цветами. При ракетном освещении оно кажется гигантской клумбой.

Я в расположении 2-го батальона беседую с бойцами. Минеры сейчас пойдут снимать усики на минах. Их поведет старшина

Седых. Грудь пожилого гвардейца украшали ордена Славы и три медали. Лицо у него простое, скромное; держится уверенно. Болото его не страшит. Не сомневаюсь, что минеры выполнят свою задачу.

А вот за пнем Саша Березников. У него тоже орден Славы. Рядом с ним «максим». Пулеметчик держит в руке карандаш. В те моменты, когда опушку освещает «небесный фонарь», Саша сочиняет письмо; «Родная Лена! Прости, что я пишу тебе редко…»

За спиной Березникова парторг батальона лейтенант Тальянов беседует с группой солдат. Слышу, что он несколько раз упомянул Филипповского. Видимо, рассказывает о нем. Сам Тальянов пользуется у воинов заслуженным авторитетом за смелость, находчивость, общительный характер.

Филипповского нашел в кустах орешника. Он не оборудовал НП и объяснил это так:

— Засиживаться не думаю…

И действительно, утром после артиллерийской подготовки цепочки солдат, в березовых мокроступах, направились к болоту. Они с трудом передвигались. Ноги вязли, путались в траве.

Солнце поднялось над лесом, видимость была хорошая, но враг почему-то не открывал огня. Филипповский сказал:

— Заманивают, где поглубже…

Когда трясина перешла в топь и бойцы стали снимать берестяные лапти, с ближайшей высотки застрочили пулеметы и автоматы. Гвардейцы залегли. Филипповский, оставив за себя старшего адъютанта, побежал к болоту.

Его поступок я одобрил. Не теряя времени, по рации связался со своими артиллеристами и минометчиками и приказал подавить неприятельские огневые точки.

А в это время, как потом мне стало известно, Филипповский добрался до первой цепи и сам убедился, что идти вперед невозможно. Выход из положения подсказал разведчик старшина Павел Дубинда. Он не раз тут тонул, пока не приспособился…

— Товарищ комбат, — обратился он к Филипповскому, — тут по-пластунски не выйдет. Надо перекатом…

— Как перекатом?

— А вот так… — И Дубинда, прижав руки к груди, покатился с боку на бок по трясине. Его примеру последовали остальные разведчики. Они не проваливались в болоте и были недоступны для пуль. Филипповский скомандовал:

— Перекатом, вперед!

У многих начала кружиться голова, всем набивалась в рот и нос грязь, некоторые захлебывались, попадая в «окна» с водой, но выбирались и упорно катились дальше.

Я был вынужден приостановить артобстрел. Вражеские пулеметы опять ожили. Разрывные пули, задевая ветки болотного кустарника, рвались над головой. Но момент был выигран. Разведчики уже пустили в ход гранаты, ворвались в первую траншею.

Прокатилось дружное «ура». Стремительная атака обратила немцев в бегство. Часть из них побросали вещевые мешки и даже автоматы.

2-й батальон устремился в глубину немецкой обороны. Фашистские автоматчики открыли фланговый огонь. Подразделение снова залегло. Тогда командир взвода лейтенант Фистуненко и парторг батальона лейтенант Тальянов с группой воинов обошли гитлеровцев и ударили им в спину. Противник дрогнул. Гвардейцы немедленно этим воспользовались и ворвались во вторую траншею. Наметился прорыв всей первой позиции. В эту горловину я направил и остальные два батальона.

Продвижению нашему стал мешать пулемет, появившийся на холмике. К нему кинулся старшина Дубинда. Более чем с пятидесяти метров он метнул гранату, и стрельба прекратилась. Не теряя ни секунды, Дубинда бросился к окопу, оттолкнул убитого и развернул пулемет в противоположную сторону.

Филипповский оказался в гуще боя. Весь в грязи, он был похож на болотного черта. Когда комбат в таком виде появился вместе с бойцами на позиции артиллерийской батареи немцев, они шарахнулись в кусты, бросив орудия и лошадей.

Бой развивался успешно. Мы прошли уже два-три километра, когда наткнулись на оставленный медицинский пункт. Раненые немецкие солдаты вскинули головы и с испугом смотрели на Филипповского и его бойцов. Они ждали расплаты за свои злодеяния и страшно удивились, что русский офицер предложил им попить. День был жаркий, в палате душно, многие больные лежали потные, с пересохшими губами.

— Наин, найн! — ответил один, думая, что вода отравлена.

Миша Круглов отпил из ведра. Тогда только раненые протянули свои кружки…

Гвардейцы спешили. Впереди маячила высота 114. До нее три километра. Справа от нее — лесок. Обойти кустами безопаснее, чем идти прямо на высоту, где, конечно, засел враг.

План действий был правильный, но комбат под влиянием успеха не выслал вперед дозор и сильно поплатился за это. На подходе к лесу батальон попал под шквальный огонь пулемета. Иванов вступил с ним в единоборство и вышел победителем.

В это время Филипповский по рации связался с КП полка.

— На высоте сто четырнадцать мощные огневые точки, —

доложил он. — У нас нечем подавить.

— Вызовем авиацию, — успокоил я комбата.

И вскоре в небе послышался рев краснозвездных штурмовиков. Они сделали три захода на высоту. Наши подразделения были так близко от позиции неприятеля, что их обдавало взрывной волной. Бомбежка получилась эффективной, а гвардейцы быстро овладели высотой.

К концу дня полк продвинулся почти на 30 километров. По тому времени это был высокий темп наступления. Нам сильно помогли не только авиаторы, но и артиллеристы. Орудия, минометы, реактивные установки вовремя и точно наносили удары по огневым позициям противника. Особенно метко стреляли минометчики роты Богуславца.

Вечером, после боев в районе Гороховище и высоты 114, к нам приехали генерал-майор С. Н. Кузнецов и начальник штаба дивизии М. Л. Перельман. Комдив по- отечески от имени командования поблагодарил за успешное выполнение задачи и тут же вручил отличившимся награды.

Я рассказал начальнику штаба дивизии о том, что новичок вывел 2-й батальон на первое место. Полковник Перельман улыбнулся и сказал, что искренне рад за Филипповского…

— Но, друг мой, впереди еще много испытаний, — заметил он.

Осторожный начштаба был прав. Впереди нас действительно ждали тяжелые бои, серьезные испытания. Переправа через реку Птичь, марш через болота к железной дороге Минск — Брест, сражение за станцию Лесная, бои за города Косово, Слоним, рывок к Беловежской пуще — весь этот боевой путь Иван Митрофанович Филипповский прошел с честью. Уже в боях за Белоруссию он проявил себя способным и мужественным командиром, и о нем еще будет рассказ дальше.

29 июня мы узнали радостную весть — освобожден от захватчиков Бобруйск. Пять пехотных дивизий и одна танковая дивизия противника разгромлены. В этой крупной победе есть доля усилий и нашей 96-й гвардейской Иловайской дивизии.

Командующий 28-й армией генерал-лейтенант А. А. Лучинский объявил благодарность нашему соединению и поставил перед ним новую задачу — пробиться к станции Лесная и перерезать железную дорогу Минск — Брест.

В этот день генерал-майор Кузнецов опять напомнил нам славную страничку из военной истории. На месте станции Лесная в начале XVIII века была русская деревушка под тем же названием. Здесь в то время разыгралось сражение между шведской и русской армиями. Карл XII считался

непревзойденным полководцем, перед именем которого содрогалась вся Европа. Однако именно здесь, в битве у Лесной, Петр Первый нанес пришельцам удар, за которым потом последовал разгром шведов под Полтавой.

Лесную освобождал от наполеоновских войск М. И. Кутузов, И вот в тех же местах советским воинам выпала доля биться с немецко-фашистскими захватчиками. Много уже осталось километров за спиной. Но каждый новый еще больше поднимал наш дух.

Сергей Николаевич Кузнецов говорил солдатам: «Ты не просто продвинулся вперед, ты шагами измерил силу свою, силу своей армии и силу своей любви к Родине».

Наш полк стоял в лесу. Из разведки вернулся Дубинда. Он сообщил нам, что станция Лесная примыкает к зеленому массиву в трех километрах от наших боевых порядков. Павел Христофорович прошел школу разведки под руководством Виноградова, Гостева и Кораблева. Его информация всегда была точной. И я подумал: «А не накрыть ли гитлеровцев артиллерийским огнем?»

Наши «боги войны» — Овтин, Сигал, Юрченко и Богуславец— ухватились за эту идею. Густой лес позволял незаметно выкатить орудия к просеке, которую можно было использовать для стрельбы с закрытой позиции.

На длинном самодельном столе появились карта и лист чистой бумаги. Павел Дубинда карандашом переносил со своей шпаргалки на белый лист план станции, направление земляной стены с амбразурами, расположение танков и огневые точки противника.

Мы все дружно курили, но комары не очень-то боялись дыма. Приходилось отбиваться от них. Лишь Дубинда не делал ни одного лишнего движения. Он был мокрый и грязный. От него шел пар. На спине гимнастерки проступила соль. Водил Павел Христофорович карандашом так, что линия врезалась в бумагу навеки.

Рядом с ним на сосновых досках светились солнечные пятна, похожие на блины. Видимо, эти «блины» напомнили замполиту Олейнику о том, что разведчика ждет холодный обед. Он распорядился, и через пять минут повар Володя Спиридонов поставил перед Павлом Дубиндой миску с украинским борщом. Но старшина даже не взглянул на еду. Он, оказывается, проник в село и там наелся вдоволь, а главное, узнал от хозяйки некоторые подробности насчет режима и распорядка немецкого гарнизона на станции. Русская женщина носила офицеру молоко, а сама держала связь с местными партизанами. Она сказала, что обер-

лейтенант страшно боится партизан и бобруйского «котла».

2-м батальоном теперь уже официально командовал Иван Филипповский. Я приказал ему скрытно подвести роты на опушку леса возле станции и сразу же после артналета окружить гарнизон.

Филипповский нашел в парторге батальона Тальянове хорошего помощника. Они так сдружились, что почти не расставались. Комбат и парторг взяли на себя детальную разработку вывода рот в исходное положение.

А я по схеме, составленной разведчиком, стал уточнять расположение огневых средств противника. Очень важно было прежде всего самому разобраться в обстановке.

— Значит, три танка периодически курсируют по станции? — обратился я к Дубинде и показал на три ромбика со стрелками противоположных направлений. — Как думаешь, чем это вызвано?

Скуластое, небритое лицо Павла Христофоровича медленно повернулось в сторону, откуда мы пришли в лагерь, заброшенный партизанами.

— Помните, на рассвете нас обстреляли автоматчики. — Он кивнул в направлении станции. — Думаю, что они предупредили обер-лейтенанта. Сегодня он отказался от молока…

Меня поразила наблюдательность старшины. Я подумал о том, что он, с его рабочей закалкой, относится к разведке с таким же старанием, как до войны осваивал специальность монтажника.

Мы приняли все меры, чтобы враг не обнаружил нас, и за пятнадцать минут, после артобстрела, пленили гарнизон. Внезапность принесла нам скорую победу. Филипповский сообщил по рации о количестве пленных, о трофеях. Я не сомневался, что немецкое командование не смирится с потерей очень важной позиции, и приказал комбату как можно прочнее закрепиться на станции.

Две контратаки пехоты, поддержанной танками и артиллерией, не принесли противнику успеха. 2-й батальон отстоял станцию, но понес большие потери. Тяжелые снаряды неприятельского бронепоезда пробивали толстые кирпичные стены, и каждый из них приносил жертвы.

Зато и враг изведал русского свинца. Иванов установил своего «максима» на пригорке и оттуда косил фашистскую пехоту. Но особенно отличились братья Кругловы. На запасном пути еле дышал паровоз с тремя порожними вагонами. Миша восстановил путь с помощью саперов, а Павел развел в топке огонь, разогнал локомотив и пустил его по железнодорожной ветке, на которой за поворотом стоял бронепоезд. Неизвестно, что там произошло,

только тяжелые снаряды перестали рваться на станции Лесная.

3

Сплошная линия укреплений осталась позади. Теперь перед нами были разрозненные очаги сопротивления.

Мы часто сталкивались с неприятелем неожиданно. Однажды он расстрелял в упор полковую батарею 45-мм орудий на конной тяге. В эту засаду попал и генерал-майор Кузнецов. Ему пришлось врукопашную схватиться с немецким солдатом.

Когда выходили в район Подбожья, вдруг услышали впереди сильную стрельбу. В чем дело? Кто опередил нас? Ускорили движение. Навстречу нам выскочили солдаты 295-го полка нашей дивизии. Они рассказали, что батальон попал в засаду и комбат никак не может связаться по радио с командиром части.

Мы с ходу развернулись и внезапной атакой помогли соседям выйти из тяжелого положения.

Но и враг нередко попадался в ловушки, подвергался внезапным ударам с тыла, блудил в непроходимых дебрях. Были случаи, когда небольшая группа наших воинов брала в плен целые воинские части.

Однажды в районе Косово разведчики проникли в расположение противника и нос к носу натолкнулись на большую группу венгерских кавалеристов. В предутреннем тумане они приняли гвардейцев за своих. Мадьяры продолжали сидеть на поляне возле костра. Начальник разведки капитан А. И. Бурехин не растерялся: часть взвода он оставил в засаде, а со старшиной П. Х. Дубиндой решительно подошел к вражеским конникам. Больше жестами, чем словами, Бурехин объявил венграм, что они окружены. В подтверждение этого по сигналу капитана из кустов донеслась русская речь. «Окруженные» даже не пытались сопротивляться. Их офицер, понимая по-русски, заверил Бурехина, что они охотно сложат оружие, и дал соответствующую команду.

А вскоре в тех же лесах нам удалось пленить мадьярскую кавалерийскую бригаду. Ею командовал полковник Солтус, невысокого роста, лет сорока пяти. Он неплохо объяснялся по-русски и заявил, что его соотечественники не хотят умирать за фашистов…

В ходе беседы выяснилось, что венгры не верят в победу фюрера, что многие из них дезертируют и охотно сдаются в плен. Полковник Солтус предупредил нас, что эсэсовцы до сих пор держат своих солдат в страхе и немцы будут оказывать упорное

сопротивление.

И он оказался прав. Несмотря на то что германская военная машина летом 1944 года стала работать с перебоями, а в психологии немецкого солдата происходил надлом, населенные пункты мы, как правило, брали только с боем. Даже покушение на Гитлера нисколько не облегчило нам продвижение вперед. Фашистские нацисты, а их было немало, по-прежнему задавали тон на фронте.

Мне довелось быть свидетелем допроса гитлеровского полковника, бывшего командира полка. Его заносчивый вид, обозленный взгляд говорили нам: как волка ни корми «котлами», он все равно на Гитлера молится. По лесам и болотам он пробирался на запад. Его схватили разведчики в районе Василевичей. Полковник отказался от еды и медицинской помощи. Он нес в себе тот заряд ненависти и бесноватого фанатизма, который и сейчас воодушевляет недобитых нацистов действовать во имя фашизма.

Взаимодействуя с другими частями дивизии, 293-й полк освободил Уречье, Слуцк и Слоним, за что был награжден орденом Красного Знамени. Это было 4 июля 1944 года. По этому поводу состоялся большой митинг. Праздничные поздравления, ощущение заслуженного успеха — все это значительно скрасило наш последний марш по белорусской земле.

Вступая в Беловежскую пущу, комдив Кузнецов категорически запретил своим воинам истреблять зубров и других редких животных знаменитого заповедника. И к чести наших солдат, ни в одном политдонесении полка не упоминалось браконьерство. Нашли одного пристреленного быка, но, как установил ветеринар, зубр уже сутки как убит пулями немецкого происхождения.

Беловежская пуща — огромный лесной массив дикой красоты. Местами кроны деревьев сплетались над узкой дорогой, и мы шли сквозь зеленый туннель. Сто восемьдесят километров самого разнообразного лесного пейзажа и самых различных стычек с противником. И вот наконец Павел Дубинда, подлетая на взмыленной лошади, кричит нам:

— Западный Буг! Государственная граница!

Чтобы выйти на берег пограничной реки, нам нужно захватить важный узел сопротивления немцев — Александровну. Густой лес и прибрежные кусты помогли нам совершить обходный маневр. Врага выбили из населенного пункта без особого труда.

Наступил долгожданный день — наш полк вышел на границу между СССР и Польшей. Пилотки взлетели в воздух. Могучее

«ура» разнеслось далеко окрест. Воины обнимали друг друга, пожимали руки, поздравляли со знаменательным событием. 28 июля запомнилось мне на всю жизнь.

Иванов и братья Кругловы пришли ко мне поздравить с победой. Мы невольно вспомнили, как Миша тяжело переживал первые наши неудачи. Теперь младший Круглов, со значком гвардейца и орденом Красной Звезды, стоит среди нас, загорелый, подтянутый, с веселыми синими глазами.

Родина освобождена! А впереди нас ждали народы Европы. Мы все испытывали огромный душевный подъем.

А тут еще радость! За фронтовые успехи наша дивизия получила высшую правительственную награду- орден Ленина. Имя великого вождя, его бессмертный образ вдохновлял нас на окончательную победу над врагом.

4

Советские войска вступили на землю Польши. Парторг части Филипп Трифонович Башкиров пригласил польских партизан на полковой митинг. Они рассказали нашим бойцам о зверствах немецких оккупантов. Нацисты безжалостно истребляли польский народ. Гитлеровский наместник Франк откровенно заявил: «Мы добьемся того, чтобы стереть навеки само понятие — Польша». За годы оккупации Польши фашисты покрыли страну сетью концентрационных лагерей, истребили 5 миллионов 384 тысячи ее жителей, многие тысячи людей были угнаны на принудительные работы в Германию.

Вскоре наша газета опубликовала беседу с полькой Геленой Радушевской. Она целый год работала в генерал-губернаторстве в Варшаве и сама лично слышала, как генерал-губернатор Франк цинично заявил: «Польская интеллигенция непокорна, и ее нужно поголовно истреблять».

Все поляки ненавидели фашистов, борясь с ними, но своими силами они не могли освободить родину от захватчиков. Наши братья славяне обратились к советским воинам за помощью. Они верили в нашу победу. И крылатая фраза «Москва спасет Варшаву!» облетела всю польскую землю.

И вот наши артиллеристы и минометчики — Роскошный, Овтин, Сигал, Юрченко и Богуславец — первыми начали расчистку польской земли от фашистских оккупантов. 3 августа 1944 года мы освободили первый польский город Соколув-Подляски. На подступах к нему немцы оказали ожесточенное сопротивление. В одном колодце засели гитлеровцы с

крупнокалиберным пулеметом. Его пули не давали нашим бойцам перейти поле, на котором была снята пшеница. При обстреле пулеметной точки гитлеровцы спускались по лестнице на дно колодца, а когда опасность проходила, снова поднимались и обстреливали нашу пехоту.

В бой с неприятельским расчетом вступил Николай Иванов. Он выкатил своего «максима» на бугорок и, как только немцы показались над срезом бетонного кольца, меткой очередью снял их.

За колодцем, в саду, находился гитлеровский снайпер. Он засек Иванова. И как только Иванов приподнял голову над железным щитком, снайперская пуля угодила в него.

Иванов еще был жив, когда его отправили в санроту. Там ему сделали операцию, влили кровь, но врач полка Нина Павловна Воскресенская сказала, что Иванов не выйдет из шокового состояния.

Все же теплилась надежда: врачи тоже иногда ошибаются. Но чуда не произошло.

Перед вечером мы вошли в город. Местные жители засыпали нас цветами. Братья Кругловы сплели из роз и тюльпанов большой венок, и мы пошли прощаться со своим боевым товарищем.

Проводили мы его молча: ни я, ни Кругловы не могли говорить. Но когда мы вернулись в освобожденный город и братья пожелали заменить Иванова за его «максимом», как-то сам собой возник траурный митинг.

Я рассказал, как Николай Иванов во время финской кампании ночами подкарауливал шюцкоровскую «кукушку» и подстрелил ее, как он на протяжении всей своей фронтовой жизни любил собирать оружие и как своим «складом» выручил белорусских партизан.

Павел и Михаил Кругловы вспомнили первые дни войны на румынской границе, как они вместе с Николаем и Андреем Курдюковым отбили ночной десант противника. Младший Круглов с восхищением говорил о мужестве и выносливости Николая.

Березников и Лебедь видели в Иванове своего учителя и замечательного товарища. Лебедь до последней минуты не расставался с Николаем Ивановичем. Он свидетель того, как перед боем Иванов получил из Мурманска письмо, в котором соседи по дому извещали его о смерти матери.

На митинге присутствовали польские горожане и партизаны. Полька Елизавета Джелькевич благодарила советских воинов за освобождение.

Крестьянин Ян Войтек тоже высоко оценил нашу помощь полякам. Он сказал, что никогда не забудет жертв, которые русские понесли в боях за его родину.

Поляки хотели похоронить человека, который за Польшу отдал свою жизнь, на своем кладбище и оберегать его могилу. Но Лебедь сказал, что, смертельно раненный, Николай Иванов просил похоронить его на родной земле.

Братья Кругловы, Березников и Лебедь исполнили последнюю волю друга и доставили его на кладбище партизан в Беловежской пуще. Они нагнали свой полк до начала боя за город Венгрув.

На пулемете погибшего Кругловы высекли надпись: «Со своим „максимом“ знатный пулеметчик Н. Иванов уничтожил 120 фашистов».

В первом же бою новый пулеметный расчет в составе коммуниста Лебедя и братьев Кругловых отомстил за смерть Иванова.

Нужно признаться, что успехи Красной Армии породили кое у кого из нас самоуспокоенность и беспечность. И вот в районе города Венгрув командир пулеметной роты забыл выставить ночной дозор: торопился на встречу с польскими подпольщиками. А гитлеровцы, как на грех, чуть свет под прикрытием тумана перешли в контратаку без артподготовки.

Догонявшие свою часть Березников, Лебедь и Кругловы оказались в полосе действия противника. Михаил услышал немецкую речь, и пулеметчики залегли под кустом. У них было четыре автомата, но не было патронов: на могиле друга они разрядили все диски. Салют получился достойный. А вот сейчас друзья не могли даже предупредить своих об опасности.

Возле места, где притаились гвардейцы, прошли две цепочки вражеских автоматчиков, а за ними следом двое солдат тащили за собой станковый пулемет МГ на длинном брезентовом мешке, чтобы тот не тарахтел.

Лебедь, Березников и Кругловы решили захватить оружие. Они напали на гитлеровцев. Лебедь и Березников бесшумно уничтожили расчет, а Кругловы подхватили пулемет, моментально зарядили его и приготовились ударить в спину наступающим. Но огонь нельзя было открывать. Следом за пулеметчиками шли три солдата с ротным минометом и ящиком мин.

Миша закрыл пулемет мешком, и все четверо снова спрятались за куст. У убитых гвардейцы нашли парабеллум и две гранаты. Когда минометчики приблизились шагов на тридцать, раздалось два взрыва. Они сразили немцев и разбудили бойцов пулеметной роты. Красноармейцы встретили неприятельских

автоматчиков очередями из «максимов», а в спину им ударил их же МГ. Мало кому из фашистов удалось унести ноги.

Мы вначале думали, что нас поддержали польские партизаны. И каковы же были радость и удивление, когда из тумана раздался знакомый голос:

— Гвардейцы, не стреляйте в своих!

Так чистая случайность спасла нашу пулеметную роту от разгрома.

Форсировав реку Ливец, полк наступал в направлении города Ядув и вскоре завязал бой на юго-восточной окраине. Противник контратаками пытался остановить наше продвижение. Гвардейцы отразили его наскоки.

Через некоторое время гитлеровцы предприняли еще одну контратаку силой до батальона пехоты с тапками. Их удар пришелся по 1-му батальону, которым теперь командовал капитан Мудраков. Создав на этом участке превосходство в силах, нацисты обошли роту старшего лейтенанта Горельченкова и попытались прижать наших бойцов к реке.

Танки двинулись на гвардейцев, стреляли из пушек и пулеметов. Необстрелянные бойцы побежали к воде, под укрытие крутого берега. В этот критический момент Роскошный вызвал огонь полковой артиллерийской группы. Тяжелые снаряды подожгли несколько машин. Дым от них закрыл местность. Гвардейцы воспользовались этой маскировкой и, преследуя пехоту противника, ворвались в город Ядув. Нам помогали польские патриоты. Они стреляли фашистам в спину, поджигали дома, в которых они засели.

За успешное выполнение задачи Военный совет фронта вынес личному составу 293-го полка благодарность и предоставил краткий отдых. Солдаты мылись, чинили обмундирование, приводили в порядок технику и оружие. Я воспользовался паузой и навестил командира 234-го артполка подполковника Владимира Васильевича Роскошного. Обычно в такие паузы он отсыпался, подолгу сидел за обеденным столом и, закончив трапезу, пел под гитару. Он очень любил этот инструмент и никогда не расставался с ним.

Роскошный занимал заброшенный дачный домик с вишневым садиком. Меня удивила необычная картина: на столе в миске уже остыл украинский борщ, повар принес горячие вареники, а Владимир Васильевич сидит возле окна и грустно поет:

Жди меня, и я вернусь…

На кровати лежит письмо. Видимо, из глубокого тыла пришла

весточка от жены или матери. Но почему же он загрустил?

На мое приветствие Владимир Васильевич что-то буркнул и дал понять, что я пришел к нему не вовремя.

— Садись, перекуси…

Я, грешным делом, подумал, что чем-то обидел его. И сейчас же вспомнил, что действительно перед ним виноват. В боях за город Ядув Роскошный опять отличился: поджег вражеские танки, подавил огневые точки в пригородном имении и на редкость быстро накрыл минометный расчет за церковной оградой.

В тот же день я позвонил командиру дивизии и подробно рассказал о заслугах командира артполка, но сам за хлопотами не поблагодарил Владимира Васильевича.

Приглашая хозяина к его же столу, я повинился, что забыл своевременно отметить его. Роскошный по-прежнему сидел перед окном и, тихо напевая, вяло перебирал пальцами струны гитары.

Он, видимо, даже не слышал меня. Пришлось переждать. Я понял, что у него стряслось что-то серьезное.

На призыв повара он тоже ничего не ответил.

Но вот оборвался аккорд. Не поворачивая головы, Роскошный обронил фразу:

— Лучше бой, чем такое.

Я перевел взгляд на письмо. Видимо, семейные неприятности. Я не стал расспрашивать Владимира Васильевича. Роскошный не раз читал мне письма жены, в которых меня удивляла сухая манера изложения. Но я молчал, потому что один мой однополчанин получал очень душевные письма от любимой девушки, а потом она вдруг сообщила, что вышла замуж.

Мы просидели вместе до трех ночи. Владимир Васильевич так и не развеселился.

Отдых был коротким. Полк вскоре получил приказ форсировать реку Западный Буг и овладеть городом Вышкув. Водный рубеж решили преодолеть сразу в нескольких местах. Разведчики искали удобные места для переправы.

Немецкая оборона проходила по высокой железнодорожной насыпи. Выгодная позиция позволяла противнику контролировать прибрежные подходы. Он открывал ураганный огонь, как только кто-нибудь из нас выходил на берег.

Адъютант привел ко мне в землянку польского крестьянина. Пожилой мужчина, с орлиным носом, в почерневшей соломенной шляпе, хорошо знал этот участок реки. Он здесь вырос и охотно взялся показать нам три мели, где можно перейти реку вброд.

Стефан Стефанович рассказал, что гитлеровцы надругались над его единственной дочкой, задушили ее и бросили в реку. А однажды он нес ведра с водой и не мог снять шапку перед обер-

лейтенантом. Так двое солдат повалили поляка в снег и облили водой. Он заболел воспалением легких.

Накануне форсирования разведчики привели «языка». Стефану Стефановичу показалось, что пленный солдат был одним из тех, кто его обидел. Поляк с палкой накинулся на фашиста. Тот грохнулся на колени и пустил слезу, что они-де оба католики, что бог велит быть милосердным.

— Милосердным к людям, а не к хищным зверям! — ответил на это Стефан, пытаясь ударить гитлеровца.

Разгневанному крестьянину объяснили, что в Советской Армии не бьют пленных.

Стефан Стефанович долго не мог успокоиться.

Ночью польский патриот показал нам броды. Враг обнаружил наши подразделения лишь тогда, когда они уже вышли на противоположный берег. Нас поддержали артиллеристы не только полка, но и дивизии. Продвижение гвардейцев шло успешно. Западный Буг на широком фронте форсировали все три полка 96-й гвардейской стрелковой дивизии. Теперь оставалось овладеть Вышкувом.

25 августа мы вышли к городу с готическими крышами и башнями. Это был Вышкув.

Разведчики капитана Бурехина вернулись с поиска без «языка», но принесли ценные данные о немецкой обороне. Ее секрет (как любил говорить начальник разведки полка) заключался в том, что все секторы тесно взаимодействовали один с другим.

Наш план был прост: нарушить взаимодействие. Я доложил об этом командиру дивизии. Город должны были штурмовать два полка, а третий находился в готовности развить успех любого из них.

Генерал-майор Кузнецов обещал усилить артиллерийский обстрел залпом «катюш», но потребовал от нас точную схему расположения орудий и минометов противника.

— Бить только по огневым точкам, — сказал он, рассматривая план города. — Город сохраним полякам…

Замполит полка, замполиты батальонов, все парторги и комсорги проводили беседы с бойцами. Еще в первый день нашего вступления на польскую землю Советское правительство заявило, что советские войска вступили в пределы Польши, преисполненные одной решимостью — разгромить германские армии и помочь польскому народу в деле его освобождения от ига немецко-фашистских захватчиков и восстановления независимой, сильной и демократической Польши.

Комсорг полка Петр Иванович Мартынов беседовал с

новичками. Он приурочил свое выступление к музыкальной радиопередаче. Московская станция передавала концерт, посвященный знаменитому польскому композитору и пианисту Фредерику Шопену.

Мазурки, вальсы, прелюдии и ноктюрны Петр Иванович комментировал по-своему. Сначала он выделил в музыке Шопена идею борьбы польского народа за освобождение, потом рассказал о жизни основоположника польской классической музыки и неожиданно подвел к тому, что советские воины спасают родину Шопена, его талантливых земляков, наших братьев славян.

Я искренне был рад, что Мартынов нашел оригинальный подход к молодым солдатам. Петя, собственно, вырос у нас в полку. Мы, коммунисты со стажем, охотно помогали ему встать на ноги. Эта беседа Петра Ивановича мне запомнилась: она была его последней в полку.

Забегая вперед, скажу; в бою за Вышкув комсорга тяжело ранило.

Когда наш полк ворвался на северо-западную окраину Вышкува, противник открыл по этой части города сильный огонь. Прокладывая себе путь гранатами, Мартынов первым ворвался в каменный дом, превращенный немцами в крепость. За ним последовала целая группа бойцов. В перестрелке вражеская пуля попала Мартынову в ногу. Из здания его вынесли на носилках. Мы прощались с ним в санбате. Петр Иванович заверил, что он быстро поправится и вернется в родной полк. Но Мартынова больше не пустили на фронт. Через некоторое время из его писем мы узнали, что он демобилизован, некоторое время работал секретарем Петрозаводского горкома, а потом возглавил телевидение Карельской автономной республики.

Наш замысел удался: «катюши», орудия и минометы нарушили взаимодействие немецкой обороны. И гвардейцы дом за домом возвращали полякам для мирной жизни.

Зато нет таких слов, чтобы передать ту радость и благодарность, которую оказывали нам жители Вышкува. Пожалуй, только музыкой, равной шопеновской, можно передать те чувства и мысли, что дарили нам поляки. И это, следует отметить, в самый разгар геббельсовской пропаганды, утверждавшей, будто русские пришли в Польшу с одной лишь целью — захватить земли и насильно присоединить польское государство к Советскому Союзу.

Народ Польши, конечно, не верил фашистской печати. Но некоторые помещики бросили свои поместья и бежали за границу. Один управляющий имением спросил меня:

— Это верно, господин офицер, что вам за воинские заслуги

дано право выбора бесхозных имений?

Вопрос был настолько нелепым, что я в первую минуту даже растерялся. Потом улыбнулся и указал на портрет Шопена:

— Вот его нотное хозяйство я с удовольствием приобрел бы, да, к сожалению, ни на чем не играю.

Моя шутка не очень-то его успокоила. Провожая меня за калитку, он осторожно спросил:

— Господин офицер, а какую систему управления нам ожидать?

— Это от вас, самих поляков, зависит: что порешите, то и будет.

— И надолго вы теперь к нам?

— Это военная тайна, пан управляющий, но для вас откроюсь. Как только разобьем противника, так и уйдем.

Разумеется, гитлеровцы не очень-то охотно расставались с Польшей, по наши войска их усердно подгоняли. 96-я дивизия прошла с боями по родной земле Шопена свыше 200 километров. На этом наш освободительный поход здесь закончился.

В середине августа нас перебросили на 3-й Белорусский фронт.

Глава восьмая
ПОСЛЕДНИЕ РУБЕЖИ

1

Очередное совещание у комдива на сей раз проходило в только что освобожденном литовском городе Кибартай. Наша дивизия, в составе 28-й армии, находилась в резерве 3-го Белорусского фронта, войска которого вели бои на подступах к Восточной Пруссии. Следовательно, нам предстояло вторгнуться в логово врага и разгромить гитлеровцев на их же земле. И когда генерал-майор Кузнецов обратился к нам с вопросом, ясна ли задача, некоторые товарищи примерно так ему и ответили. Кузнецов отрицательно замотал головой.

— Не совсем, не совсем… Насчет вторжения — правильно. На нашу долю выпала почетная задача: первыми прорвать пограничную оборону Восточной Пруссии. А вот относительно того, что громить врага на ею же земле (он сделал ударение на слове «его»), я с вами поспорю…

Сергей Николаевич обвел на карте «пятачок», примыкающий к Кенигсбергу.

— Это древняя славяно-литовская земля. Ее название — Пруссия — происходит от старинного литовского племени пруссов. В XIII веке эту землю захватили немецкие рыцари. Большую часть коренных жителей истребили. Так что мы будем бить врага на земле, которую он силой присвоил…

С военной точки зрения Восточная Пруссия для немцев плацдарм. Отсюда они не раз нападали на своих восточных соседей. Пруссия давно стала символом военщины, солдафонства и агрессии. Из года в год она укреплялась как военный бастион.

А в период успешного продвижения 3-го Белорусского фронта

немецкое командование еще больше усилило систему укреплений.

В Восточной Пруссии была сосредоточена полумиллионная армия, оснащенная современной техникой и оружием. Геббельс заверял, что немецкие солдаты, защищая свои дома, будут стоять здесь насмерть: «Русские не пройдут на нашу землю!»

После совещания у генерала Кузнецова командиры, политработники, партийные и комсомольские активисты провели в частях беседы, митинги, посвященные успехам Советской Армии на других фронтах. К этому времени закончилась Ясско-Кишиневская операция, наши войска вступили в столицу Румынии, освободили Софию.

Очищались от захватчиков прибалтийские города. Теперь слово было за нами. Сорок месяцев мы ждали дня, когда наконец доберемся до фашистского логова. И вот он настал!..

Однако враг не дремал. К литовской границе он подтянул большое количество частей и боевой техники. Но ни танки, ни артиллерия, ни авиация, ни оборонительные сооружения — ничто не могло сдержать натиск наших войск. 25 октября гвардейцы ворвались в укрепленный район гитлеровцев. Наша дивизия наступала на пограничный город Эйдткунен. Его гарнизон не оказал нам серьезного сопротивления. После его капитуляции 293-й гвардейский стрелковый полк получил задачу овладеть Шталлупененом.

Под влиянием легкого успеха командир корпуса, в состав которого входила наша дивизия, пообещал командующему фронтом к вечеру выбить немцев и из этого города.

Однако тут у нас вышла осечка. Шталлупенен встретил наши подразделения ураганным огнем и заставил залечь.

Я доложил об этом комдиву, а тот — командиру корпуса генерал-лейтенанту Перхоровичу. Комкор решил сам организовать атаку и выехал на передовую.

Мы с Роскошным разместились в полуразрушенном каменном доме. Владимир Васильевич, сидя на кирпичной глыбе, изучал схему расположения неприятельских батарей.

— Казалось, накрыли все точки, а вот видишь, — ворчал он.

Как бы в подтверждение его слов за стеной грохнул снаряд. Его осколки срезали сосну, и она повалилась в нашу сторону. Через минуту совсем рядом раздался еще один взрыв. Несмотря на обстрел, к нам неожиданно пришел командир корпуса. Он потребовал от нас с Роскошным подробной информации о положении на передовой. Генерал Кузнецов, прибывший вместе с Перхоровичем, молча стоял возле телефонного аппарата.

Нас поддерживали три артиллерийских и два минометных

полка. Сила внушительная. И все же комкор вызвал на помощь штурмовиков. Они нанесли удар по опорным пунктам за городом.

Затем туда же полетели снаряды и мины. К нашему огорчению, ветер уносил дым от взрывов и пожаров на запад, и воспользоваться им как завесой нельзя было. Генерал-лейтенант Перхорович снял шинель, надел плащ-накидку и сказал мне:

— Мы с тобой сейчас поднимем народ здесь, а вы… — комкор обернулся к Кузнецову, — активизируйте действия девяносто пятого гвардейского стрелкового полка.

И как только артподготовка закончилась, Перхорович выскочил на бруствер траншеи, взмахнул пистолетом и крикнул:

— За Родину! За мной!..

Бойцы поднялись. Я с группой автоматчиков кинулся за генералом, но не сделали мы и десяти шагов, как из Шталлупенена хлестнул шквальный огонь. У меня сложилось впечатление, что наши орудия не подавили ни одной вражеской точки.

Стальной ливень придавил нас к земле. Перхорович и я укрылись в какой-то яме. Атака захлебнулась.

Видя это, Роскошный повторил артналет. Но снова неудачно. Видимо, доты были искусно замаскированы и соединены между собой крытыми ходами.

Солнце только-только начало склоняться к горизонту, и до спасительной темноты было еще долго. А противник все усиливал огонь, пока не вынудил нас откатиться. Взять Шталлупенен с ходу не удалось.

Я связался с Филипповским и приказал ему с наступлением ночи блокировать доты неприятеля. Комкор все еще был у меня. Он сидел в плащ-накидке, низко опустив голову, и что-то обдумывал, очевидно искал выход из создавшегося положения.

Раздался телефонный звонок. Докладывал комбат Гетман;

— Я ворвался на станцию. На путях много вагонов с имуществом…

— Молодец! — кричу в трубку. — Что за станция? Есть надпись?

— Есть! Да прочитать не могу!

— Как не можешь? Сличай по буквам: Штал-лу-пе-нен? Да?

— Не понять!

Ох, черт его подери! Который год бьет немцев, а языка их не познал. Шлю на помощь переводчика. Командир корпуса ожил, развернул карту.

— Если батальон капитана Гетмана захватил городской вокзал, — сказал он, — то будем развивать успех.

У Перхоровича явно созрел план действий. Но он ждал новых

вестей от Гетмана. А они не оправдали наших надежд. Оказывается, Гетман захватил не городской вокзал, а товарную станцию на окраине города. Перхорович опять приуныл. Я вызвал Филипповского. Телефонный разговор внес ясность, от которой нам с комдивом тоже не стало легче.

2-й батальон напоролся на пулеметный заслон. Артиллеристы, приданные Филипповскому, ударили по гитлеровцам. Но когда подразделение вновь поднялось в атаку, оно опять было встречено густыми очередями. Пришлось ждать темноты.

Ночью 4-я стрелковая рота подползла к проволочному заграждению. Подразделение Дубинды проделало проходы. Действовали осторожно. Над головой одна за другой взвивались ракеты.

Вскоре два взвода проникли в траншею. Один остался на месте, а другой незаметно подошел к железобетонному укрытию и быстро разоружил находившихся там гитлеровцев.

Филипповский доложил мне об этом из захваченного дота. Командир корпуса распорядился поддержать 2-й батальон. Нужно было захватить кладбище с каменной церковкой, шоссейную дорогу и выйти к железнодорожному вокзалу. Путь этот не скорый и не легкий. Но другого не было. Вклинение батальона Филипповского в боевые порядки немцев сыграло большую роль.

Как выяснилось после, среди обороняющихся в Шталлупенене пополз слух об окружении и некоторые подразделения начали отходить. Этим воспользовался командир 1-го батальона Петр Саввич Мудраков и немедленно ударил им вслед. Вскоре он вышел на центральную площадь города и по рации сообщил:

— Товарищ «Первый», нахожусь в центре города!..

Я усомнился, стал с пристрастием уточнять. Комбат заверил, что путь свободен и любой из нас может в этом убедиться, прибыв на площадь Гитлера…

Я расспросил капитана Мудракова, как пройти к нему, взял с собой адъютанта, радиста и двинулся в путь. Генерал Кузнецов разрешил мне эту вылазку не без колебаний. Он тоже не был уверен, что доклад Мудракова точен.

В это время 2-й и 3-й батальоны вели тяжелые бои за каждый дом. Узкие улицы незнакомого города напоминали тюремные коридоры, на них трудно было развернуться.

Наша маленькая группа благополучно проскочила к центру. Осторожно вышли мы на площадь. 1-й батальон действительно был тут. Солдаты длинной цепочкой вытянулись вдоль домов. Ко мне подошел Петр Саввич Мудраков. Он доложил обстановку. Противник занимал все прилегающие кварталы, кроме узкой

горловины, по которой прошли мы. Мудраков готов был со своим батальоном остаться в самом пекле и биться до последнего патрона. Комбат даже подыскал уже надежный подвал для КП.

Мне тоже казалось, что, пока немцы не закрыли один-единственный свободный проход, сюда нужно провести еще один батальон. Я связался с командиром дивизии. Кузнецов сначала было ухватился за эту идею, но, когда узнал, что у бойцов были на исходе боеприпасы, не рискнул оставить нас в центре города.

— Тем более что мне известно соотношение сил, — сказал он, — оно не в нашу пользу…

Когда мы выходили из «мешка», немцы открыли вслед стрельбу.

За нами остались лишь траншеи на окраине города. Шел уже второй день борьбы за город, который мы должны были взять еще вчера. Наибольшего успеха добился 2-й батальон. Он захватил кладбище, обошел балку, отбил три траншеи. Гвардейцы теперь обстреливали депо, водонапорную башню и вокзал Шталлупенена. Немецкие снайперы не давали нашим бойцам показываться из траншей. Ими занялись Лебедь и братья Кругловы.

Когда минометная рота обрушила удар на немецких пулеметчиков, Филипповский, ставший уже капитаном, приказал подразделению ворваться в здание железнодорожных мастерских.

Овладев им, красноармейцы залегли вдоль насыпи. Через некоторое время 4-я рота атаковала вокзал и захватила первый этаж. Гитлеровцы сопротивлялись отчаянно. К вечеру с ними было покончено и станция полностью перешла в наши руки.

Ко мне на КП привезли пятерых пленных. Я обратил внимание, что они отвечали на вопросы иначе, чем действовали. Солдат 4-й роты 1059-го пехотного полка Иоахим Лайденфросс и ефрейтор Ганс Эрман из 1-й роты начали рассказывать о том, что многие солдаты отказываются идти на передний край. Да и сами они считают, что война проиграна.

Я не вытерпел и спросил:

— А почему же вы сопротивлялись?

На втором этаже вокзала, как выяснилось, не было ни одного офицера. И все же ефрейтор Ганс Эрман отстреливался до последнего патрона. Это лишний раз подтверждало, что на германской территории бои предстоят очень трудные.

Во время допроса раздался телефонный звонок. Мне доложили о гибели командира 3-го батальона Андрея Гетмана.

Случилось это так. Группа бойцов во главе с лейтенантом Жмурко, пользуясь темнотой, незаметно проникла в дом, занятый немцами. Сержант Галактов, бойцы Смельчук и Тютинов не

устрашились встречного огня и кинулись по лестнице наверх. Фашисты отступили на чердак. Там их и вынудили сдаться.

Отбитый дом с глубоким подвалом капитан Гетман хотел занять под КП. Когда он туда переходил, его подкараулил вражеский снайпер. Смертельно раненного комбата принесли на руках в дом уже с холодным сердцем. Гетмана заменил Пышкин. Алексей Иванович и рассказал мне эти подробности. Бой продолжался. 7-я стрелковая рота пошла в ночную атаку. Вел ее парторг старший лейтенант Кремлев. Противник открыл ожесточенную стрельбу. Однако она не остановила гвардейцев. Они ворвались в неприятельскую траншею и после рукопашной схватки овладели ею. Отсюда бойцы во главе с Кремлевым стали огнем поддерживать продвижение других подразделений полка.

Связь с полком 3-й батальон осуществлял только по радио. Две попытки его продвинуться дальше успеха не имели. От пуль врага погибли два командира роты.

Находившийся в этом батальоне пропагандист полка капитан Александр Федорович Мальчевский собрал остатки одной из рот и организовал круговую оборону. Обратившись к бойцам, он спросил:

— Кто уничтожит пулеметчика?

Первым вызвался агитатор, командир пулеметного взвода младший лейтенант Федоров.

— Я иду, кто еще со мной?

Два бойца подняли руки. Первая их попытка поджечь здание не удалась. Тогда бросили в дом две гранаты. Один из фашистов показался в проеме окна. Федоров сразил его. Но и младшего лейтенанта свалила автоматная пуля. Замертво упал и находившийся рядом с ним гвардеец.

Тогда рядовой Попков, только недавно прибывший в часть, схватил бутылку с бензином, свернул жгут из соломы и пополз. Он сумел выкурить вражеского пулеметчика. Однако сам погиб. Попков ценою собственной жизни открыл путь подразделению. Оно начало продвигаться к центру города.

Батальону Филипповского я приказал выйти на западную окраину Шталлупенена. Была ночь. Воины шли в темноте по узкой тихой улице. А параллельно с ними двигалась еще какая-то часть. Филипповский послал Дубинду с несколькими солдатами узнать, кто там.

Минут через десять разведчик доложил, что рядом с нами идут немцы, идут на запад, и довольно-таки бодрым шагом. Завязывать с ними бой Филипповскнй не стал. Так и вышли вместе из центра. И только тогда наши бойцы начали действовать. Рота Ларина опередила неприятельскую колонну,

перерезала ей дорогу и открыла сильный пулеметный и автоматный огонь. Противник обратился в бегство и вскоре рассеялся.

В поисках надежного укрытия для КП я и Кучерявый вошли в один из подвалов. В нем находились местные жители. Все они замерли в ожидании расправы. Это были женщины, старики, дети. Среди них оказалась русская девушка. Она от радости заплакала и рассказала, что эти люди остались в городе вопреки распоряжению коменданта. Это она уверила горожан, что советские воины не тронут их. Василий Кучерявый стал угощать голодных ребят мясными консервами.

Тогда мы спешили, и мне не удалось побеседовать со своей соотечественницей. И только через двадцать лет в Ленинграде на Невском проспекте меня однажды остановила пожилая дама и напомнила о нашей встрече в шталлупененском подвале.

— Вы же мой освободитель…

Она рассказала о своей судьбе. Да, пережитое в Пруссии оставило след не только на ее висках… Фамилия этой женщины Циунчик. О том, что ей пришлось вынести в фашистской неволе, она — не литератор — попыталась отразить в поэтических строчках. Свои стихи Циунчик прислала мне. Вот несколько строф из них:

Вспоминаются версты этапа
И голодный, измученный люд,
Хриплый оклик чужого солдата
И свистящий над спинами кнут.

А потом долгий путь эшелонов
Через реки, леса и поля,
Смертный крик в арестантских вагонах,
Лагеря и чужая земля.

И тоска по далекой Отчизне,
По любимой Советской стране.
Разве можно назвать было жизнью
Эти годы в чужой стороне?

Лишь надежда, что все же дождемся,
Когда цепи спадут и опять
Мы на Родину снова вернемся,
Помогала мужаться и ждать…

После боев за Шталлупенен, когда мы готовились к новому

наступлению, пришла радостная весть. Наш полк был награжден орденом Суворова III степени. На митинге, собранном по этому поводу, замполит Т. П. Олейник зачитал письмо, полученное из города Старобельска. Р. Деревянко, М. Цигуля, К. Лефтерова и Р. Подольская писали воинам:

«Дорогие гвардейцы! От всего сердца желаем вам много радостей, чтобы ваш путь был победоносным и 1945 год стал годом разгрома врага и полного торжества нашего справедливого дела. Идите смелой и уверенной поступью вперед, добейте проклятого врага и водрузите Знамя Победы над Берлином.

Своим трудом мы поможем вам в 1945 году добить врага».

Бывалые гвардейцы ответили:

«Дорогие девушки! Сегодня мы получили ваше письмо, за которое благодарим. Мы ни на минуту не забываем пролитой крови и слез наших людей, мы не забываем о тех, кто еще томится во вражеской неволе. Хорошо понимаем свои задачи, знаем, что требуют от нас партия и советский народ. Мы приложим все силы и опыт к тому, чтобы добиться победы над врагом. Мы отучим навсегда врага поднимать меч на нашу Родину.

С боевым приветом.

По поручению однополчан: Ю. Федоров, П. Сигал, М. Дерябкин, П. Тропа, Н. Цибулькин, И. Вовченко».

Письма были опубликованы в дивизионной газете «За Родину».

Продвинувшись на пять-шесть километров западнее Шталлупенена, полк в конце октября закрепился на занимаемых позициях, готовый к отражению контратак противника, который намеревался любой ценой отбросить советские части за пограничную линию.

В канун Нового года ожидались ожесточенные бои.

2

Новый год! Теперь никто из нас не сомневался в том, что он будет последним годом войны. И эту уверенность не могло уже поколебать ожесточенное сопротивление врага.

Январь нас подвел: частые туманы и снегопады обрекли нашу авиацию на ограниченные действия. Морозов почти не было. Весь день сизые облака висели низко над землей. Но ход войны неумолимо требовал продвижения вперед. И мы наступали. В первом эшелоне нашей дивизии шли два полка: на правом фланге — 295-й, на левом — 293-й. Перед нами стояла задача захватить

Каттенау.

После мощной артиллерийской подготовки все три батальона 293-го гвардейского стрелкового полка устремились к городу и вскоре завязали на его окраинах бои.

Вечером 13 января 1-й батальон овладел пригородным господским двором. В нем разместился штаб подразделения. Сюда прибыл и я. Позвонили из штаба дивизии и сообщили, что с юга к нам на помощь идет 23-я танковая бригада. Начальник артиллерии части Петр Степанович Овтин предупредил командиров батарей, чтобы они были внимательны и не встретили бы свои танки огнем. Стрелковые подразделения также были поставлены об этом в известность.

Случилось же так, что наши танкисты изменили свой маршрут, а с юга на выручку гарнизона Каттенау пошли немецкие машины.

Но мы об этом не знали. Командир батареи 76-мм пушек капитан Василий Алексеевич Сурков ожидал противника с севера и орудия развернул в этом направлении. Когда в темноте, послышался рокот танковых двигателей, Сурков, как он рассказывал потом, был уверен, что это идет к нам подмога, но на всякий случай приказал зарядить орудия, навести их в направлении, откуда доносился шум. Вот уже показался неясный силуэт. Он вынырнул недалеко от первого орудия. Суркову что-то показалось подозрительным. Капитан насторожился. Автоматные и пулеметные очереди, ударившие со стороны подходивших машин, объяснили все. Сурков приказал открыть огонь.

Но первое орудие уже не могло поразить цель. Танк успел проскочить зону обстрела. Расчет бросился в укрытие. Сам Сурков прыгнул в полуподвал. Гитлеровец метнул туда гранату. К счастью, она лишь оглушила Василия Алексеевича.

Остальные орудия батареи вступили с неприятелем в бой и отразили его атаку. Правда, несколько машин прорвалось во второй эшелон на позиции 1-й стрелковой роты капитана Векшина. Ему пришлось туго. Выручил 2-й батальон. Он очистил от врага господский двор.

Во время боя в центре Каттенау комбат Филипповский, командир батареи Богуславец с группой радистов и взвод разведчиков Дубинды заняли первый этаж большого дома. На верхних этажах еще шел бой. Здание дрожало от взрывов гранат. Радисты тем временем развернули радиостанцию и пытались связаться со штабом полка. Богуславец намеревался передать данные для нашей артиллерии.

Вдруг в окно нижнего этажа, выбив стекла, просунулся ствол вражеской самоходной пушки. Фашистские автоматчики, окружив

здание, закричали:

— Рус, сдавайся!

Создавалось, казалось бы, безвыходное положение. В это время радисты наконец связались с КП части. Пока разведчики отстреливались, Александр Богуславец вызвал огонь на себя.

Через несколько минут дивизион «катюш» дал залп. Вражескую самоходку и автоматчиков как ветром сдуло. Они отскочили в конец квартала. Филипповский, Богуславец и Дубинда со своими бойцами с трудом вырвались из огненного пекла.

Весь день 14 января мы вели бой за Каттенау и прилегающие к нему высоты. А вечером начались контратаки немцев. Они пытались отбить город, но не смогли.

К утру 18 января полк в составе дивизии занял исходное положение для наступления в первом эшелоне. В его строю все меньше оставалось ветеранов. На Каттенауских высотах авиационная бомба накрыла землянку, где находились братья Кругловы. Я подошел к огромной воронке и поднял шапку Михаила, в которой, как всегда, была игла с нитками. Это все, что осталось от моих боевых товарищей. Об их смерти некому было сообщать: они выросли в детдоме.

Не успел я отойти от страшного места, возле которого стояли также Березников и Лебедь, как меня встретил Василий Кучерявый и приглушенным голосом сообщил:

— Вот осиротела… — Он кивнул на смуглую девушку с поникшей головой.

И я сразу все понял. Возле моего «виллиса» стояла стройная, черноволосая, с карими глазами Валя Медяникова. По национальности она была турчанка. Пришла в армию из Азербайджанской республики. И очень быстро зарекомендовала себя знающим и бесстрашным военфельдшером. В нашем полку она встретила своего земляка Петра Саввича Мудракова. И они, красивые, храбрые, энергичные, полюбили друг друга.

В Пруссии майор Мудраков командовал 1-м стрелковым батальоном. Его фамилия часто упоминалась в политдонесениях и оперативных сводках. Горячий, подвижной, любивший острую шутку, он появлялся в ротах в самые критические минуты, ходил с гвардейцами в атаки. Комбат пользовался среди солдат большим уважением.

В боях за Каттенауские высоты 1-й батальон попал в полуокружение. Мудраков бросился со своего КП на фланг, где положение было особенно плохое, но не добежал. Тогда за умолкший станковый пулемет легла Валентина Медяникова и открыла меткий огонь по наступающим гитлеровцам. Ее

решительные действия в очень напряженный момент внесли перелом в ход боя. Подоспела подмога, и противник был остановлен, а затем и отброшен назад.

Я подъехал к развалинам кирпичного здания и увидел там опрокинутый каменный забор, помятое противотанковое орудие, глубокие следы гусениц. Мудраков лежал на каменной площадке, ведущей в подвал. На его груди блестел орден Красного Знамени. Сдерживая слезы, Валя наклонилась к любимому и собою прикрыла его лицо. Петр и Валя мечтали вернуться на родину вместе. И вот теперь его подруга осиротела.

Петр Саввич погиб в районе господского двора Нибуджен, а в боях за город Цинтен сложил лихую голову заместитель комбата капитан В. Сурков. Пуля нашла его в тот момент, когда он вел за собой стрелковую цепь.

Гибель братьев Кругловых, Мудракова и Суркова… Как много унесла война прекрасных людей. Разве это забудешь?

3

За последнее время какие-то изменения произошли в настроении Ивана Алексеевича Алехина. Я заметил, что начальник штаба полка все чаще и чаще сидел за бумагами задумчиво-скучный. Меж густых его бровей резко обозначились две вертикальные складки. Возможно, начало сдавать здоровье. Алехин имел несколько ранений. Первое он получил на Волге. Зажигательная пуля угодила тогда ему в бедро. Однако Иван Алексеевич продолжал выполнять свои обязанности. Ощущение боли пришло позднее, когда гвардейцы выбили немцев с высоты.

Второй раз Алехина ранило в боях за Шахты. Начштаба с группой бойцов отбивал контратаку противника, который явно превосходил нас в силе. Он буквально засыпал гвардейцев минами. Один из осколков пробил Алехину грудь. Несмотря на ранение, он вместе со всеми стрелял, управлял боем. Его стойкость передавалась и другим. Почти все бойцы были ранены, но обороняемый рубеж они удержали до подхода подмоги. За этот подвиг Ивана Алексеевича наградили орденом Красного Знамени.

После боев за Шахты Алехин действовал на Саур- Могиле, освобождал Донбасс, форсировал Днепр и вошел победителем в Николаев. Иван Алексеевич Алехин отличался вдумчивостью и все, за что брался, делал фундаментально.

Один из военных корреспондентов удивился, когда увидел на его груди награды: «За что штабной работник получил пять орденов и две медали?» Я ответил, что, если бы Алехин и не

принимал непосредственного участия в боях, он все равно был бы награжден. Ведь вся тяжесть подготовки боя ложится обычно на плечи начальника штаба. Во время выполнения задачи он наряду с командиром управляет подразделениями. И после боя начштаба не имеет передышки: итоги боя, сводки, подсчеты трофеев, извещения, учет живой силы, техники — все это делается под его контролем. Всегда подтянутый, загорелый, улыбающийся, наш начальник штаба служил примером бодрости, выносливости.

А здесь, в Восточной Пруссии, он вдруг почему-то захандрил. То ли не так сложилась личная жизнь (у него пошли размолвки с подругой), то ли человек просто физически переутомился. Напряженная работа в штабе, бессонные ночи, непрерывные бои — все это сильно изматывало организм.

— Иван Алексеевич, ты что приуныл? — спросил я его.

Он поднял на меня округленные глаза: под ними синеватая тень, воспаленные веки и потухший взгляд…

— Видимо, устал, Александр Андреевич. Пропал аппетит, нет сна. Если задремлю, вижу себя во сне убитым…

Я удивился не тому, что мой боевой товарищ сильно утомился, а тому, что он так долго выдерживал сверхчеловеческую нагрузку. Мне не приходилось видеть Алехина спящим. Когда ни зайдешь в штаб, Иван Алексеевич всегда либо чертит схему, либо проверяет документы, либо говорит по телефону.

Я решил дать ему передышку и предложил двухнедельный отпуск. Но не такой был Иван Алексеевич, чтобы во время войны отдыхать.

Тогда я начал ходатайствовать о посылке Алехина на учебу. Генерал С. Н. Кузнецов не стал возражать. И вот я пишу Алехину боевую характеристику. Вспоминаются основные моменты его биографии.

Иван Алексеевич жил в Подольске, учился в десятилетке. Война застала его курсантом Подольского стрелково-пулеметного училища. Осенью сорок первого года подольские курсанты защищали Москву. Это было суровое боевое крещение.

На Волге молодой командир научился не только умело бить врага, но и ценить жизнь рядового бойца. Когда комбат выполнял задачу с большими потерями, начальник штаба говорил ему: «Дорогая победа — полпобеды».

Вскоре мы проводили Ивана Алексеевича в Москву, в Военную академию имени М. В. Фрунзе. При расставании Алехин ничего не обещал, как иные однополчане, которые, уезжая, чего только не сулят: и писать регулярно, и фотографию выслать, и навестить при случае, а потом — ни привета, ни ответа. Алехин

полк не забыл. Регулярно сообщал, как идет у него учеба, радовался, что многие задания выполняет, используя боевой опыт нашей части.

До конца войны мы с ним больше не встречались. Забегая вперед, скажу, что и сейчас полковник Алехин служит в рядах Советской Армии и занимает ответственный пост в одном из военных округов. У него семья, двое детей. Недавно он навестил меня. Долго вспоминали славный путь 293-го гвардейского полка. Беседовали мы с ним и о том, что западногерманские реваншисты снова кричат о пересмотре границ. Иван Алексеевич сказал;

— Надо им почаще напоминать, чем такие дела кончаются…

Накануне боев за Бладиау — юго-западнее Кенигсберга — я зашел к старшине Дубинде. Павел Христофорович теперь командовал стрелковым взводом. Перед наступлением он писал письмо матери. Она жила в Херсонской области, Голопростянском районе, в селе Прогной.

— Это моя родина, — сказал мне Павел Христофорович.

Александре Мефодиевне сын писал о том, что он не опозорит своих земляков, будет бить врага не жалея жизни…

У кандидата в члены КПСС слова не расходились с делом. На его груди красовались ордена Славы всех трех степеней и орден Богдана Хмельницкого.

Павел Христофорович знал, что командование придает огромное значение этому направлению. Прорыв наших войск к Балтийскому морю изолирует курляндскую группировку немцев. Командир взвода заверил, что его солдаты не подведут.

После артиллерийской обработки переднего края вражеской обороны старшина Дубинда быстро поднял взвод и повел его на штурм вражеских укреплений. Он первым ворвался в траншеи и в рукопашной схватке лично уничтожил двенадцать гитлеровцев. Только в этой стычке подразделение во главе с Дубиндой взяло в плен тридцать солдат.

Вместе со штурмовыми отрядами взвод Дубинды ворвался в город. В боях на улицах Бладиау он уничтожил до роты неприятельских пехотинцев и захватил две пушки.

А когда враг силою до двухсот человек при поддержке орудий и минометов предпринял яростную контратаку, горсточка гвардейцев не дрогнула. Израсходовав патроны, бойцы Дубинды пустили в ход гранаты. Фашисты, не добившись успеха и понеся большие потери, откатились назад.

Дубинда с оставшимися в живых десятью бойцами пленил еще около сорока человек.

За проявленное геройство П. Х. Дубинда был удостоен звания Героя Советского Союза.

Бладиау был взят в тот же день. Наблюдательный пункт полка разместился на западной окраине города в заброшенной мельнице. Перед нами раскинулись воды залива Фриш-Гаф. Вестники близости моря — чайки прорывались сквозь дым пожарищ и, как бы приветствуя нас, грациозно парили над водой.

Вскоре полк получил приказ наступать в район порта Бальга. Однако немцы с наступлением темноты, перебросив войска из района Крейцбург, перехватили автостраду, по которой мы двигались. Затем они подтянули моторизованные полки танковой дивизии «Герман Геринг». Завязался ожесточенный ночной бой.

Артиллеристы, выкатив орудия на прямую наводку, метко били по вражеским машинам, но это не остановило противника. Несмотря на потери, он все более усиливал натиск. На левом фланге ему удалось прорваться сквозь боевые порядки 3-го стрелкового батальона и оказаться в нашем тылу. Находившийся здесь расчет старшины Хазова встретил танки метким огнем. Наводчик Александр Семушкин быстро ловил их на прицел, и орудие било почти в упор. Двумя выстрелами была подожжена первая машина. Потом такая же участь постигла вторую. Остальные повернули назад.

Ободренные поддержкой артиллеристов, в контратаку поднялись стрелки. Ведя непрерывный огонь из автоматов, гвардейцы 2-го батальона успешно начали продвигаться вперед. За ними последовали другие подразделения.

Бой приближался к порту Бальга. Неприятельские пулеметы, густо расставленные вдоль дороги, все больше мешали нам. В борьбу с ними вступили наши лучшие «станкачи» Гого и Давыдчик. Они заставили замолчать вражеские огневые точки.

Командир 5-й стрелковой роты старший лейтенант Борис Ларин поднял бойцов в атаку. С криком «ура» воины ворвались в город. Гранатами и огнем из автоматов они истребляли гитлеровских солдат, начавших беспорядочно отступать. Особенно отличились комсомольцы Телятников, Озеров, Парфенюк.

293-й гвардейский полк в тесном взаимодействии с 291-м овладел Бальгой. 295-й гвардейский полк, с которым мы также держали локтевую связь, постигло большое несчастье. Еще в районе Бладиау прямым попаданием снаряда был полностью выведен из строя командный пункт части. Полковник Андрей Максимович Волошин получил тяжелое ранение. Командир дивизии возложил на нас дополнительные задачи.

Развернув наблюдательный пункт на опушке небольшой рощицы, я приступил к организации боя за колонию Бальга. Через некоторое время рядом с НП сильно грохнуло. Последнее, что я

хорошо запомнил, — это тяжелый удар, последовавший за взрывом. О дальнейшем спустя некоторое время мне рассказал начальник артиллерии полка майор П. С. Овтин.

Вот как это было. В момент начавшегося очередного артиллерийского налета немцев по нашим позициям Овтин вел телефонный разговор с минометчиками старшего лейтенанта Сигала. Они в числе первых ворвались в Бальгу. Поблагодарив Сигала за решительные действия, Овтин собрался идти на НП. В это время раздался взрыв, его чем-то ударило по плечу. Когда рассеялся дым, он бросился к блиндажу, в котором был НП. У входа майор увидел убитых двух солдат и одного офицера. С трудом он разобрал перекрытие и протиснулся внутрь. Первым, кто бросился в глаза, был убитый заместитель командира минометного полка. Овтин стал лихорадочно разыскивать других офицеров. Обнаружив меня, он приложил ухо к груди. Сердце билось. Стал осматривать остальных. Нашел командира роты связи капитана Андреева с оторванной кистью руки. Всем раненым организовал медицинскую помощь.

Меня, как я потом узнал, в бессознательном состоянии отправили в тыл. В командование полком вступил начальник артиллерии Петр Степанович Овтин. Отсутствие многих штабных офицеров усложнило его задачу.

Части предстояло взять порт Бальга, который был последним опорным пунктом немцев у залива Фриш-Гаф.

С моря потянул сильный туман, и Овтин решил под его прикрытием раньше намеченного срока выдвинуть вперед батальоны майора Г. Варьяна и капитана Филипповского. Они скрытно подошли к переднему краю вражеской обороны.

Когда могучее «ура» зазвучало у самых окопов противника и слилось с трескотней автоматов и пулеметов, немцы были ошеломлены и не смогли оказать серьезного сопротивления.

Впереди были бойцы батальона Филипповского. С возгласами «Утопим фашиста в море» вперед вырвались гвардейцы Воронов, Самохвалов, Тютюнин, Игнатов, Соловьев и другие. Действуя огнем и штыком, гвардейцы продвигались все дальше, в глубь вражеской территории. Следуя их примеру, рота за ротой, весь полк начал стремительно преследовать отходящих гитлеровцев. Подразделения вскоре пробились к портовым сооружениям, затем ворвались в гавань.

Немецкие части, прижатые к побережью залива Фриш-Гаф, частью сил предприняли попытку сдержать наше наступление, остальные возлагали надежду на германский флот.

Противник контратаковал. Два батальона встретили фашистов пулеметным огнем. Затем заговорили орудия старшего

лейтенанта Супруна и минометы старшего лейтенанта Сигала.

За несколько часов минометчики выпустили более полутора тысяч мин. Они прижали немецкую пехоту к земле.

28 марта 1945 года полк в числе первых вышел к Балтийскому морю и вместе с другими частями участвовал в уничтожении вражеской группировки. Он взял в плен свыше семисот вражеских солдат и офицеров, захватил сорок пять минометов, семь танков и около десяти тысяч винтовок и автоматов Весь личный состав части был удостоен благодарности Верховного Главнокомандования.

Радость победы омрачало то, что далась она ценой больших потерь. Многие гвардейцы, похороненные с воинскими почестями, навеки остались на Балтийском побережье. Их могилы в веках будут напоминать людям о крови, пролитой за их свободу и независимость.

После окончания боев полк был выведен во второй эшелон и к утру 29 марта сосредоточился в районе города Бладиау, а позже — в Инстербурге.

Связавшись с командиром дивизии, Овтин решил узнать о предстоявшей задаче, Кузнецов ответил:

— Готовьтесь к боям на новом направлении.

Овтин задумался. Очевидно, он ломал голову, куда именно пошлют полк. За этим занятием я и застал его.

Петр Степанович Овтин принадлежал к той категории людей, которых, встретив однажды, уже не забудешь всю жизнь. Свела нас с ним фронтовая судьба в 1942 году, когда наш полк в числе других штурмовал вражескую оборону на реке Миус. Среднего роста, очень подвижной молодой командир батареи звонким, почти мальчишеским голосом, пытаясь перекричать страшный грохот, подает команду своей батарее — таким он чаще всего всплывает в моей памяти. И хотя Петр Степанович уже майор, он почему-то мне особенно дорог с двумя кубиками в петлицах, когда впервые после жестокой атаки врага хриплым голосом проговорил:

— Все, Саша, отбили…

И с неуклюжестью враз повзрослевшего мальчишки обнял меня. Много воды утекло с того дня, но простота и доверие, так необходимые на войне, навсегда остались в наших взаимоотношениях.

Петр Степанович никогда не унывал. Острый на язык, всегда беззлобно над кем-нибудь подтрунивавший, он был до самозабвения внимателен к товарищам и отзывчив.

Для меня же он стал самым дорогим человеком. Бывало, пройдет несколько часов, нет Петра — и, чувствую, чего-то не

хватает. Тянет к нему. Хочется поделиться редкими фронтовыми радостями, рассказать о заботах и сомнениях. Встретимся, поговорим — и на душе как-то теплее, и заботы кажутся не такими страшными, и печали не такими грустными.

С чувством глубокого уважения, с братской нежностью смотрел я на усталое, посеревшее лицо моего верного друга.

У меня не хватило терпения томиться в медсанбате, несмотря на то что плохо слышал и ощущал постоянные шумы в голове. Не считаясь с протестами врачей, я ушел в полк, когда он прибыл в Инстербург. И вот они, дорогие сердцу товарищи, друзья, прошедшие вместе через многие испытания войны. Я опять с ними. Нет большей радости, чем возвращение в родной полк.

Офицеры, сержанты, солдаты приходили поговорить по душам, просто пожелать скорейшего полного выздоровления. От души я благодарил их за внимание.

4

На Берлин! Сбылось то, о чем мечтали еще на Саур- Могиле. Наша 28-я армия, совершив марш из Восточной Пруссии, с ходу вступила в сражение. Надо было не допустить прорыва к Берлину франкфуртско-губенской группировки противника, уничтожить ее во взаимодействии с другими соединениями фронта, а затем уже наступать на Берлин.

Неприятель рвался на запад. Он создал сильную группировку силой до шести дивизий. У него была одна цель — вырваться из «котла» и соединиться в районе Лукенвальде с наступающей с запада 12-й немецкой армией.

Обстановка очень усложнилась. Ценою огромных потерь врагу удалось прорвать кольцо окружения наших войск в районе Франкфурт, Губин и отойти до Барута.

96-я гвардейская стрелковая дивизия получила приказ овладеть городом Барут. В одном километре от автострады виднелась высота с отметкой 86.3. Немцы, оседлав ее, контролировали дорогу, по которой передвигались советские войска, направлявшиеся к Берлину, шли транспорты с боеприпасами и продовольствием.

293-й гвардейский полк должен был на этом участке не только остановить продвижение противника, но и выбить его с занимаемых позиций.

Командование, партийно-политические работники и офицеры штаба разъясняли личному составу сущность боевой задачи. Новая обстановка требовала активного воздействия на солдатские

массы. Еще во время марша мы получили пополнение.

Читатель заметил, что я больше рассказывал о работе парторга и комсорга полка, чем о своем заместителе по политической части. К сожалению, Тимофей Петрович Олейник не оправдал своего назначения. Слабохарактерный, он не мог устоять перед многими соблазнами.

Теперь на его место пришел энергичный, принципиальный и в то же время чуткий к людям коммунист Антон Андреевич Юрчак.

В дивизии, когда с ним беседовал начальник политического отдела полковник Д. С. Чепуров, Юрчак попросил Дмитрия Семеновича выступить перед воинами нашего полка. И Чепуров согласился. В часть они приехали вдвоем. Представляясь мне, Юрчак предупредил, что он, как новичок, сегодня держать речь не будет. Зато он задал такие вопросы начальнику политотдела, ответы на которые, собственно, составили программу политработы в новых условиях.

Свою деятельность Юрчак начал с беседы с пленными. Он уговорил двенадцать солдат вернуться в свою часть и сагитировать остальных сложить оружие.

Я одобрил это начинание. Полковник Чепуров тоже не был против. Но некоторые товарищи говорили: «Как же, вернутся. Жди волка из леса». Однако майор Юрчак верил. И вот в конце апреля 1945 года двенадцать отпущенных немцев во главе с Вилли привели к нам двести сорок восемь своих однополчан.

После этого случая авторитет Антона Андреевича сразу же возрос. У него был дар убеждать людей. Майор Юрчак очень быстро изучил историю полка, привлек наших ветеранов к проведению бесед с молодыми воинами, поставил перед коммунистами конкретные задачи. Всю партийно-политическую работу он подчинил ближайшей цели — разгрому окруженной группировки противника. Нам надо было во что бы то ни стало пробиться к городу Барут и восстановить наши коммуникации, разорванные прорвавшимися из окружения гитлеровцами. Соотношение сил было не в нашу пользу, поэтому людей следовало подготовить к тяжелым боям. Мы с Юрчаком решили провести партийное собрание.

Апрельским утром из подразделений потянулись группы коммунистов к господскому двору. Там у каменной стены стоял стол, над которым согнулся парторг Башкиров. Он отмечал прибывавших. Перед ним лежал листок бумаги с коротким решением, набросанным им накануне. Стульев и скамеек не было, поэтому приходившие устраивались кто на корточках, кто на бугорке. Все были сосредоточенны, подтянуты.

Я смотрел на собравшихся, и в душе рождалось теплое чувство. Это были бесконечно дорогие моему сердцу люди. Вот так же, без суеты, сосредоточенно, они ходят в атаку, бьют врага, совершают марши, роют окопы. И во всем первые, всегда там, где труднее.

Парторг открывает собрание. Избирается президиум. Затем мне предоставляется слово для доклада. Я начинаю говорить о неизмеримом горе, причиненном народам фашизмом, о зверствах нацистов. Но мы знаем две Германии, подчеркиваю я: Германию Гитлера и Германию Эрнста Тельмана. Мы ненавидим немецкий фашизм и ценим германский народ, давший миру математика Кеплера, композитора Бетховена, великих мыслителей Канта и Фейербаха, создателей коммунистического учения Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Сегодня мы идем в бой с фашизмом за ту Германию, за которую боролся Эрнст Тельман и лучшие сыны немецкой нации. Пусть же наш прорыв будет неотразимым, пусть пример коммунистов в бою ведет за собой десятки и сотни бойцов во имя нашей победы.

После моего доклада слово взял парторг 1-го батальона, потом — 2-го. Их выступления сводились к короткой и предельно ясной мысли: задача будет выполнена. Это было сказано так категорически, что дополнений не требовалось. Решение тоже было лаконичным — коммунистам быть впереди, в атаку подняться первыми.

Когда собрание закончилось, все быстро разошлись по подразделениям.

Оставшись наедине с Юрчаком, я спросил:

— Антон Андреевич, Башкиров с кем идет?

— С теми, кому будет труднее.

В назначенное время орудия открыли огонь. К ним присоединились реактивные установки.

Ровно в 2 часа дня 26 апреля пехота пошла в атаку. Оборону противника рвали артиллерийские снаряды, мины, авиационные бомбы. Город Барут утонул в пламени и клубах дыма. С наблюдательного пункта хорошо было видно, как рушились вражеские укрепления.

Подступы к Баруту были заминированы, окраины изрыты глубокими траншеями. К гитлеровцам подошло подкрепление. Однако ничто не смогло остановить натиска гвардейцев. Один из батальонов ворвался в пригород.

К вечеру фашисты предприняли контратаку. Двумя пехотными батальонами при поддержке двенадцати танков и четырех «фердинандов» они попытались выбить наших стрелков из своих траншей. Неприятель устремился на позиции 2-го

батальона. Комбат Филипповский вызвал на помощь артиллерию. Пушкари метким огнем подбили четыре танка и один «фердинанд». А те машины, которым удалось проскочить к окопам, были остановлены гранатами. Контратака захлебнулась.

Но еще не успел рассеяться дым, как вновь задрожала земля. Потом на наши подразделения пошли новые цепи фашистских солдат. Прижимаясь к танкам, они через железнодорожный переезд станции Барут заходили во фланг 2-му батальону.

Артиллерия и минометы противника вели плотный огонь по боевым порядкам полка, прижав всех к земле.

Капитан Филипповский, передвигаясь от одной роты к другой, коротко повторял:

— Стоять насмерть! Ни шагу назад!

Я приказал истребителям бить в первую очередь по головным машинам. Захлопали противотанковые пушки. На моих глазах накренился и задымил сначала один танк, потом вспыхнули еще два. Огонь врага начал ослабевать.

Иван Митрофанович Филипповский сбросил с себя шинель, выхватил из-за пояса две гранаты и, поднимаясь во весь рост, громко крикнул:

— Приготовить гранаты! Батальон, в атаку — вперед!

Воины последовали за своим командиром.

Взрывной волной комбата отбросило в сторону. Он вновь вскочил, кинул противотанковую гранату под вражеский танк, и тот завертелся на месте.

Рядом с Филипповским разорвалась мина. Мелкие осколки и комья земли ударили его по спине. Комбат не упал. В крови, с черным от пороховой гари лицом, он продолжал бежать вместе с бойцами.

Наблюдая за ним, я поднял ракетницу — и зеленый шарик взмыл в небо. Это был сигнал общей атаки. Зазвенело мощное «ура». Рядом с нами наступал 148-й гвардейский стрелковый полк.

Оставшись без танков, немецкая пехота повернула назад. На ее плечах гвардейцы Филипповского первыми вышли к железнодорожному переезду между Барутом и Нойгофом.

К исходу дня 26 апреля город Барут был полностью очищен от врага. Наступила короткая передышка.

Я решил заглянуть к капитану Филипповскому. Нашел его у лесопильного завода. Вил у комбата был страшный: лицо почернело, руки в крови, но глаза светились радостью. Объясняя свое настроение, он сказал:

— Вчера письмо получил от своих…

Иван Митрофанович часто рассказывал о своей семье. До

войны он, его жена Татьяна Никитична, сын Витя и дочь Света жили на берегу Южного Буга. Филипповский работал в винницкой библиотеке. В свободное время он увлекался рыбалкой, охотой. Он порывался рассказать о том, что жена и дети собираются вернуться в освобожденную Винницу, но поведал мне об этом только после войны. Сейчас он живет в родном городе и заведует большой библиотекой. Семья у него увеличилась. Об этом Иван Митрофанович сообщил мне в письмах. А тогда нам не дал поговорить Василий Кучерявый. Он подбежал и с тревогой в голосе крикнул:

— Танки! Много!

Озлобленные неудачами, фашисты опять перешли в контратаку. Танков действительно было много. Но к этому времени наши артиллеристы успели занять выгодные позиции на южной окраине города. И враг опять ничего не добился.

А на следующий день — 27 апреля и мы оказались в тяжелом положении.

Накануне, ночью, на командный пункт дивизии прибыл командир 50-й гвардейской дивизии генерал-майор Владычанский. Я тоже там был. Мы согласовали с ним вопросы взаимодействия.

Не знаю, спал ли кто из офицеров штаба полка в эту ночь. Мне же не довелось даже прилечь.

В восемь утра началась артподготовка. Наши артиллеристы не жалели снарядов. Фонтаны взрывов застилали горизонт. Пехота пошла в атаку дружно. Однако сломить сопротивление врага не удалось ни нам, ни свежим частям 50-й гвардейской дивизии.

Почему так? Анализ причин неудачи показал, что не было одновременности действий, не соблюдались меры маскировки. Противник знал о нашем выходе на рубеж атаки и принял соответствующие меры. Огонь его артиллерии нанес нашим соседям и нам значительный урон.

В критическую минуту ко мне на КП позвонил комбат Филипповский. Он сообщил:

— Огонь врага ослабел. Захваченный «язык» показал, что часть сил немцы выводят через Нойгоф.

— Всеми средствами прикройте стык со сто сорок восьмым полком. Я срочно высылаю туда свой резерв.

Огнем батальона Филипповского и маневром резерва полка удалось закрыть последнюю лазейку для врага и этим окончательно окружить его.

На рассвете 28 апреля неприятельская мотопехота и танки вышли из леса и рванулись на шоссе Барут — Вюнсдорф.

— Более полсотни танков! — подсчитал майор Овтин. — Ничего, сейчас мы их по-иному пересчитаем…

Он не договорил. Вражеские снаряды накрыли наш наблюдательный пункт. Несколько человек, таких близких, родных, мы навсегда потеряли этим ранним утром.

Наши мастера меткой стрельбы из орудий и противотанковых ружей на самом деле открыли свой счет машинам противника. Вот они подожгли головной танк, затем несколько бронеавтомобилей. У фашистов получилась некоторая заминка. Но они быстро сориентировались и начали обходить нас с флангов. Ведя огонь с ходу, гитлеровцы подступили к нашим позициям.

Обычно военные считают, что основное средство борьбы с танками — противотанковые пушки. Но в это памятное апрельское утро наши гаубицы били по машинам прямой наводкой с двухсот — трехсот метров. Эффект был потрясающий. При удачном попадании раздавался неимоверный лязг, и башня тапка, словно игрушечная, срывалась с корпуса и летела в сторону.

В этом бою артиллерийские расчеты коммунистов Киселева и Базового подбили и сожгли более десятка стальных крепостей. Поле боя было усеяно трупами. Остатки немецких подразделений отошли в лес.

Я с офицерами штаба направился к артиллеристам. В небольшой лощине догорал германский бронетранспортер. Вокруг него валялось много убитых неприятельских солдат. Их уничтожили два наших пулеметчика.

Героев мы нашли метрах в пятидесяти от бронеавтомобиля. Сержант Котов и рядовой Никулинцев лежали почти без движения. Они выбились из сил и истекали кровью. Мы оказали им первую медицинскую помощь.

Я узнал, что, когда бронетранспортер прорвался в лощину, здесь его поджидала засада. Петеэровец вывел из строя машину, а пулеметчики уничтожили автоматчиков.

Из пулеметного отделения остались в живых лишь Котов и Никулинцев. Враг здесь не прошел. Кстати, Котов и Никулинцев подлечились и торжественно отпраздновали День Победы с другими ранеными воинами в медсанбате, расположенном в роскошном фольварке.

Солнечный день 30 апреля порадовал нас. В этот день немецко-фашистские войска были окружены и в центре Берлина. Наша 28-я армия вместе с другими участвовала в штурме германской столицы.

30 апреля все было покончено с франкфуртско-губенской

группировкой. Ныне братское кладбище у Барутской дороги с мавзолеем, охраняемым двумя вздыбленными танками, напоминает путникам о происходивших здесь апрельских боях 1945 года.

Армейские радиоустановки с мощными репродукторами и тысячи листовок помогли нам встретить 1 Мая по-праздничному. В предыдущую ночь последние группы гитлеровцев были ликвидированы, а их деморализованные, бродившие по лесам остатки пленены. Теперь они охотно поднимали руки.

Вести из Берлина поступали отрадные: Гитлер и Геббельс покончили с собой, положение осажденных в Берлине безнадежно. Однако в районе Праги большое количество фашистских войск и не думало пока поднимать белые флаги. Больше того, они готовы были двинуться на выручку берлинской группировки.

Мы получаем приказ помочь народам Чехословакии освободить их родину от фашистских захватчиков.

К восставшей Праге пробиваемся с боями. Головным батальоном идет 2-й. Днем 8 мая комбат Филипповский прислал ко мне связного, который доложил, что подразделение ведет бои на подступах к немецкому городу Циттау. Я приказал: «С ходу овладеть Циттау».

Во 2-м батальоне находился начальник полковой артиллерии Овтин. Комбат, не теряя времени, начал выводить свое подразделение на рубеж развертывания, а остальные батальоны ускорили движение. Противник вел себя загадочно: утром яростно оказывал сопротивление, а к вечеру глубокие траншеи, прикрывавшие Циттау, совершенно притихли.

В одиннадцать вечера дружной атакой во взаимодействии с 291-м гвардейским полком мы с ходу овладели Циттау.

Мне позвонили от начальника политотдела Чепурова. Я узнал новость, о которой немедленно сообщил по рации Филипповскому. Правительство адмирала Деница, преемника Гитлера, готово подписать акт о безоговорочной капитуляции Германии…

— Неужели все? — спросил комбат.

Я подтвердил, поздравил Ивана Митрофановича с долгожданной победой и приказал полку сосредоточиться на юго-западной окраине Циттау.

Батальоны выстроились. Бойцы еще не знали о чрезвычайной новости. Я поздравил их с вели кои победой.

Приехал генерал Кузнецов. Наступила торжественная минута. Солнце осветило ряды бойцов, стройные ряды гвардейцев и пеструю толпу горожан с цветами. Командир дивизии поднялся

на открытый «виллис» и поздравил воинов с победой…

— Война окончена! Фашистские изверги на коленях. Капитуляция подписана!..

— Ура! Ура! — как буря пронеслось над рядами.

Неудержимое ликование охватило гвардейцев.

В воздух взлетели шапки. Воины вскинули оружие. Началась такая пальба, словно шел жаркий бой.

Но вот над ликующей массой поплыл величавый голос Левитана. Москва извещала весь мир об исторической победе советского народа. То здесь, то там возникали летучие митинги.

Наша дивизия срочно направлялась в Чехословакию. В Праге шли бои. Чехи и словаки героически сражались с немецкими захватчиками. И мы спешили к ним на помощь.

5

Майский ветер доносил из лесов взрывы снарядов и резкую дробь пулеметных очередей. Впереди уже кто-то вступил в схватку с гитлеровцами.

10 мая части 96-й гвардейской стрелковой дивизии с боем овладели городом Яблонец. Когда мы приблизились к центральной площади, навстречу двинулась большая масса народа. Адъютант подумал, что это гитлеровцы вырвались из окружения. Но, как выяснилось, это партизаны вели колонну пленных фашистов. Воодушевленные подходом наших войск, чешские и словацкие патриоты значительно активизировали свои действия против немецких захватчиков, изгоняя их из родных городов и сел.

В центре Яблонца произошла наша встреча с чехами. На балконах колыхались красные полотнища. Улицы были запружены ликующими горожанами. Все жители, от мала до велика, вышли приветствовать освободителей. Всюду цветы, улыбки и радостные возгласы:

— Наздар, Руде Армаде!

— Здравствуй, Красная Армия!

От всего сердца они выражали чувства огромной благодарности: бойцов угощали яблоками, пирожками, вином…

Бросая фуражки в воздух, подростки дружно кричат:

— Москва! СССР!

Смущенные такой сердечной встречей, пехотинцы едва успевали отвечать на рукопожатия и принимать все новые и новые букеты цветов. Чувством большой гордости наполнились в эти минуты наши сердца за свою Родину, за нашу

Коммунистическую партию.

Такие же волнующие и незабываемые моменты пережили мы в освобожденных городах Мишонь, Белла, где нас буквально засыпали цветами.

В чешском городе Млада Болеслав мы узнали, что советские танкисты освободили Прагу. Настало время подвести некоторые итоги. И мы сделали это здесь же, в Младе Болеславе.

293-й гвардейский Краснознаменный, ордена Суворова полк прошел от Можайска до Праги. 11 мая 1945 года участием в Пражской наступательной операции, последней боевой операции Советской Армии на западе, закончился период наших боевых действий в Великой Отечественной войне.

Родина высоко оценила мужество и ратные подвиги воинов полка: трое из них удостоены высокого звания Героя Советского Союза, трое стали кавалерами ордена Славы трех степеней, сотни бойцов и командиров награждены орденами и медалями.

Годы безжалостно стерли из памяти многое из того, что волновало нас в майские дни 1945 года.

Давно уже на пушки надеты чехлы. Ветераны полка заняты мирным трудом в разных концах страны. Когда-то безусые солдаты стали отцами семейств, время посеребрило их головы. Но разве может старый солдат забыть свою юность, величие неповторимых дней, дней, когда мир вздохнул полной грудью и две весны слились в одну.

Долгим и трудным был путь к победе. Таких тяжелых испытаний не переживала ни одна страна, а первая в мире социалистическая держава, созданная партией Ленина, выдержала с честью бешеный натиск черных сил мирового империализма.

Пройдут многие годы, но любовь и уважение к советскому солдату честные люди мира сохранят навечно.

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ
А. А. Свиридов
Батальоны вступают в бой